

Шарлотта Тарген

ХОЗЯЙКА

КОФЕЙНОЙ ПЛАНТАЦИИ

Банальный спор обернулся большими неприятностями. Я попала в другой мир и даже в другое тело. Оказывается, что меня на другом конце света ждут муж, которого я никогда не видела и его плантация, которую хотят прибрать к рукам. Остается только принять правила игры и не сдаваться. А дел непочатый край: мужа влюбить, кофейную плантацию посадить. Ну, что, Вика, позади остались прожитые годы, но весь опыт со мной! Я ещё покажу на что способна попаданка. Вас ждёт: Находчивая и острая на язык попаданка Самоуверенный и властный герой Вынужденный брак

Хозяйка кофейной плантации

Глава 1

— Егорушкин, ну, что это за галиматъя, прости, Господи! — мне так и хотелось треснуть этого наглого студента паркером по башке.

Я уже полчаса читаю дипломную работу, раздражаясь с каждой минутой всё больше и больше. Досада от самого студента, от наглости или тупости написанного.

Сам же выбрал тему диплома «Золотая лихорадка в истории Бразилии» и сейчас пишет такой бред, что портреты первооткрывателей Бразилии краснеют.

— Виктория Павловна, почему же галиматъя? — смотрит на меня своими невозможными чёрными глазами Егорушкин Михаил, который в ведомости успеваемости записан, как Мигель.

У него и правда внешность Мигеля. Яркая, испанская, привлекающая взгляды.

Я когда первый раз увидела, глазам не поверила. Егорушкин Мигель! Ошизеть, как говорят и говорили мои студенты. Весь студенческий сленг не запомнишь. Я ведь преподаю уже больше тридцати пяти лет.

Выгляжу я, конечно, моложе, своих шестидесяти лет, но, увы, не на сорок пять. Ни детей, ни плетей. Не сложилось, как-то с семьёй.

Всю свою жизнь я посветила студентам.

И вот сидит передо мной на первой парте этот юный ловелас и буквально сверлит меня взглядом. Я невольно оглядываюсь. Ну мало ли, может за мной стоит Белкина, известная кокетка нашего университета. Но нет, мы с ним одни.

Я невольно теряюсь от его взгляда. Ненормально это, когда молодой студент испепеляет взглядом пожилого препода. И взгляд этот далёк от ненависти.

— Послушай, Егорушкин, — терпеливо объясняю ему я, — Не было кофейных плантаций в Бразилии в конце семнадцатого века. Ты понимаешь, что кофейные зёрна завезли только в восемнадцатом?

— Откуда вы знаете, Виктория Павловна? — Нагло спрашивает меня Мигель, тьфу. Михаил. Да не важно уже, как его зовут.

Я просто теряю дар речи от такого вопиющего нахальства. Мне кажется, что у меня даже очки задрожали от возмущения.

— Оттуда, Егорушкин, куда тебе не пришло в голову посмотреть. Из книг. Жизнь не одни бразильские сериалы...

— Да, вы что? А что же ещё? — Вызывающе спрашивает меня мальчишка.

Да, что с ним такое сегодня? Он никогда не был особо одарённым студентом. Все силы уходили на поддержание прекрасной физической формы. Михаила природа одарила классической мужской фигурой — узкие бёдра, широкие плечи. Он же создал себе рельефное, накачанное тело, на которое пускали слюни все женщины университета от семнадцати до семидесяти пяти лет.

Егорушкин профессионально занимался спортом. Выступал на соревнованиях, защищая честь университета, города, района, края. Сколько у него кубков и медалей за исключительно первые места и не сосчитать.

В деканате постоянно за него просят, я же не иду ни на какие уступки. В итоге эта звезда спорта местного разлива выбирает именно меня руководителем своей дипломной работы.

Что им двигает, я честное слово, не понимаю. Никогда не испытывала к нему симпатии. И он это знает. Теперь вот сижу и не знаю, то ли плакать, а то ли смеяться.

— Вы предвзято ко мне относитесь, Виктория Павловна, — заявляет Егорушкин.

— Послушай, юный наглец, — закипаю я. Редко себе позволяю в таком тоне разговаривать со студентами, но похоже это именно этот случай, когда можно отступить от правил. — Я преподаю историю Бразилии больше тридцати лет. Я неоднократно была там. В конце концов я доктор исторических наук, специализирующийся на Бразилии. И ты мне сейчас говоришь, что я не права.

Эмоциональный накал достигает своего пика. Я не сдерживаюсь и указываю ему на дверь.

— Подите-ка вон, Мигель, — звенящим от возбуждения голосом говорю я. — Переделайте работу полностью. А ещё лучше принесите последний вариант, когда вы ещё самостоятельно не поменяли тему диплома с золотой лихорадки на развитие кофейного дела в стране.

— Почему вы так несправедливы ко мне, Виктория? — наклоняется ко мне этот наглец и смотрит на меня взглядом, от которого у меня побежали мурашки...от страха.

Это не тот нагло-уверенный взгляд Михаила Егорушкина. Это взгляд с многовековым опытом. Он смотрит на меня, как на неразумную девчонку.

Я теряюсь и отвожу взгляд.

— Что ж, Виктория Павловна, пришла пора покинуть вам этот мир, — скорбно произнёс человек, похожий на моего студента.

Он легонько дотронулся пальцем в точку между бровями и свет померк.

Пришла в себя я от странной качки, словно я не на земле, но где понять не могу. Взгляд упёрся в деревянный потолок.

Не успела я осознать, что пришла в себя, как мне на лоб плюхнулась отвратительно пахнувшая уксусом тряпка. Я смахиваю её и сажусь, как оказалось, на кровати.

Шальным взглядом оглядываю...каюту. Что? Каюту? Где это я?

Волна паники накрыла меня с головой. Я обхватила пылающую голову руками. Теперь понятно, зачем понадобился уксус. У меня жар. И молоденькая служанка сбивает мне температуру. Я глубоко дышу, чтобы успокоиться. Кажется, помогает.

Виктория Павловна, соберитесь! Я закрываю глаза и открываю вновь. Ничего не меняется. Тогда я сильно щипаю себя за руку. Боль чувствую, но окружающая обстановка остаётся той же.

Так, без паники! Глубоко вздохнув, я вновь оглядела небольшое помещение. Признаться на меня каюта произвела приятное впечатление. Кроме узкой кровати, на которой я сидела, я заметила письменный стол, маленький столик с несколькими стульями, платяной шкаф и небольшой комод с зеркалом над ним. Все предметы обстановки были привинчены к полу.

Каюту обогревала маленькая печурка, находившаяся возле письменного стола.

По всей видимости, это каюта капитана или старшего помощника. Только у них были отдельные каюты на парусниках. А то, что это парусный корабль я не сомневалась.

У подножия кровати лежал не закрытый на замки чемодан, из которого свешивался рукав тёмно-голубого платья. Я заглянула под кровать и обнаружила там ещё два чемодана и крепкие, добротные женские ботинки.

— Донна Виви, — окликает меня милая девушка лет восемнадцати. Черноволосая, с немного смуглой кожей и живыми, искрящимися интересом к жизни глазами.

От того, как она меня называет, я смеюсь до слёз. Виви, бог ты мой, это же надо такое придумать. Из благородного, королевского имени сделать кличку какой-то болонки.

— Как ты меня назвала? — Сквозь смех спрашиваю я и резко замолкаю. А вдруг здесь я совсем не Виктория.

— Виви, вас так называли дома. Полное имя Виктория. — поясняет служанка и смотрит на меня как-то странно. А я облегчённо вздыхаю. Хотя бы имя у меня своё. — Вы, что же совсем ничего не помните?

Я смекаю, что это хороший повод всё разузнать. И киваю.

— А, что я должна помнить? — осторожно спрашиваю я. — Напомни, как тебя зовут?

Девушка опять подносит к моему лицу дурнопахнущую тряпку.

— А это зачем? — Отталкиваю я руку. Не хватало ещё пропитаться запахом уксуса с ног до головы.

— Ну, как же донна Виви. Вы гуляли по палубе, оступились, упали со ступенек и разбили голову. Неужели вы ничего не помните? — Огорчается девушка.

Я качаю головой. Ответ служанки прямо скажем слишком лаконичный. Шла, упала, очнулась с пробитой головой и без памяти.

Час от часу не легче. Спасибо тебе, неведомая Виви, что подготовила мне столь чудную легенду. Теперь я могу ссылаться на то, что потеряла память.

И разузнать, куда я попала не составит труда. Узнать же какое сегодня число можно по

запискам капитана на столе. Я их давно приметила, только не решаюсь прочитать при служанке.

— Так как ты говоришь, тебя зовут? — Смело спрашиваю я.

Девушка бросилась ко мне, взяла за руки. Видимо, у прошлой хозяйки тела были дружеские отношения с ней.

— Милагреш, донна.

— Я ничего не помню, Мила, кроме того, что меня зовут Виктория. Ты уж, будь добра, расскажи-ка мне, куда и зачем мы плывём.

Мила, я так решила называть Милагреш, а то пока произнесёшь полное имя язык отвалится. Так вот Мила ошеломлённо смотрит на меня.

— Бедная донна Виви, — жалостливо произносит она, поглаживая меня по руке. Я поглощена своими мыслями и не обращаю внимания на фривольное поведение служанки. И всё же не могу с ней не согласиться.

Пока не вижу ни одного плюса своего положения. Попадись мне сейчас мой недоумок студент, прибила бы.

— Вас выдали замуж...

Я не выдерживаю и перебиваю.

— Меня? ты уверена в этом? — Пораженно восклицаю я, прям как в дешёвых сериалах.

Дожила Виктория Павловна до водевильных историй.

— Ну, конечно же, — говорит она. — Правда мужа никто не видел, только портрет, который показал нам его представитель.

Час от часу не легче. Кому взбрело в голову жениться на шестидесятилетней старухе. А папаше скорее всего и того больше лет. Старый маразматик выдал престарелую дочь за незнакомца.

Я протягиваю руку, чтобы добыть из чемодана платье и только сейчас замечаю, что рука молодая.

— Мила, зеркало, — потрясённо кричу я.

Мама дорогая, что ж это делается-то. Мила несёт зеркало, и я изумлённо смотрю на себя.

Божечки, какая же я красотка. Подфартило, так подфартило.

Тёмно-русые волосы, тёмные брови, серые глаза, аккуратный носик, коралловые губки, и идеальная светлая кожа. Длинная, королевская шея, прелестные ушки.

Бог мой, да я так даже в лучшие свои годы не выглядела. Ну, спасибо, Егорушкин, удружил. Попала, так попала. Шикарный выбор тела. Я радуюсь так, словно это моё личное достижение.

Муж меня не пугает, а скорее наоборот радует, наконец-то и мне удастся познать радости семейной жизни. Может даже ребёночка рожу. Какая удача!

— Так, а куда это я направляюсь? — спрашиваю я у Милы, улыбаясь идиотской улыбкой абсолютно счастливого человека.

— Вы только не пугайтесь, — начинает из далека Мила.

Значит, самое время пугаться. Не на остров же Пасхи, на самом деле мы плывём? А может в Австралию? Или Америку? Главное узнать в какой временной промежуток я попала.

Я встала и прошлёпала по холодному полу к письменному столу капитана. Не страшась

быть разоблачённой, перебираю бумаги, ищу какую-нибудь с датой.

Ого! Судовой журнал. Открываю на странице последних записей. 5 мая 1691 года.

— Мы плывём в Бразилию, — говорит Мила.

Сукин сын! Я имею ввиду Егорушкина, или кто там был за него. Бразилия 1691 года. Это же начало золотой лихорадки. Самой длительной лихорадки в мировой истории.

Обещал, что я всё увижу своими глазами и выполнил. Боже, я же всю жизнь мечтала попасть в это время. Строила планы длинными зимними вечерами, как я могла бы развернуться и применить свои знания и умения.

Ну, попадись мне сейчас Мигель Егорушкин, так я бы его расцеловала за такой шикарный подарок на старости лет.

Ещё один шанс прожить жизнь заново, и я не намерена его упускать! Но теперь я буду жить так, как хочу, руководствуясь прежде всего своими собственными желаниями, а не общественным мнением.

— Донна Вива, вы расстроены? — Осторожно спрашивает Мила.

— Чем же я должна быть расстроена по-твоему? — Я едва сдерживаю ликование. Мне хочется подхватить Милу и провальсировать по каюте.

«Ни в чём себе не отказывай» — девиз второй жизни Виктории Павловны Серебрянской.

— Ну, как же мы уехали из богатого дома в Коимбри* в дикую страну, — расстроено говорит Мила.

— Что-то мне подсказывает, что нас там ждёт увлекательная жизнь, — подмигиваю я ей, подхватывая и вальсируя по каюте.

*Коимбри — столица независимого Португальского королевства в период с XII по XII столетия столицей. В 1255 году столица переместилась в Лиссабон.

Выяснив главные детали моей прошлой жизни в Португалии и ближайшие планы, я с помощью Милы одеваюсь.

На сорочку надеваю платье облегающего силуэта, с узкими рукавами и низкой, заострённой талией с вышитыми артишоками по подолу. На ноги кожаные, отделанные бархатом и вышивкой ботинки мулеш.

Хватит сидеть взаперти, я до смерти хочу ступить на палубу парусника, пересекающего океан.

Свежий морской ветер поднимает мне настроение, хотя я думала, что быть более счастливой, чем я сейчас, не получится. Я ошибалась.

Я опёрлась о борт и стала наблюдать за океаном. Мы плыли на торговом галеоне с гордым названием «Золотая лань».

Я с Милой прошлась по палубе корабля, чувствуя на себе заинтересованные мужские взгляды. Я разглядывала как устроен корабль. Одно дело изучать это по картинкам в книге, другое видеть самой.

Мой детский восторг на лице при прогулке привлекает внимание капитана.

— Донна Коста-э-Сильва, рад видеть вас в добром здравии, — любезно говорит он. А я не знаю, как зовут этого симпатичного мужчину.

Так, значит, моя фамилия Коста-э-Сильва. Длинно слишком, но, что поделаешь. Звучит красиво Виктория Коста-э-Сильва.

Португальские фамилии, это вообще отдельный вид политеса, в котором важен порядок следования элементов: сначала элемент фамилии отца, затем — матери. Такой же порядок сохранялся в Португалии вплоть до начала двадцатого века, а потом поменяли порядок следования — фамилия матери, а только затем отца. Замужние женщины могут, по своему желанию, но не обязаны добавлять часть фамилии мужа к своей девичьей фамилии.

— Благодарю вас, капитан, — улыбаюсь я в ответ. — Любуюсь вашим кораблём.

— Позвольте тогда показать вам его, — я благосклонно киваю в ответ.

— Какой это тип судна, капитан, — смотрю я на него наивными глазами.

— О, донна Виктория, это торговый галеон, водоизмещением в тысячу тонн, — гордо говорит он.

— Простите мою глупость, но что такое водоизмещение? — я наивно хлопаю глазами.

— Ну, что вы донна, красивой девушке позволительно не знать таких вещей.

— Но мне очень интересно, капитан. Я раньше никогда не видела такого огромного судна.

— Водоизмещение, это вес воды, которую судно смещает своим корпусом при погружении в воду. А, чем больше воды смещает корпус судна, тем больше груза может быть перевезено на судне. Я вас не утомляю? — спохватывается капитан, что говорит слишком умные вещи женщине.

— Напротив, вы разожгли во мне живейшее любопытство, — я взяла его под руку, притворившись, что поскользнулась на палубе. — Я не отстану от вас, пока вы мне всё не расскажете.

Он довольно улыбнулся, чувствуя себя победителем.

— Вы храбрая девушка, донна Виктория, — делает мне комплимент капитан. — После

такого ужасного падения не побоялись вновь ступить на палубу.

— Благодарю вас, жизнь полна событиями, и я не намерена провести её в каюте.

— Разделяю вашу точку зрения донна Коста-э-Сильва, — слегка кланяется он.

Мне нравится капитан. Смелый взгляд карих глаз волнует моё воображение. Сильная рука, на которую я опираюсь, будит давно забытые воспоминания. И даже аккуратная небольшая бородка не портит его.

— Простите, капитан, как я могу к ещё вам общаться?

— Это моя оплошность, донна, я не представился, — смутился морской волк. — Луис да Перейра Салазар.

Я автоматически отмечаю, что могу называть его капитан Перейра. Потому что разница между использованием причастия «де» в его различных формах и союза «е», как у меня в фамилии, в том, что первое не должно быть включено в сокращённую версию имени, а второе должно.

— Расскажите мне ещё что-нибудь интересное о галеонах, капитан Перейра, — прошу его я.

— С удовольствием, донна Виктория, — не сводит он с меня глаз.

— Донна Коста-э-Сильва рад видеть, что вы настолько оправились от падения, что уже в состоянии кружить головы команде, — слышу я противный мужской голос.

Я смотрю на капитана. Его лицо абсолютно не проницаемо. Значит, этот тип уже успел насолить и ему.

Строю жалобную мордашку капитану. Я хоть убейте, не знаю, кто этот тип. Спасите меня кто-нибудь. Капитан, естественно, не понимает, чего я от него хочу. Я шепчу ему одними губами:

— Помогите, — а сама шарю глазами по палубе в поисках Милы.

Вот куда она запропастилась, когда так нужна мне. Капитан непонимающе смотрит на меня, пожимает плечами и откланявшись уходит. Я ошарашенно смотрю ему вслед. Вот что теперь делать?

— Дон Смит, — слышу я голос служанки у себя за спиной и облегчённо вздыхаю.

Я спасена! Теперь я хотя бы знаю, как зовут этого типа. По фамильярному обращению догадываюсь, что он представитель моего бразильского мужа.

Медленно поворачиваюсь, нацепив на лицо самую любезную улыбку, на которую только была способна.

— Благодарю вас, дон Смит, я действительно чувствую себя намного лучше с вашим появлением на палубе.

Сочетание «дон Смит» звучит смешно, ему бы больше подошло мистер Смит.

Он и сам карикатурен. Толстенный с короткими ножками и длинным тёмным париком на голове. Ярко-жёлтый сюртук и зелёные жилет и бриджи делали похожим его на огромный лимон.

Маленькие глазки шустро шарят по палубе, подмечая малейшие детали. Не так прост этот смешной дон Смит, как кажется на первый взгляд. С ним нужно быть максимально осторожной.

Самое запоминающееся во всём его облике, это нижняя губа привлекает к себе внимание и на ум приходит только одно сравнение с Юрием Богатырёвым в роли короля Карлоса II из кинофильма «Дон Сезар де Базан».

Судя по напыщенному виду, дон Смит считает себя важной персоной.

— Я вижу, что удар головой всё-таки сказался на вас дон Коста-э-Сильва, — едко говорит Смит. — Вы стали слишком вызывающе себя вести. Не подобающе женщине вашего положения.

Ух ты, какой сноб! Вот и слабое место нашего поверенного. Он даже на корабле строит иерархическое общество. Но мне действительно сложно это понять и принять.

Шестьдесят лет жизни с равными правами людей сказывается и на характере, и на менталитете. Нужно следить за своим поведением. Ещё не мешало бы узнать у Милы повадки этой самой Виктории Коста-э-Сильва, чтобы не сесть в лужу.

С другой стороны, нужно просто вспомнить правила этикета в Португалии и придерживаться их. Тогда уж точно не попадёшь впросак.

Вот только почему он с таким пренебрежением обращается со мной. Ох, что-то недоговорила мне Мила. Видимо, что-то не совсем гладко с моим замужеством.

— Соглашусь с вами, дон Смит, такие травмы без последствий не проходят, — притворно вздыхаю я. — Я была бы вам благодарна, если бы составили мне компанию на прогулке и рассказали о Бразилии.

И о моём муже добавила я про себя. Но на разговор о муже я так его выведу, не зря же тридцать пять лет проработала преподавателем и не таких студентов выводила на нужные ответы. Тут важно правильно задавать наводящие вопросы.

Дон Смит подозрительно на меня смотрит, видимо, ждёт какого-то подвоха. Не знаю, какие у него сложились отношения с прошлой обладательницей моего роскошного тела, но он мне нужен.

— Дон Смит расскажите, где мне предстоит жить? — Очаровательно улыбаясь прошу я. — Отец ничего мне не сказал, кроме того, что это Бразилия, где в лесах много-много диких обезьян.

Он самодовольно ухмыляется. Да, я сама тебе расскажу о Бразилии столько, чего ты даже не знаешь. А спеси-то, спеси. Так и тянет плюнуть ему под ноги и уйти. Но мне нужны сведения о муже.

— Донна Коста-э-Сильва...

— Называйте меня просто донна Виктория, а то я чувствую себя на приёме у короля, — скромно потупясь произношу я.

Смиту должна понравиться такая реакция, как мне показалось, он ни во что не ставит женщин.

— А вы там были? — заинтересованно спрашивает дон Смит, вцепляясь в меня взглядом, словно коршун.

Вот попала. Откуда я знаю, где была эта донна Коста-э-Сильва, где не была. Может, она и встречалась с королём, вот только мне весточки об этом не оставила. А главное, зачем скромному поверенному с простой фамилией Смит мои связи.

Короля я видела только на картинах, а они очень отличаются от оригинала. Надо как-то вывернуться без потери своей репутации в глазах поверенного моего мужа, но, и чтобы у него не сложилось впечатления, что меня можно как-то использовать в своих целях.

— Была, но в детстве, — говорю я и вижу, как интерес в глазах Смита угасает.

Пусть лучше так, а то ещё придумает какую-нибудь ловушку, куда я вломлюсь с грацией носорога.

— Донна Виктория, Бразилия — огромная страна и там нет таких лесов, как в Европе. Там леса называют джунглями.

— А где мне предстоит жить? В столице? — стою из себя наивную дурочку.

— Нет, ваш муж сейчас живёт не в Сан-Сальвадор-де-Байя, — рассказывает мне Смит, — он живёт на своей сахарной плантации в капитанстве Перпамбуку.

Я отмечаю знакомые названия. Перпамбуку крупнейший штат по производству сахара. Сахар нанёс природе Бразилии непоправимый вред, но не многие со мной согласятся. Особенно в этом времени, в которое я попала.

Сахар, как потом и кофе уничтожили плодородные земли Бразилии. Белые плантаторы не производили ничего кроме сахара, даже продукты питания ввозились из Европы. Вот где простор для самореализации. Эх, знала бы я, куда попаду, захватила бы с собой семена культурных растений, которых ещё нет в Латинской Америке.

— Ох, как интересно, — восхищаюсь я. — Рассказывайте, дон Смит вы такой интересный рассказчик. Что такое капитанства, я не поняла?

Нельзя настолько льстить человеку, даже такому, как дон Смит. Но я не чувствую угрызений совести.

— Как бы вам попроще объяснить? Сто шестьдесят лет назад Португалия решила

основать в Бразилии постоянные колонии. Средств для развития колоний у короны не было и тогда...

Я смотрю на него горящими глазами. Как же интересно попасть в то время, которое будоражило воображение почти всю жизнь. Прикоснуться, а то и поучаствовать в развитии Бразилии.

Дон Смит, кажется удовлетворён, моей реакцией и продолжил. Надо отдать ему должное рассказчик он интересный или это только потому, что я придаю значение деталям.

— Тогда корона привлекла частные средства *donatários*- вкладчики средств. Каждый донатариос получал королевскую грамоту и становился собственником и военным комендантом *capitão-mor*, дословно с вашего португальского — старшим капитаном.

Я киваю ему и даже забываю о том, что подходит время обеда. Появление юнги с сообщением о приглашении на обед в кают-компанию отвлекло нас от беседы. Даже такой неприятный человек, как дон Смит может быть интересным, если говорит о том, что тебя волнует.

— Всего было создано пятнадцать капитанств, которые раздали двенадцати собственникам. По задумке королевских чиновников каждое капитанство должно было простираться на пятьдесят лиг с севера на юг вдоль побережья. На практике же, прекрасная донна, границы проходили по устьям рек, поэтому реальная ширина была разной.

Дон Смит предлагает мне руку и направляясь в кают-компанию увлечённо продолжает рассказывать:

— И чтобы вы думали, донна Виктория, шесть капитанств так и получили своих старших капитанов по разным причинам.

Пользуясь моментом благосклонности, спрашиваю:

— А как связаны капитанства и сахарные плантации?

— Так, все капитанства создавались и выкупались для того, чтобы выращивать сахарный тростник и перерабатывать его в сахар. У вашего мужа огромная плантация сахарного тростника и два завода по переработке сахара «энженьюс».

Я округляю глаза в немом восхищении, хотя я об этом очень много знаю, всё же приятно послушать информацию об этом от современника.

— Боже мой, дон Смит, вы кладёшь знаний, — восторженно восклицаю я, захлопав в ладоши.

Он слегка кланяется мне и улыбается, клянусь богом, он мне улыбнулся впервые за всё время. Правильно говорят, лесть города берёт.

— А, вы знаете, уважаемая донна Виктория, — распушив передо мной хвост, вываливает, всё, что знает Смит, — что сахарный тростник был завезён в 1532 году генералом-губернатором Бразилии Мартином Афонсу де Соуза, а не является родной культурой этой страны, как думают многие.

Мне ли не знать, прячу я улыбку от дона Смита, а то с его болезненным самолюбием боюсь быть неправильно понятой. Сама дарю ему восхищённый взгляд. Всё, дон Смит в меня в кармане, только периодически нужно закреплять произведённый эффект.

Дон Смит, как галантный кавалер открывает передо мной дверь кают-компания, пропуская вперёд. Все уже в сборе, ждут только нас.

Кают-кампания представляет собой большую комнату со столом посередине. Вокруг стола расставлены стулья. Справа от двери буфет, слева окно. В левом углу, возле иллюминатора, стоят два кресла. Очень миленько.

— Донна Коста-э-Сильва, дон Смит, — радушно встречает нас капитан, словно не было презрительных взглядов в сторону Смита. Не видела бы собственными глазами, ни за что не поверила бы. — Только вас мы и ждём.

Не удержался от подколки Перейра. Я сделаю вид, что не замечаю его шпильки. Дон Смит напротив:

— Капитан, мы пришли, как только юнга нас позвал к столу, — в его голосе тщательно скрываемое раздражение.

То ли дон Смит вообще не любит людей, то ли мы с капитаном умудрились попасть в число «счастливиц», которых он занёс в свой личный «чёрный список».

Капитан фыркает, но сдерживается. Только перепалки нам и не хватает во время обеда. Мы усаживаемся, причём помогает мне сестра капитана Перейра, сам усаживается рядом. По другую руку от меня помощник капитана, дон Смит и судовой врач. Этакая тесная дружная компания друзей.

Стол уже частично сервирован и по удивлённому лицу донна Смита понятно, что расстарались на этот раз ради меня.

Белая скатерть, фарфоровые тарелки, ложки и нож. Вилки, уже известные в Европе, естественно, не подали. Я сомневаюсь, были ли они у них.

Вилки использовались ещё древними греками и упоминались в Ветхом Завете. Дословное упоминание запамятовала, да не суть, важнее, что она известна достаточно давно. Была она сначала с одним острым зубцом, потом с двумя зубцами и наконец-то с тремя. Использовалась для того, чтобы извлекать из котла или жаровни куски мяса, нарезать его на столе.

Сколько веков прошло, а просвещённые европейцы вновь кушают руками. По правилам этикета предписывалось не брать мясо всей пятернёй, тем более двумя руками, а лишь тремя пальцами; пальцы не вытирать об одежду, а ополаскивать в специальной чаше с водой.

Был период, когда в богатых домах Европы появилась мода есть в перчатках, а после окончания трапезы их выкидывать.

На столе уже стояли сухари, апельсины, немного сыра, небольшой кусочек сливочного масла, бутылки с вином и кувшин с молоком. Сказать, что меня поразили стол, это ничего не сказать. Я просто в шоке. Апельсины, молоко и масло удивили меня.

Моё изумлённое лицо служит лучшей наградой капитану, который так расстарался.
— Не удивляйтесь донна Виктория, — с достоинством произносит капитан, — этот стол для вас.

— Я так и поняла, капитан Перейра, благодарю вас. Я оценила ваши старания, — улыбаюсь я привлекательному капитану. — Называйте меня Тори, я привыкла к этому имени. Викторию я приберегаю для королевских приёмов.

Мужчины смеются, оценив мою шутку. Даже нахохлившийся, как петух, дон Смит одаривает меня улыбкой.

— Что обычно подают к столу на кораблях? — Спрашиваю я, ни к кому конкретно не

обращаясь.

— На военных кораблях и тех, кто не перевозит пассажиров, основное меню — сухари и вяленое мясо, — отвечает мне доктор. — Только такие большие галеоны, как наш, могут позволить себе держать в трюме несколько коз и кур.

— Но если есть молоко и яйца, почему бы не испечь пирог, к примеру, — любопытно я.

Вот об этой стороне вопроса я почти ничего не знаю, так как не интересовалась никогда, что же ели на кораблях. В приключенческих романах, на стол у капитана удивлял разносолами. Кажется, даже коки пиратов пекли пироги для команды.

— Сырость на корабле не позволяет долго хранить муку. Мы берём её на борт и используем в начале плавания, пока в ней не завелись нежелательные жильцы, — говорит доктор, — простите, если испортил вам аппетит, донна.

— Приятного мало, но такова правда жизни и тем более я сама спросила, — улыбаюсь я доктору.

Кок приносит нам суп с курицей и яичницу на сале. Изголодавшиеся по нормальной еде мужчины набрасываются на еду.

Есть ложкой яичницу не привычно для меня. Капитан разливает по бокалам вино.

Опять же я думала, что все моряки пьют ром. Я считала, что на кораблях были проблемы с питьевой водой. Поэтому решила поинтересоваться, как обстоят дела на «Золотой лани»:

— Капитан Перейра, простите меня за мою, может быть, излишнюю любознательность, но как обстоят дела на кораблях с питьевой водой? Она же тоже долго не хранится, затухает.

— Мы стараемся делать запасы питьевой воды ещё до отплытия. Заполняем бочки водой и размещаем на нижней палубе. Их ещё дополнительно используют для стабилизации центра тяжести корабля.

Капитан смотрит на меня, чтобы выяснить интересно ли мне и продолжать рассказ или не стоит. Мне очень интересно и всем своим видом я показываю это.

— Для обеззараживания воды используем серебро, помещая монеты на дно бочек. Скажу больше, прекрасная донна Тори, у нас есть даже специальная должность, что-то вроде контролёра за расходом воды. В его обязанности входит вести тщательный учёт и контроль над расходом запасов с тем, чтобы можно было рассчитать объём до прибытия в промежуточный пункт, где мы пополняем запасы воды.

Я делаю глоток, очень неплохое вино. Не скажу, что знаток вин, но в поездках пробовала разных странах, так что есть с чем сравнить.

— Вкусный сыр, — говорю я, заедая им вино.

— Кок делает из козьего молока, — сообщает капитан.

— А почему бы не брать с собой готовый? — Удивляюсь я.

— Потому же, что и муку, и хлеб, плесневеет и становится опасным, — отвечает доктор. Вино подействовало расслабляюще и на меня, и на мужчин. Капитан отваживается задать мне вопрос:

— Донна Тори, зачем вы едете из цивилизованной Португалии в этом богом забытую страну?

Насчёт цивилизованности я бы поспорила, но здоровое зерно в рассуждениях есть.

— Вышла замуж, — коротко отвечаю я.

— Примите мои соболезнования, — говорит капитан, потом опомнившись, что сказал

не то, исправляет, — я хотел сказать поздравления.

Первое больше уместно в данном случае. Девушке, которую выдали замуж непонятно за кого, да другом краю света остаётся только соболезновать. Да и жизнь в Бразилии далека от идеала: антисанитария, тропические болезни, колониальные войны. Прелесть, а не жизнь.

— Благодарю вас, капитан, — отвечаю я, а дон Смит хмурится.

Я во время обеда не смотрела на Смита, а он умудрился выкушать уже две бутылки вина. Язык его развязывается, и он хвастливо говорит:

— Если бы вы знали, за кого она вышла замуж, то прикусили бы языки. Дон Педро Верейро владеет самыми большими плантациями сахарного тростника в Бразилии, у него два сахароперерабатывающего завода и даже несколько кораблей, которые доставляют его груз в Европу.

Звучит солидно, мне нравится. Вот ещё бы он был хотя бы приятной наружности, то можно сказать, мне повезло.

Так, неспешно прошло наше плавание. Я задохнулась от восторга, когда показались берега Бразилии.

Я воочию почувствовала то же, что и первооткрыватели материка и страны. Непередаваемые ощущения стоять на палубе, когда вдали виднеются пальмы.

Мы держим курс на Рио-да-Жанейро. Забавно, что название города переводится, как январская река. И я тоже прибываю в Бразилию в январе.

Нам, конечно же, было бы удобнее высадиться в Сальвадоре, но дон Смит сказал, что кораблей до столицы Бразилии не было.

Мы тепло прощаемся с капитаном, доктором, с которыми успели подружиться за время плавания.

Капитан шепнул, что если буду удирать из этой страны, то чтобы обязательно на «Золотой лани».

Я лишь рассмеялась в ответ. Не для того я попала в это время, чтобы удирать.

Дон Смит нанимает экипаж, повозки, нескольких мулов и провожатого до Пернамбуку. В повозки грузим моё приданое, а на мулов съестные припасы. В экипаж усаживаемся сами и отправляемся к моему мужу на плантацию.

— Знаете ли вы, донна Тори, — интригуяще начинает свой рассказ дон Смит, — почему так называли эту прекрасную страну?

Я кручу головой по сторонам и почти не слушаю его. Господи, она прекрасна. Насколько красива девственная природа, которую пока ещё не угробили переселенцы из цивилизованной Европы, несущие просветление местным жителям.

Современная Бразилия мне понравилась, но то, что я вижу сейчас, вызывает щенячий восторг. Я с трудом подавляю в себе желание выйти из экипажа и просто пройтись по дороге, наслаждаясь видами и вдыхая пьянящий запах экзотических цветов.

— Вы наверняка знаете, что есть особая ценная порода древесины, из которой делают мебель и музыкальные инструменты, но самое главное, добывают ценный красно-фиолетовый краситель. Этот краситель используется при изготовлении очень дорогих тканей.

Я киваю, а Мила сидит с раскрытым ртом. Она ещё не попала под интеллектуальную бомбардировку Смита.

— Эта порода дерева называется бразил.

— Это же значит на португальском «раскалённые угли», «жар», — восторгается Мила. — От португальского «браса».

— Верно, — заинтересованно смотрит на Милу дон Смит, а девушка краснеет.

— До открытия Бразилии бразил в Европу привозили арабские торговцы. И вот когда первооткрыватели обнаружили его на новом континенте, то решили, что арабы брали ценный ресурс именно здесь.

— А, что это было не так? — Заинтересованно спрашивает Мила.

Как хорошо, что она едет с нами. Я с удовольствием передаю ей эстафетную палочку восторженного слушателя.

— Именно так, — теперь уже к ней обращается дон Смит. — Поэтому за новой территорией закрепилось название Бразилия.

А мне хочется закричать, что не так. Но об этой разнице между деревьями станет известно гораздо позже. Пока же все пребывают в блаженном неведении, что португальцам привозили древесину цезальпинии саппан из Малайзии, а здесь они нашли родственное растение — цезальпинию ежовую.

Дон Смит, кажется, увлёкся Милой. Для неё, несмотря на возраст Смита, он был бы превосходной партией. Нужно расспросить его о доходах.

— Дон Смит, а у вас есть плантация сахарного тростника? — Спрашиваю я его.

— К счастью, нет, донна Тори, — отвечает он, ничуть не смутившись от моего вопроса. — Я живу в столице, в своём доме. Оказываю представительские и юридические услуги плантаторам.

Я, если честно, совсем не понимаю, что он имеет ввиду под представительскими услугами. И тут меня опять выручает любознательная Мила. Она заметила интерес донна Смита и решила закрепить свой успех. На корабле им не пришлось общаться, а здесь единственный шанс для неё.

На мой взгляд, он староват для неё, но Миле виднее, я не буду препятствовать её счастью.

— Что такое представительские услуги, дон Смит? — Не сводя с него восторженного взгляда, спрашивает Мила.

Мне кажется, что она перебарщивает с восторгом, но дон Смит заглывает наживку вместе с крючком.

— В Бразилии дефицит белых женщин. Я занимаюсь тем, что ищу невест для состоятельных господ, и отправляюсь за ними в Европу. Женюсь по доверенности и привожу уже законную жену. Как это получилось в случае с донной Тори.

— И что это даёт такой большой доход? — Интересуюсь я.

— Не такой уж и большой, но есть и побочный вид заработка. Я везу в Европу товары из Бразилии, а из Европы необходимые здесь товары. Основной мой доход, это юридическая деятельность.

— А почему не хотите купить плантацию? Не хватает средств? — Допытываюсь я.

В Бразилию едут, чтобы зарабатывать на продаже сахара, а он уже тут и не стремится к этому.

— Скорее вдоволь благоразумия, — без обидняков отвечает Смит. — Слышали о восстании рабов? Вот зачем мне такая головная боль?

Заметив неподдельный интерес Милы, он совсем распустил хвост.

— Я лучше поеду добывать золото, — хвастает он, а Мила открывает рот от восторга.

Какое совпадение, дон Смит, я тоже собираюсь на золотые рудники. Сейчас самое время. Уже год, как бандейранты, или бандейры, так называли охотников за индейцами, открыли месторождение золота в районе Ору-Прету, в переводе Чёрное золото. С тысячи шестьсот девяностых годов (конец семнадцатого века) началась самая продолжительная золотая лихорадка в мире, которая длилась до двадцатых годов девятнадцатого века.

Дон Смит этого не знает, а я знаю. Помню даже точки, где надо копать. Так как неоднократно представляла, как бы я развернулась, попади в то время. И вот я здесь, полна энтузиазма, стать самой богатой женщиной Бразилии. Владелицей золотых рудников и алмазных копей.

— Хорошее дело, выгодное, дон Смит, — поддерживаю я его. — Я бы на вашем месте прикупила рабов, чтобы быстрее разбогатеть. К тому же месторождения нужно юридически

оформлять в собственность. Вот вам ещё один источник доходов.

Он смотрит на меня, словно я пророк, спустившийся с небес на землю, и открываю ему неведомые доселе знания.

— Я не подумал об этом, донна Тори. Благодарю вас за совет.

— Нам ещё долго ехать? — Интересуется Мила.

— До Сальвадора ещё день, до плантации вашего мужа, донна, мы уже почти приехали.

Вон даже среди пальм белеет дом.

На холме в окружении высоких белых стен возвышается огромный белоснежный каменный помещичий дом (каза гранди), залитый солнцем.

Он похож на безе, украшающее пироженное. Его тоже хочется попробовать на ощупь, заглянуть во внутреннее убранство.

Волнение, как пузырьки шампанского, бьёт в голову. Ещё есть время успокоиться, пока доедем.

Но нам только кажется, что дом далеко, приезжаем туда быстрее, чем я могла бы подумать. Волнение не утихает, чем ближе мы к дому, тем больше я нервничаю.

Перед нами предстаёт подлинная крепость. Со двора виднеется крест домово́й церкви. Нас никто не встречает. Скорее всего дон Верейро не знает, что мы приедем сегодня.

Не смотря на жару, руки у меня ледяные. Я сама трясусь мелкой дрожью перед встречей с мужем. Не думала, что будет так страшно. На корабле казалось, что мне всё по плечу. Но чем ближе мы к дому, тем меньше мой запас смелости.

— Какая красота, — вырывается у меня восхищённый возглас.

Мой сопровождающий довольно улыбается. Мне кажется, что он настолько гордится этой страной, что получает колоссальное удовольствие от моих восторгов и расспросов.

— Донна Виктория, не удивляйтесь тому, что фазенда выглядит шикарнее домов в городе, — поясняет дон Смит, размахивая руками.

Не могу же я ему сказать, что не удивлена. Бразилия отличается от всех стран Латинской Америки, хотя бы только потому, что она единственная была колонией Португалии, а все остальные страны Испании.

Думаю, что даже дон Смит понимает, что Бразилию осваивали по частной инициативе, по большей части без вмешательства государства. В то время ещё не обнаружили никаких полезных ископаемых, и сделали ставку на развитие сельского хозяйства. Благо климат и почва идеально подходили под это дело.

— Всё дело в том, что высший свет бразильского общества составляют плантаторы. А они живут преимущественно в своих огромных поместьях и редко наезжают в города. Поэтому и не тратятся на строительство там пышных дворцов.

Не смотря на мою нервозность открывшийся вид вызывает лишь восторженные чувства. Не ужели я действительно стану хозяйкой всего этого великолепия? Подобные мысли не только вызывают энтузиазм, но и немного опасения, что я не справлюсь.

Одно дело знать всё в теории, другое применять на практике. Впервые с момента появления в этом времени меня пронзает страшная мысль: «а вдруг Егорушкин прав? И здесь всё не так, как написано в учебниках?».

— Да, город выглядит жалко по сравнению с поместьем моего мужа, — соглашаюсь я с ним, не в силах сдержать ноток восхищения в голосе. — А дом выглядит, как настоящая крепость.

Развитие сельского хозяйства сказались и в архитектуре городов. Они строились стихийно.

Главные города Бразилии — Салвадор (Баия), Олинда, Ресифи и другие, которые возникли в это время — беспорядочно росли вокруг монастыря или церкви, поставленных в самой высокой точке города.

Лишь с конца XVII в. после издания в Салвадоре, тогда столице Бразилии, законов регулирующих постройку домов и прокладку улиц, облик городов приобретает определенную регулярность. Их застройка начинает воспроизводить застройку городов Португалии. Дома в 2–4 этажа из кирпича и камня, возводившиеся на узких и длинных участках, получили название «собрадо» (чердак).

Бразильские города по сравнению с городами испанских колоний выглядят более европейскими.

— Всё дело в том, что плантаторы сами осваивали и продолжают осваивать новые территории, обустривают их, защищают их от набегов индейцев, от притязаний соседей. Вот дом и защищён со всех сторон, — разъясняет дон Смит. — Сейчас въедем в ворота, и вы увидите, доньи, насколько огромен дом вашего мужа.

Действительно огромный. Даже, вроде бы подготовленный человек и то поражена. А Милагреш остолбенела и это не в буквальном смысле.

Вокруг площади перед домом плантатора сгруппированы производственные, хозяйственные постройки и жилища рабов.

Дома рабов, если их можно так назвать строились из ветвей, создававших двойной каркас, заполнявшийся кирпичами из высушенной на солнце глины. Рассчитанные на восемьдесят — сто человек, они повторяли тип жилого дома индейцев — гуарани.

Земли и рабочая сила на них составляют пока основное богатство Бразилии. Её бескрайние пространства плодородных земель привлекали выходцев из Португалии, которых называли помещиками-фазендейро. На протяжении двух столетий они непрерывно исследовали и захватывали новые земли, превращаясь в царьков, безраздельно властвовавших в своих владениях, удаленных иногда друг от друга на сотни километров.

— Я вижу, что вас впечатлила фазенда вашего мужа, донна Виктория, — немного с превосходством утверждает дон Смит.

Не буду отрицать очевидного, и я киваю в ответ на его реплику.

Сама же я взвинчена до предела, как бы не хорохорилась, но тот факт, что я никогда не видела своего мужа подвергал меня в состояние близкое к обмороку.

Я всегда так гордилась своей выдержкой, и такой страх перед мужчиной испытываю впервые.

В глубине души я опасалась, что дон Педро Верейро будет похож на дона Смита. Мой сопровождающий, несомненно, хорош в качестве собеседника, но от перспективы лечь в постель с кем-то хотя бы отдалённо похожим на него, мне становится нехорошо.

Что бы переключить внимание с ужасных перспектив замужества я начинаю расспрашивать дона Смита о хозяйстве мужа.

— Вы говорили, что у дона Верейро сахароперерабатывающие заводы, тогда сколько акров плантаций сахарного тростника?

— Донна Тори, я затрудняюсь ответить на ваш вопрос, — голос у него звучал озадаченно, — плантации вашего мужа процветают, поскольку находятся на северо-востоке страны. В этой области почва и климат идеальны для выращивания сахарного тростника, а также достаточно рек и ручьев для привода в действие сахарных мельниц.

Получается, что, захватывая пустующие земли плантаторы зачастую даже не могут сказать сколько у них земли.

Пойдём другим путём, узнаем сколько у дона Верейро рабов. Насколько я помню, в этот период в Бразилию поставляли из Африки около шестидесяти тысяч рабов, сахара в Европу

вывозилось более двадцати тонн ежегодно.

— Тогда сколько у мужа рабов? — Заинтересованно спрашиваю я.

Дон Смит чешет в затылке и виновато улыбается:

— Не поверите донна Виктория, не знаю. Вы лучше расспросите об этом своего мужа.

Уверен, ему доставит удовольствие показать вам свои владения.

Он помогает мне сойти на землю и предложив руку ведёт в дом, в котором почему-то не смотря на солнечный день плотно задёрнуты шторы.

Дон Смит отчего-то взволнован. Чувствую, как подрагивает его рука, на предплечье которой покоится моя ладонь. Чего он опасается?

Надеюсь, я попала в нормальный мир и на меня не набросится вампир Лестат из «Интервью с вампиром», кажется, он проживал именно на такой ферме. Шутить я шучу, но на душе неспокойно. Если уж поверенный нервничает, то мне сам бог велел.

— Опять он взялся за старое, — бормочет про себя Смит. — Дай бог, чтобы я ошибался.

Какое старое? Что за скелеты в доме моего мужа? А дом очень красив, украшенный посаженными лозами вьющихся цветущих растений. Какие-то я узнала, какие-то нет.

Мы проходим по портику, окутанному буйно цветущими гирляндами бугенвиллии, словно живой зелёный вестибюль здания. Я страстная любительница цветов. Дома на даче и в городской квартире у меня был настоящий сад, где была и бугенвиллия. Никогда не думала, что увижу её здесь так запросто растущей.

Сколько открытий ещё мне предстоит сделать в Бразилии, в тех областях, о которых даже не подозреваю. Необычность происходящего будоражит мне кровь.

Дон Смит вводит меня в дом. По-хорошему это должен сделать муж, но наверно он сильно занят, раз пренебрёг древней традицией.

Во всех странах католической Европы, у славянских народов и даже мусульман и буддистов, порог — важная часть свадебных традиций.

Боязнь порога объясняется тем, что, по поверью, такими действиями можно обеспокоить и вызвать раздражение злых духов, которые селились под ним. Иногда духи, обитающие под порогом, считаются душами умерших людей. Наступание на порог даже в Библии считается грехом.

Суеверий хватает, связанных с тем, как должны вести себя молодожёны, особенно невеста, впервые переступавшая порог дома мужа.

Я же считаю то, что мой муж не вышел поприветствовать нас неуважением к жене. А вот почему он так ведёт себя, мне ещё предстоит выяснить.

Перешагиваю через порог, уж я-то буду соблюдать древние традиции, в новом мире это не помешает.

Сразу же направо по коридору широко открытая дверь в большую роскошно обставленную гостиную, освещённую свечами. В ней вроде бы никого нет, во всяком случае, я никого не вижу. Но у поверенного иное мнение.

Дон Смит крепко берёт меня за руку и не глядя в глаза, шепчет только одно слово:

— Сочувствую.

Моё беспокойство нарастает, да что же там такое?

Войдя в гостиную, я вижу большой стол, накрытый зелёным сукном. Идёт игра в карты. За столом три человека. Двое сидят лицом ко мне, напротив третьего.

Мне интересно в какую игру играют? Судя по зелёному сукну на столе, играть должны в ломбер. Потому что стол, за которым играли в ломбер, самый первый, который покрыли зелёным сукном, чтобы карты не скользили. Ещё на зелёном сукне было удобно делать записи мелом — ставки, партии. После окончания игры, записи легко стирались. Я ещё зелёный считался цветом богатства. Он так и назывался ломберный стол до поры до времени, пока к восемнадцатому веку с появлением новой популярной игры не был

преобразован в покерный.

Поэтому исключаем игру в покер, она ещё не появилась. Я прикидываю, что существует ещё несколько азартных игр, в которые могли играть присутствующие. Я, признаюсь, не сильна в картах. Особенно в «благородных» играх, типа того же самого ломбера или покера.

Максимум на что я способна это игра в двадцать одно или дурака.

— Дон Смит, в какую игру они играют? — Любопытствую я, ещё пока, не понимая беспокойства поверенного. — Расскажите мне правила, я ничего не смыслю в карточных играх.

— И слава богу, что не смыслите, дона Тори. Карты — зло. Никогда не берите их в руки, — с тоской в голосе произносит дон Смит.

Он как-то странно смотрит на меня, но недолго. Взгляд его прикован к идущей за столом игре.

Вокруг стола толпятся богато одетые люди и прямо скажем оборванцы. Я удивлена, что такой контингент принимают в доме богатого плантатора.

— Дон Смит, а где мой муж? — Тихонько спрашиваю я, именно в то время, когда играющие раскрыли карты.

Один из них, пожилой с редующим волосами и бесцветными глазами в богатой одежде проиграл. Это было видно сразу по тому, как опустились его плечи, с какой тоской он оглядывается вокруг. Его глаза задерживаются на нас с доном Смитом и вспыхивают азартной надеждой. Боже мой, да он игроман.

— Прощу тебя, Педро, остановись, не делай этого, — просит дон Смит, и все заинтересованно уставились на нас.

— Ещё одна партия, — хватает он за руки брюнета. Я не знаю, как выглядит партнёр по игре дона Педро. Он сидит к нам спиной.

Вижу только широкие плечи, чёрные, длинные до плеч слегка выющиеся волосы. Едва сдерживаюсь, чтобы не обойти стол и не заглянуть в лицо второго игрока.

— Тебе уже нечего ставить, дон Вереиро, ты всё проиграл, — произносит низкий голос с волнующей хрипотцой.

Я так увлеклась им, что не обратила внимания, что проигравший всё пожилой плантатор — мой муж.

— Ещё не всё, — от возбуждения предстоящей игрой он заметно дрожит, — я ставлю её. Свою молодую жену.

Я закрываю рот в немом крике. Не успела появиться, как мой муж уже ставит меня в карточной игре. За какого же подонка я вышла замуж!

— Ты не можешь этого сделать, Педро, одумайся, — уговаривает его дон Смит. — Дона Тори из знатной семьи, будет скандал.

На меня смотрят с жалостью, вожделением, завистью десятки глаз, но только один, от которого зависит моя судьба, так и не повернулся.

Я презираю игроков. Люди, которые не умеют контролировать себя, мне неинтересны. Но что мой несостоявшийся муж, что брюнет, к сожалению, из этой категории. Не повезло мне.

Дона Верейро трясёт, как наркомана, который видит дозу, но не может получить. Жалкое зрелище. Опустившийся человек. Невероятными усилиями сдерживаюсь, чтобы не плюнуть ему в лицо.

— Плевать мне, из какой она семьи, Джон, — срывается на истерику Педро. У меня язык не поворачивается назвать его своим мужем. — Я всё проиграл, и она единственный шанс отыграться.

— Это бесчестье, а не шанс, — увещевает его дон Смит.

— Это не имеет значения. Девка ещё не стала моей женой, Джон.

Мерзавец! Какой же он мерзавец!

— Послушай Педро, эта страна настоящее Эльдorado, разбогатеть раз плюнуть. Оставь ему всё, забирай девушку и пойдём. У меня для тебя есть деловое предложение, — дон Смит избегает смотреть мне в глаза.

Вот и доверяй первому впечатлению о человеке. Я считала его напыщенным снобом, а он порядочный человек, оказался. Защищает меня от унижительной участи ставки в игре.

— Мигель, — становится на колени перед брюнетом Верейро, а я вздрагиваю от произнесённого имени, — посмотри какая красotka, из самой Португалии выписал себе жену. А теперь она может стать твоей.

Его имя вызывает нехорошие воспоминания. Стою с гордо поднятой головой и молюсь про себя, чтобы Мигель уже быстрее решил мою судьбу. Что один, что другой два сапога пара, одно слово, картёжники.

— Тебе проще подарить её Мигелю, — засмеялись из толпы. — Ему сегодня везёт.

Всем понятно, что госпожа удача сегодня обошла своей благосклонностью плантатора. В игре нужно уметь вовремя остановиться, он не умеет.

Меня Педро Верейро тоже проиграет, если только брюнет захочет с ним играть.

— Мне не нужна жена, — произносит Мигель и от его тягучего, словно патока, голоса у меня по телу бегут мурашки.

От его слов в крови бурлит возбуждение. Я не пока не понимаю, чем оно вызвано, то ли загадочным Мигелем, то ли будоражащей обстановкой в гостинной. Толи тем, что от меня только, что прилюдно отказались.

Не отдавая себе отчёта в том, что творю, я выпаливаю на одном дыхании:

— Я не лошадь, чтобы ставить меня в качестве ставки в игре. Я женщина и не потерплю подобного обращения.

Сердце бешено колотится в груди. От дикого адреналина подрагивают руки точь-в-точь, как у моего несостоявшегося мужа.

Пускай знают оба, что я не покорная женщина, а знающая себе цену.

Горько усмехаюсь. Дон Верейро тоже знает мне цену. Я против всего выигрыша Мигеля за сегодня. Что ж своей ценой можно гордиться, недёшево я стою. Но вот насколько оценит меня брюнет.

Сил нет, как хочется посмотреть ему в лицо. Его голос и равнодушие зажгли во мне

огонь. И не только любопытства.

В гостиной раздаётся смех. До моих ушей доносятся скабрёзные шутки мужчин:

— Норовистая кобылка.

— Горячая девчонка.

— Педро она не по зубам.

— Мигель сможешь объездить такую горячую штучку.

— Я бы такую красотку не ставил.

Реплики отлетают от меня, не задевая чувств и не выводя на эмоции. Я и не такое слышала от студентов. Научилась игнорировать, а не пропускать через себя.

Смотрю в затылок брюнету. Кажется, что взглядом могла бы уже прожечь в нём дыру. Но Мигель игнорирует меня и выкрики его приятелей.

— Так ты согласен? — Уже даже меня выводит своей упёртостью Верейро.

Ему же сказано, что не нужна жена. Нет, прёт напролом. Качество, которое и обеспечило ему богатство — умение не слышать «нет» и переводить его в «да». В этот раз Педро нарвался на такого же, если не круче.

И мне уже даже становится жаль, что брюнет с таким сексуальным голосом отказывается играть. Я уже его власти. Действует старый, как мир, способ соблазнения — игнорировать объект.

Я всё это понимаю, но жутко хочу, чтобы он согласился. Мигель кажется мне гораздо более интересным мужчиной, чем мой заочный муж.

Сейчас я противна сама себе, что повелась на его манипуляции. Но чёрт побери, я хочу, чтобы Мигель принял ставки и выиграл.

Его манеры почему-то более приятны, чем унижение Верейро.

— Согласен, — вдруг говорит Мигель и от шока все замолкают. — Джон, садись в пару к Педро. Ты для поддержания игры. Ставки только у меня и Верейро.

— Мигель, ты ненормальный, — наклоняется к нему бывший третий игрок. — Ты даже не посмотрел на девушку.

Брюнет смеётся, а у меня от его смеха сладко заныло в груди. Вика, ты случайно, не надумала влюбиться. Тебе сейчас этого точно не надо.

— Какая разница, Карлос, — его бархатный голос проникает в самое сердце и обвивается вокруг, сжимая кольцом восхищения. Я жажду его видеть. — Уверен у Джона хороший вкус. Он уже не раз это доказывал.

Повернись, чёрт тебя побери и удостоверься, что у дона Смита прекрасный вкус на женщин.

Но Мигель не поворачивается, а раздаёт карты. Я ищу глазами, куда бы присесть. Рабыня подносит мне стул. Благодарно улыбаюсь ей. Какое блаженство наконец-то вытянуть ноги. Игра идёт под бубнёж непонятных для меня слов:

— Фавор, гаскарилья, контрабола, сакадо*.

Я так устала. Длинный и весьма беспокойный день вытянул из меня все силы, и я ненароком засыпаю.

— Ты нищий Педро и без жены, — кричит дон Смит, и я просыпаюсь.

— Нищему жена ни к чему, — мрачно отвечает Верейро и смотрит на меня. — Прости, девочка.

Мне его извинения ни к чему. Я жду, когда ко мне подойдёт Мигель. Как в замедленном кино он поворачивается. Не отрывая взгляда, как заворожённая, я смотрю в его глаза.

— Ты?

На меня в упор смотрят наглые чёрные глаза Мигеля Егорушкина. Я настолько шокирована, что единственное, что могу сделать, это прошептать:

— Ты?

У меня стойкое чувство дежавю. Он, что специально меня сюда вытащил, чтобы вдоволь поиздеваться? Нахальный мальчишка!

Но нет! На меня смотрят глаза не мальчишки, а знающего себе цену мужчины. Властного, способного прогнуть под себя любого. Он не Егорушкин, точно. Пацан хоть и наглый, но нет в нём этой властности опытного самца.

— Простите? — Вежливо, но холодно произносит Мигель, изгибая вопросительно бровь.

Он действительно меня не узнаёт. Это не притворство. Точнее, не знает. Этот Мигель никогда не видел Викторию Павловну и даже донну Тори. Это наша первая встреча.

Тогда я вообще ничего не понимаю. Сюр, какой-то! «А то, что ты из двадцать первого века попала в семнадцатый, не сюр?», смеётся надо мной внутренний голос. Лишь бы на фоне стресса раздвоение личности не заработать.

— Я обозналась, приношу свои извинения, — приседаю в реверансе я, чтобы скрыть смущение и растерянность. — Вы очень похожи на моего знакомого.

Он, усмехаясь, кивает, и у меня снова возникают сомнения в том, что он меня не знает. Господи, да так и свихнуться недолго.

— Дон Смит, будьте любезны, не тяните с оформлением документов, — гораздо теплее говорит он поверенному. — И отдайте распоряжения от моего имени подготовить всё для завтрашнего бракосочетания.

Я вздрагиваю. Даже в страшном сне я не могла представить, что когда-то буду принадлежать Мигелю. Мне становится дурно. Как представляю, что меня ждёт после заключения брака, так сердце колотится, как оглашенное. Кровь стучит в висках.

— Вам нехорошо, донна ... — брюнет замялся, не зная моего имени.

Раньше я бы посмеялась над тем, что он женится на женщине, о которой ничего не знает. О времена, о нравы! В нашем времени по десять лет живут вместе, чтобы понять, что друг другу не подходят. Тут всё гораздо проще — поженились, будьте любезны приспособливаться. Подходите или нет, уже никого не касается.

— Тори, — от нехватки воздуха лепечу я своё имя, как институтка, прости господи. — И да, мне не хватает воздуха.

Вокруг всё приходит в движение. Мигель подхватывает меня на руки. Его крепкие руки прижимают меня к себе слишком близко. Он движется к дверям, на ходу отдавая распоряжения рабам:

— Окна открыть и проветрить, всех погнать вон.

Обнимаю его за шею. От близости сильного тела кружится голова. Вдруг вспоминаю, что я женщина. Такие воспоминания ох как не к месту. Я и так готова в обморок грохнуться от близости такого мужчины.

Боже, он мне дан тобой в наказание за то, что я всегда считала мужчин существами второго сорта. А красавцев ещё и жалкими альфонсами.

И вот мой будущий муж — богатый красавец. У меня от взгляда на него сжимается

сердце. Его словно специально для меня создал господь бог, чтобы я потеряла наконец возможность здраво рассуждать в любой ситуации. Как говорят, в наше время горячий брутальный мачо.

Высокий с широкими плечами и узкой талией. Смуглая кожа, чёрные, горящие страстью глаза, обжигающие мне душу. От его длинных до плеч вьющихся волос горят ладони, желая дотронуться, пропустить пряди между пальцев, ощущая их шелковистую мягкость.

Расстёгнутый камзол и глубокий вырез на рубашке обнажают часть рельефной груди. Я сглатываю образовавшийся в горле комок.

Боже, помоги мне! Вика тебе надо продержаться до завтрашней церемонии. Докажи самой себе, что сможешь устоять. Мигель должен добиваться тебя, а не получить готовенькой, палец об палец не ударив. Учти, тебе с ним жить.

— Дон Смит в вашем распоряжении кабинет, к вечеру жду подписанные Верейро документы о передаче собственности, — быстро говорит Мигель, выходя в портик.

Находит лавочку, присаживается, не спеша выпускать меня из рук. Я чувствую, нарастающее желание Мигеля.

— Благодарю вас, — глупо хлопая ресницами тихонько шепчу я. — Вы меня спасли от обморока, дон...

Осторожно высвобождаюсь из его объятий. Но не тут-то было. Словно железные обручи сомкнулись у меня на талии.

— Не спешите, Тори, — шепчет он мне на ухо, опаляя кожу жарким дыханием. — Вы такая красивая.

Скромно потупившись, я произношу:

— Благодарю вас, но всё же прошу меня отпустить, дон...

— Зачем? — Искренне удивляется Мигель. Во второй раз проигнорировав мой намёк на то, чтобы он представился.

Да, характер не сахар. И ещё как бонус к его красоте добавить ум. А это самая возбуждающая для меня эрогенная зона. Если ещё у него и чувство юмора имеется, то я пропала.

— Как зачем? Это не прилично, — деланно возмущаюсь я, искренне надеясь, что он примет возмущение за чистую монету.

— Неприлично? — Хохочет он так, что слёзы выступают на глазах. — Да, чувство юмора у вас есть, Тори. Неприлично! Это же надо придумать.

Любое возбуждение резко обрывается в тот момент, когда надо мной начинают смеяться. Не дружеское подшучивание, а насмешка. Да, ещё и от такого красавчика. Кровь бросается мне в голову. Я грубо отталкиваю его и едва не сваливаюсь с колен Мигеля.

Каков негодяй! Возомнил о себе бог весть что! Гнев не лучший советчик, но я уже оседлала боевого пони и во весь опор с шашкой наголо мчусь на наглого красавчика.

— Да, чёрт побери, лапоть порядочную женщину неприлично и даже возмутительно, — шиплю я, наклонившись к его лицу, тыча пальчиком в плечо.

Но он, как будто меня не слышит, смех обрывается, а взгляд зависает. Не понимая, в чём дело, я слежу за его взглядом и густо краснею. Он уставился в моё декольте, которое находится прямо под его носом.

Мигель раздевает меня взглядом, и я понимаю, что это неожиданно приятно. Внимание такого мужчины дорогого стоит. Но вот только удержать его будет чертовски сложно. Мигель из тех, кого называют одиночками, и даже жена не может рассчитывать на нечто большее, что просто страстная близость.

Вместо негодования, из-за возмутительного поведения моего нового жениха по телу разливается тёплая волна истомы.

Я узнаю это чувство. В прошлой жизни не раз его испытывала. Оно называется желание. Но, невинная девушка, вроде донны Тори не должна знать о таком. Вряд ли её родители-католики рассказывали ей об этой стороне супружеской жизни. А мне нужно соответствовать легенде, чтобы заинтересовать его.

— Что за вызывающее поведение у вас дон Не Знаю Как Вас Там, — прикрываю ладонью грудь. Пускай помучится, слюни попускает. Ему полезно. — Отпустите меня немедленно!

Опять не реагирует на мою прямую попытку узнать его имя. Пряча в уголках губ улыбку, он проводит по моим волосам рукой. По телу снова разливается предательское тепло. Главное — выдержать и не растечься лужицей у его ног, тогда всё, пиши пропало. Никогда он больше не обратит на меня внимание. Останусь жить соломенной вдовой, до тех пор, пока либо фазенду не проиграет, либо меня.

А становиться призом в карточных играх не входит в мои планы.

— Полегче на поворотах, сеньорита, — вальяжно откинувшись на спинку скамейки, растягивая слова, произносит Мигель. — Меня утомляет ваш щебет насчёт прилично — неприлично.

Я пытаюсь сползти с его колен, но хватка будущего мужа железная. Неожиданно для меня он подаётся вперёд, цепляя мой взгляд своим, и отшатываюсь от неожиданности.

— Чёрт побери, Тори, больше не смей щебетать о возмутительном поведении, ты, моя птичка, я выиграл тебя и будешь делать то, что я захочу, — угрожающе нависая надо мной, с горящими глазами, втолковывает мне Мигель. — Ты такая же, как и любой из рабов. Только из уважения к твоему происхождению я беру тебя в жёны, но могу и передумать.

Он проводит по моим губам большим пальцем, наблюдая за моей реакцией. Я совершенно пришибленная его эмоциональным спичем, ошарашенно смотрю на него, не реагируя на ласку.

Я знаю, что он может передумать. Понимаю, чем мне это грозит в чужой стране без средств к существованию. Становится зябко при довольно жаркой погоде.

— Тори, я вижу, что шокировал вашу невинность, своим *вызывающим* поведением, — приписывает причины моего ступора собственному обаянию Мигель, довольно улыбаясь.

Отчасти он не ошибается. Но лишь отчасти. Надеюсь, что Мигель не будет читать меня, как открытую книгу. В его присутствии во мне просыпается юная девица, без какого-либо опыта общения с противоположным полом. Проще говоря, я глупею и это меня не радует.

— Простите, но я не привыкла к такому вольному обращению, — смущённо потупив глазки шепчу я, чувствуя, как краска приливает к лицу. — Родители учили не позволять вольности мужчинам. У меня должен быть один мужчина в жизни.

Надеюсь, я смотрюсь мило и достаточно невинно. Единственное, что отличает меня от

остальных женщин в жизни Мигеля — неискущённость. Держу пари, что он не подходил к девушкам из приличных семей на пушечный выстрел, боясь быть окольцованным. А тут, решился непонятно почему.

— Похвальное рвение следовать тому, чему вас учили, — усмехается он. У Мигеля удивительная способность всё выворачивать наизнанку, делать из белого чёрное. — Мне нравится, ваша невинность.

Он собственническим жестом проводит по груди, и я отшатываюсь, чтобы с размаху впечататься в его требовательные губы.

Мигель будто этого и ждал. Запускает ловкие пальцы в причёску и вытаскивает шпильки, которыми её скрепила Мила. Волосы рассыпаются по плечам, прикрывая грудь.

Губы Мигеля хозяйничают во рту, не позволяя мне отстраниться. Я попала в плен. Не вырваться. Пока ещё есть желание поставить его на место, но с каждой секундой поцелуя это стремление к свободе тает, как снег на губах.

— Простите, синьор Мигель, — смущённо кашляет рядом дон Смит.

Мигель неохотно прерывает поцелуй, не спеша ослаблять стальную хватку. Я словно клещами зажата. Со стороны сцена выглядит непристойно. Я снова заливаюсь краской. Он держит меня на коленях, как гулящую девку.

— Не стоило прерывать меня, дон Смит, — лениво тянет он. А я от смущения не могу смотреть поверенному в глаза и, к удовольствию Мигеля, прячу лицо у него на груди.

— Я закончил оформление документов, требуется только ваша подпись и в идеале подпись доны Виктории, — чётко, по-деловому докладывает дон Смит.

Он идеальный исполнитель, незаменимый управляющий. Умеет проявить, когда нужно инициативу, но и своими мозгами пользуется.

— А я ещё не закончил знакомство с сеньорой Тори, — поглаживая меня по распущенным волосам, произносит Мигель. — Ступайте, как я закончу, подойду.

Вот наглец! Я задыхаюсь и надеюсь, что от такого неприкрытого самодовольства Мигеля, а не потому, что нахожусь в его объятиях.

— Смею вам напомнить, сеньор, что дона Тори девушка знатного происхождения и если поднимется скандал, то от вашей репутации ничего не останется, — храбро воюет за меня дон Смит.

— Неужели вы думаете, что меня волнует репутация? — Смеётся Мигель. — От неё давно уже ничего не осталось ни в Старом Свете, ни в Новом.

От благодарности за заботу у меня на глаза наворачиваются слёзы. Мигель снова неправильно понимает причины их появления и говорит:

— Ну, же Тори не плачь, — растерянно произносит Мигель. — Терпеть не могу женских слёз.

Я всхлипываю, и почему-то в памяти всплывают воспоминания не самого счастливого детства. Как в калейдоскопе проносятся они у меня в памяти. Но это не мои воспоминания. Неужели у настоящей Виви не было счастливого детства? И дон Смит первый человек который отстаивает её интересы.

Мигель осторожно встаёт и ставит меня на ноги. Убрав волосы с лица, целомудренно целует в губы шепча:

— Всею своё время моя горячая девочка. Первая брачная ночь не за горами. Тогда ты не скажешь мне «нет».

Повернувшись к дону Смицу, бесстыдно спрашивает, вгоняя меня в краску:

— Нельзя ли как-то ускорить бракосочетание? До завтра я не продержусь, клянусь, вам дон Смит, лишу невинности вашу протеже сегодня же ночью.

Дон Смит лукаво улыбается, глядя на нас. Молодость мол, что с вас взять. Были и мы когда-то рысаками.

А мне несмотря на его понимание нестерпимо стыдно. Как будто отец застал меня за непотребным поведением. За время пути первое впечатление о доне Смите кардинально изменилось, ещё раз подтверждая прописную истину, не судите о человеке по внешнему виду.

Замечаю, что я дона Смита воспринимаю ни как поверенного, а как друга и даже ловлю себя на том, что в глубине души хотела бы, чтобы он заменил мне отца.

— Ну, почему же нет, дон Мигель, — мягко говорит поверенный и понимающе кивает, — у вас на фазенде своя церковь, наверняка и священник имеется. Уладим всё в лучшем виде. На вечерней зорьке повенчаетесь.

Как он сказал романтично «на вечерней зорьке», даже сердце затрепыхалось в предвкушении.

Как же всё просто, когда даже священник свой собственный, карманный. Ни оглашения в течение трёх недель в церкви по воскресеньям, ни ожидания брачной церемонии.

— Брачный контракт я уже составил, — добавляет дон Смит. Его лицо лучится радостью, а я удивлённо смотрю на него. Вроде бы как он был против того, чтобы Мигель становился моим мужем. Надо будет узнать отчего такая перемена. — Условия по традиции, обсуждать будете? С позволения, доны Тори, я буду представлять её интересы.

Я как-то не вдавалась глубоко в свадебные традиции Португалии, меня больше интересовала экономика, политика, внешние связи, особенно с Бразилией, её единственной колонией в Америке.

Но помню, что после сватовства, специально собирались две семьи для обсуждения брачного контракта, куда входило, в том числе и размер приданого невесты. Все договорённости записывались. Это мероприятие называлось *fazer o casamento* или «делать женитьбу», а форма именовалась *casamento falado* «обговорённая женитьба» или *casamento de ínculca* «женитьба со справкой». А запомнила всё это потому, что понравилась женитьба со справкой. Сейчас я выхожу замуж именно так, над чем смеялась в своё время.

— Да, бросьте вы, дон Смит, я вам доверяю, репутация у вас безупречная, — произносит Мигель, небрежно взмахивая рукой. — Исключительно порядочного человека. Я успел уже в этом убедиться.

Дон Смит расцветает на глазах. Доброе слово и кошке приятно.

— Да и вы, думаю, мою репутацию тоже знаете, — вроде бы и голос звучит равнодушно, но с лица дона Смита сползает улыбка.

Мигель внимательно наблюдает за поверенным, и его реакция удовлетворяет этого загадочного человека. За кого, чёрт побери, я выхожу замуж? Что за репутация у моего будущего мужа, что только о её упоминании порядочные люди бледнеют. Ох, непрост Мигель!

— Тебе стоит пойти принарядиться перед венчанием, — нагло улыбаясь, Мигель проводит по спине рукой, вызывая мириады электрических импульсов. Не мужик, а сам дьявол! — Продолжим, на чём остановились, после церкви.

Целует он меня поцелуем собственника, словно клеймит. Вот зараза! Небрежно

стряхивает с колен и шлёпает пониже спины. От унижения мне хочется разрыдаться и вцепиться в его физиономию одновременно. Сволочь, просто сволочь!

Дон Смит понимающе улыбается, а мне от стыда хоть сквозь землю провались. И не потому, что я в теле испуганной девственницы. Я даже в своём распушенном двадцатом веке, когда была молодой и красивой не позволяла с собой обращаться неуважительно.

Сжимаю кулаки, чтобы высказать всё, что я о нём думаю. А если получится заехать ему по лицу. Вот только сомневаюсь, что он позволит даже замахнуться. Вон, как сверкают от предвкушения развлечения глаза. Нет, я не доставлю тебе удовольствия унижать меня. Что-нибудь обязательно придумаю.

— Дона Тори, я помогу вам освоиться, — предупредительно предлагает дон Смит, утаскивая меня за руку. — Представлю вас управляющему и экономке, а они, если пожелаете, познакомят вас с остальной прислугой.

Я медленно киваю, а Мигель ухмыляется. Если мне даже не победить его, то это не значит, что я не должна попытаться.

— И ванну прими, — кричит мне вслед жених, — вечером у тебя не будет для этого времени.

У меня в ушах стоит его многообещающий мех, я красная как рак вбегаю портик дома.

— Дон Смит, что всё это значит? — Тяжело дыша спрашиваю я. — Вы же были против свадьбы с Мигелем, а теперь помогаете.

Он устало присаживается на скамью.

— Тори, я старше тебя и опытнее, — с грустью в голосе говорит Смит, — я гожусь тебе в отцы. Послушай моего совета.

Я присаживаюсь рядом с ним и склонив голову внимательно слушаю.

— То, что сделал Педро отвратительно, но ничего изменить нельзя. Но как бы парадоксально это ни звучало, тебе повезло.

— Что вы такое говорите, дон Смит? Признаюсь, что за время путешествия я привязалась к вам и прислушиваюсь к вашему мнению, — я возмущена его предательством. То, что он оказался на стороне Мигеля, я иначе не расцениваю. — Но то, что вы согласились помочь так быстро обвенчать нас, меня неприятно разочаровывает.

— Вы мало знаете, — произносит с глубоким вдохом дон Смит.

— Так, мало, что смысл речей и тот мне темён, — добавляю я.

— Всё верно. Я не на стороне Мигеля, а на вашей. Остаться здесь одной без покровительства мужчины, отца, брата, мужа неважно, очень опасно. Мужчин здесь много. Белых женщин мало. Сами понимаете, что красивая и одинокая девушка — лакомая добыча для разного рода проходимцев.

Господи, чем же забиты мои мозги, что я не подумала о самом ужасном развитии событий. Остаться одной в чужой стране без средств к существованию.

Я далека от фантастических убеждений, что ум и красота позволят пробиться везде и в любом времени. Помогут, если к этому перечню добавить ещё один ингредиент — деньги. У меня его не было.

— Мигель — страшный человек, — утешает меня дон Смит, — но он никогда не был замечен в жестоком отношении к женщинам. И тебе его репутация только поможет. Никто не захочет связываться с женой Мигеля.

Даже Смит избегает называть его полным именем. Я люблю разгадывать загадки, но не тогда, когда решается моя судьба.

— Дон Смит, так кто же он мой будущий муж? — С надеждой спрашиваю я. — Чем он занимается, если его имя вводит в священный ужас всех, даже вас?

— Он торговец алмазами и чёрным деревом, — отвечает поверенный.

Не понимаю, пока ничего страшного я в этом не вижу.

Дон Смит замечает мой недоумевающий взгляд и поясняет:

— Дона Тори, под чёрным деревом или чёрной слоновой костью подразумевают рабов.

Мигель — работорговец. Его люди закупают чернокожих у вождей береговых племён и продают на Мадейру, острова Зелёного Мыса, в нашу страну.

— Мигель же вроде испанец, — осторожно расспрашиваю я. — Прерогатива работорговли же сейчас у португальцев.

— Везде есть свои исключения, — говорит дон Смит. — Пожалуй, пора идти одеваться к церемонии. А мне найти и поговорить со священником.

Он доводит меня до двери моей комнаты и исчезает по своим делам. Когда я оказалась на борту корабля, думала обо всём, но не вспомнила, что попала в самый расцвет рабства и мне придётся смириться с этим, так как до его отмены ещё два века.

Понятно, что рабство существует с того самого момента, как зародились первые цивилизации. И у египтян, и у греков, и у римлян существовало рабство.

Но несчастная Африки в течение четырёхсот лет была неисчерпаемым источником дармовой рабочей силы для западных стран и их колоний.

Пальма первенства в торговле людьми принадлежит Португалии. Первые чернокожие рабы появились не на плантациях, а в Лиссабоне. Сначала они были в диковинку и иметь чернокожего раба считалось престижным. А уже в шестнадцатом веке даже у португальских крестьян были чернокожие рабы.

— Дона Виви, — выводит меня из задумчивости Мила, — мне сказали подготовить самое красивое платье для венчания. Я с помощью рабынь отпарила ваше подвенечное платье, которое мы привезли с собой, помните?

— Честно говоря смутно, — говорю я.

Мила разложила передо мной действительно потрясающе красивое платье голубого цвета.

До семнадцатого века белый цвет в Европе означал траур. Свадебные платья традиционно шили голубого, розового и даже красного цвета. Во Франции если невеста хотела выбесить свекровь, то надевала платье сиреневого или бордового цвета, последний объяснялся тем, чтобы муж всю жизнь сгорал от страсти.

— Вы не возражаете против него? — Робко спрашивает горничная.

— Почему я должна возражать? — Удивляюсь такому странному вопросу.

— Всё-таки его везли совсем для другой свадьбы и другого мужчины, — полувопросительно произносит Мила, словно прощупывает моё отношение к Мигелю.

— Да, какая разница, — машу рукой я. — Этот или тот.

Мила и рабыня звонко рассмеялись, распуская мне волосы.

— Ну, не скажите, дона. Новый-то и моложе, и красивее, — смеясь говорит Мила, раздевая меня.

Я усаживаюсь в ванну. Да, предыдущий владелец дома был невероятно богат, раз сделал отдельную ванную.

— И богаче, — вторит ей рабыня.

Ну да, богатый такой он потому что продаёт таких, как ты. Может, девушка уже родилась в рабстве и не знает, что такое свобода. Но уточнять не стала. Потом будет время.

— Мила, а почему платье голубое, а не белое? — Интересуюсь я, пока девушки меня моют. Невероятные ощущения, когда можно расслабиться и не думать даже о том, как помыться. — Неужели родители сэкономили на нём.

Щёчки горничной порозовели, и я поняла, что попала в самое яблочко.

Всё дело в том, что уже в середине семнадцатого века из Франции по всей Европе распространилась мода на белые свадебные платья, которые ввела королева Анна Австрийская. Хотя существует ещё одна версия происхождения белого свадебного платья. Якобы в нём венчалась английская королева Виктория, а уже потом мода растеклась дальше берегов туманного Альбиона.

Значит, родители пожадничали купить мне платье по последней моде. Конечно, дочь уезжает в колонию, зачем ей оно.

Я, грешным делом, всегда была модницей. Поэтому меня так разочаровало платье. Нет, оно великолепное, но всё же тот факт, что платье не белое неприятен мне. Возможно, это стереотипы моей прошлой жизни. Разочарованная я выхожу из ванны, и рабыня накидывает на меня простыню, обтирая тело.

— Дона, кухарка уже готовит вкусные жареные свиные рёбрышки с маниоккой, маисовые лепёшки, фейжоада, капариньо, касадиньос, — перечисляет рабыня, ловко одевая на меня рубашку, нижние юбки и само платье.

— Так, стоп, как тебя зовут, — спрашиваю я её.

— Сара, дона, — белозубо улыбается девушка. — Я горничная в доме. Если позволите, буду вашей личной служанкой.

Девочка привыкла бороться за место под солнцем. Если и рабыня, так хоть статусом выше, чем все рабы в доме. А домашние рабы, выше, чем работающие на плантациях. Иерархия есть даже у тех, кто лишён социального статуса. Забавно устроены люди.

— Для начала объясни мне, что такое капариньо? — спрашиваю я то, что зацепила моя память, остальные названия блюд, я просто не запомнила.

— О, капариньо, дона, это напиток из кокосового молока, — рассказывает Сара, а Мила сооружает мне причёску.

— А, остальные блюда, что это такое? — Интересуется Мила, которая, как и я, впервые слышит эти названия.

— Касадиньос — это печенье, — отвечает на наши вопросы Сара. — Фейжоада — это блюдо из тушёной говядины или свинины с чёрной фасолью.

Точно, я вспомнила, что читала о нём и даже пробовала, когда была в Бразилии. У бразильцев сложилась традиция, есть это блюдо в основном по средам и субботам. Традиционно, в горшок отправлялись уши, потроха и другие части поросёнка. Фейжоада одно из самых известных блюд во всей Бразилии.

— Ну а маисовые лепёшки вы знаете? — Спрашивает нас Сара.

— Да, маис, это сахарная кукуруза, значит, кукурузные лепёшки, — отвечаю я. — Маниока — растение, в пищу используют его корневые клубни в варёном, жареном и сушёном виде. Есть даже мука из маниоки.

Заменяет на картофель, добавляю я про себя. Мила не знает, что такое картофель.

Нашу увлекательную кулинарную беседу прерывает стук в дверь. Девушки, как по команде перестают хихикать.

— Дона Тори, пора, — набатом раздаётся голос дона Смита. — Священник и Мигель уже ждут.

Последний раз перед выходом смотрю на себя в зеркало. Оно ещё не такое, как привыкли мы в своём мире.

С тринадцатого века в Европе стали делать стеклянные зеркала. Для этого брали сосуд из стекла, в который в процессе выдувания наливали расплавленное олово, затем застывшее изделие разбивали, и из осколков делали зеркало.

Почти такое стояло передо мной, с одним маленьким изменением, которое подняло стоимость зеркала до небес. Интересно, откуда здесь оно?

— Откуда здесь такое зеркало? — Интересуюсь я у Сары.

Рабыня пожимает плечами. Вместо неё отвечает Мила.

— Мы его везли с собой для дона Мигеля, — произносит она. — Он просил дона Смита доставить груз с порта в Сан-Сальвадор-де-Байя. Что в ящиках дон Смит не знал. А когда было решено со свадьбой, дон Мигель распорядился подарить его вам.

Мне казалось, что удивить меня больше уже невозможно. Мигелю это удалось.

Это зеркало сделано с добавлением золота в состав отражающего свет вещества. Цена его настолько баснословна, что позволить себе его приобрести могли короли или очень богатые люди. В уплату за одно такое изделие отдавали и поместье, и морское судно.

Откуда оно у картёжника, по случаю выигравшего плантацию? Мой будущий муж всё больше обростает тайнами.

— Дона Тори, поспешите, — торопит меня поверенный.

Да, тянуть больше нельзя. Мила, повинувшись моему знаку, открывает дверь.

Нет ничего более сладостного, чем видеть в глазах мужчины восхищение. Я довольно критично относилась к своей внешности раньше и тем более придирчива к телу, доставшемуся мне по милости всевышнего.

Но даже я не могу найти в своём образе изъяна. Голубое платье из испанского шёлка с бордовыми вставками по лифу и юбке, отделанное тончайшим белым кружевом по воротнику и манжетам.

Такое же кружево украшает мои бордовые, как вставки на платье, атласные туфельки. В руках я держу кружевной веер.

На голове Мила туго завила боковые пряди и при помощи каркаса закрепила около шеи. Затылочные пряди она убрала в косу, имевшую плоскую форму.

Я ничего не стала ей говорить. Если мне не изменяет память, то такие причёски носили ещё в начале века. К сожалению, Милагреш всего лишь горничная, а не парикмахер, поэтому сделала, как сумела.

Куафёры появились в Европе в конце семнадцатого века и активно внедряли в моду женские стрижки. В Бразилии, естественно, такой роскоши ещё нет и нескоро появится.

— Вы великолепно выглядите, дон Тори, — целуя мне руку, произносит дон Смит. — Будь я проклят, если вы не сразите Мигеля наповал.

Мне не удаётся скрыть довольную улыбку, и дон Смит шепчет мне на ухо:

— Побольше блеска и озорства в глазах, Тори.

Мы выходим во двор, где уже собрались домашние рабы. Проходим сквозь живой коридор. Они бросают живые цветы мне под ноги, и мы с доном Смитом ступаем по живому ковру из бархатцев, агератума, львиного зева, вербены, сальвии, цинерарии, колеуса.

Никогда не видела такой красоты. Кажется, что весь справочник по комнатным растениям лежит у моих ног.

По современным традициям Бразилии жених ждёт невесту возле алтаря, а она обязательно должна опаздывать.

Я льщу себя надеждой, что именно мы с Мигель стали её прародителями. Глупая, но ужасно приятная мысль.

Двери церкви украшены живыми цветами и пока мы медленно, чтобы все могли рассмотреть свою новую хозяйку, движемся к церкви.

— Дон Смит, а разве мне можно выходить замуж во второй раз? — Как всегда, вовремя меня стали волновать юридические тонкости.

— Ваш отец не говорил, что вы уже были замужем, — теперь уже волнуется дон Смит. Получается, что это его ошибка, замужняя невеста.

— Я не была замужем, — отрекшиваясь я, — Педро Верейра — мой первый муж.

Дон Смит легонько сжимает мою ладонь.

— Ну и напугали вы меня дона Тори, — произносит он. — С Верейро было заключено всего лишь юридическое соглашение о замужестве. Брачный контракт. А он его переуступил Мигелю.

Не буду портить себе единственный свадебный день в двух жизнях. Надо насладиться им по полной.

Перед раскрытыми дверьми церкви Сара всовывает мне в руки букет из диких лилий лонгифлорум, которые представляют собой трубки громадных белых с коричнево-лиловой «спинкой» цветов с дивным ароматом.

Изнывая от жары, хотя июнь в Бразилии и зима по календарю, дон Смит в роли посажёного отца ведёт меня по проходу между скамьями к жениху.

В православных храмах, к слову, нет скамей для сидения. Но это больше относится к традиции православия, чем к тому, что сидеть запрещено. Считается, что во время молитвы человек должен трудиться как духовно, так и телесно. Именно «жертва» Богу в виде утрудения своего тела стоянием не остаётся им незамеченной.

Нужно будет потом расспросить священника о разности традиций, но позже. Сейчас же я вижу горящий от желания взгляд Мигеля и сбиваюсь с размеренного шага.

Дон Смит обеспокоенно смотрит на меня, он готов остановить венчание, если я буду против. Насколько же отзывчивый он человек.

— Всё в порядке, — шепчу я и мы шествуем дальше.

Он символично передаёт мою руку Мигелю. Запечатлев на ней горячий поцелуй, жених застывает перед священником. Его локоть рядом с моим, тыльная сторона ладони едва касается моей.

Я не слышу, о чём говорит священник, хотя отмечаю, что служба идёт на португальском. Мои чувства сосредоточены на Мигеле, его прикосновениях. Сейчас не до целомудренных проповедей. Я горю в предвкушении близости с Мигелем. Готова поклясться, что он чувствует то же самое.

— Согласна ли ты Виктория Анна Мария Коста-э-Сильва, графиня Помбала, взяти законные мужа Себастьяна Мигеля Витторио Карлоса де Барбона, герцога Альбу, — спрашивает он меня. — Любить и почитать его, быть верной и подчиняться мужу, пока смерть не разлучит вас.

Я ошеломлённая собственным дворянством и пришибленная титулом Мигеля только и

могу, что кивнуть. Священник переспрашивает меня, словно не расслышал ответа.

— Согласна, — громко говорю я и по церкви проносится восторженный вой.

Ту же процедуру проходит и Мигель. Только в его варианте почему-то отсутствует часть по верность и подчинение. Его согласие также вызывает бурную реакцию присутствующих.

— Объявляю вас мужем и женой, — произносит священник стандартную фразу. — Можете поцеловать невесту.

Почему невесту, проносится у меня в голове вопрос, когда уже жену. Все мысли перепутались, стоило мне посмотреть в его глаза. Жадные губы мужа накрывают мои в совсем нецеломудренном поцелуе, на который надеялся священник.

С видимым сожалением Мигель меня отпускает, но лишь только для того, чтобы подхватить на руки.

Он несёт меня с видом победителя. Горящие торжеством глаза свысока смотрят на окружающих нас людей. Я никого из них не знаю. Милагреш и дон Смит затерялись среди скопления незнакомых людей.

Мне почему-то становится страшно, словно я ничего не значащая песчинка в людском море. Сильнее цепляюсь за сильные плечи мужа.

— Не бойся, я унесу тебя отсюда, — шепчет он.

— А мы разве не будем праздновать? — спрашиваю я в тот момент, как Мигель выносит меня за порог церкви.

Он и не думает отпускать меня. Отовсюду слышатся поздравления, пьяные возгласы картёжников. Никто из них не уехал в ожидании бесплатного угощения.

— Мы будем, конечно, — шепчет он мне на ухо. — Но только у себя в комнате, моя милая невестушка.

— Уже жена, — недовольно ворчу я, чтобы он осознал свою ошибку.

Мигель смеётся так заразительно, что и я начинаю улыбаться, а пьяные гости отпускать похабные шутки.

— Какая же ты жена? — Сквозь смех произносит Мигель, бодро вышагивая со мной на руках по дорожке к дому. — Брак ещё не действителен, и ты пока невеста. Вот сейчас и займёмся узакониванием нашего союза.

В доме нам навстречу с поздравлениями выходит крепкий мужчина лет сорока, в добротном костюме, сапогах. Его изучающий взгляд лишь на мгновение задерживается на мне.

— Фернандо, присмотри, чтобы эта пьяная толпа не спалила усадьбу, — отдаёт распоряжения Мигель. — Не поймут слова, действуй жёстко. Поутру выпроваживай всех к чёртовой матери.

— А если...

— Если ничего уже не сможешь сделать, то зови меня, — и улыбаясь добавляет, — но это, если небо на землю упадёт. Я буду очень занят до утра.

— Понимаю, синьор и поздравляю, — произносит Фернандо. — Подносы с выпивкой и едой уже доставили к вам в комнату.

— Благодарю, Фернандо, — говорит Мигель. — Сам понимаешь, что прежний управляющий мне не нужен. Так, что теперь ты занимаешь эту должность.

На бесстрастном лице мужчины не дрогнул ни один мускул. Я так и не поняла, доволен он или нет своим назначением.

Мигелю же это было безразлично, он с лёгкостью поднимается по лестнице, находит хозяйскую спальню и ногой открывает двери, внося меня внутрь.

Внутри у меня всё сжимается в тугий узел. Мигель опускает меня на кровать.

— Мне нужно помочь снять платье и распусть причёску, — поспешно говорю я, сбегая к двери.

Мигель оказывается быстрее и захлопывает дверь у меня под носом. Медленно закрывает на ключ, не спуская с меня жадного взгляда.

— Я сам раздену тебя, — грациозной походкой хищника он подходит ко мне.

Не знаю, что происходит? Но тело реагирует совсем не так, как хотел бы разум. Я взрослая женщина, имевшая отношения с мужчинами, хочу своего мужа. А тело наивной испуганной девчонки отшатывается от Мигеля и пятится к кровати.

Неужели моя душа переместилась на место прежней хозяйки, когда она ещё была там? Получается, что у меня два сознания? В стрессовых ситуациях я уже подмечала, что я непроизвольно реагирую как девчонка.

Мигель же не разочарован. Напротив, своим испуганным поведением я даю ему понять, что невинна и не испорчена.

Он настигает меня, приперев к стенке, собирает кудри в кулак и притягивает к своему лицу. Как загипнотизированная я смотрю на его губы.

Мигель наклоняется ко мне и впивается в губы сладким поцелуем. У меня кружится голова. Ещё бы целый день не ела и тут вместо ужина мне предлагают насыщение иного рода.

Он обнимает меня за талию, притягивая к себе так близко, что я чувствую каждый изгиб его тела. Голову кружит опьяняющий мужской запах. Поцелуй прерывается, и я прислоняюсь лицом в ямку между ключицами.

Мигель наверняка слышит, как стучит моё сердце. Чувствует, как вздымается грудь. Я вся горю.

Он снова целует меня, но по-другому не так, как в первый раз. Нежно, успокаивающе. Поцелуй становится всё более смелым. Руки добрались до шнуровки платья.

Я с трудом отстраняюсь и осипшим голосом спрашиваю:

— Может быть, поужинаем?

Вывернувшись из его объятий, кидаюсь к сервированному столику, как к единственному спасению.

— Тори, не стоит оттягивать неизбежное, — ласково произносит Мигель. — Ты не выйдешь из этой комнаты, пока не будешь принадлежать мне целиком и полностью.

Я нервно сглатываю и произношу:

— Тогда сделай это побыстрее, и мы наконец-то поужинаем.

Его глаза потемнели от гнева. Всего лишь одно мгновение он смотрел на неё с плотно сжатыми челюстями и снова перед ней равнодушное выражение лица.

Боже, что я несу. Жаль, что некому задать мне трёпку. Если Мигель разозлится, то «это побыстрее» превратится в насилие. Я совсем, похоже, ополоумела. Надо как-то разбираться со своим раздвоением личности.

Мигель ещё раз смотрит на меня недолгим взглядом и пожимает плечами:

— Что ж пусть будет так, как хочет синьора. Вы делаете только хуже для себя, Тори. Я овладею вами, когда пожелаю, но не гарантирую, что вы при этом получите удовольствие.

Моя душа болезненно сжалась. Я теперь буду следить за языком. Прежде чем открыть рот, посчитаю до десяти на трёх языках, которые знаю — русском, португальском и английском. Может быть, это уберёжёт меня от «не моих» эмоций и слов.

То состояние интереса и возможно лёгкой влюблённости, которое было у него перед свадьбой, я легко перечеркнула одной фразой.

Сухо и деловито он раздевается, приказав раздеться и мне. Руки дрожат, я путаюсь в шнуровке и юбках. Устав ждать Мигель, грубо сдирает с меня одежду. Он больше не пытается доставить мне удовольствие, его заботит только доказательства законности брака.

А я, глотая слёзы, с полным осознанием своего фиаско лежу растоптанная и униженная теперь уже законным мужем. И некого винить кроме себя.

В глубине души всё ещё теплится надежда исправить то, что я натворила. Вот только получится ли?

— Тогда сделай это побыстрее, и мы наконец-то поужинаем, — произносит моя невеста.

Не верю собственным ушам. Девчонка только что плавила в моих объятиях, как масло. Я чувствовал её желание. И через мгновение обдаёт холодом.

Что за игра такая? От гнева помутилось в голове. До зубовного скрежета сжимаю челюсти. Не люблю я эти женские игры.

Усилим воли беру себя в руки. Меня сложно вывести из себя, но Виктории это виртуозно удаётся.

Она ведёт себя, то, как невинная девственница, то, как искушённая куртизанка.

Что ж моя жена полна загадок, и я готов разгадывать их одну за другой. Начну прямо сейчас.

Смотрю на жену недолгим взглядом и пожимаю плечами:

— Что ж пусть будет так, как хочет синьора. Вы делаете только хуже для себя, Тори, — своими словами хочу заставить её прийти в себя, убрать холодность или это сделаю я сам. — Я овладею вами, когда пожелаю, но не гарантирую, что вы при этом получите удовольствие.

Виктория поднимает на меня свои бездонные глаза испуганной лани и у меня сжимается сердце. Не могу я ей причинить боль, даже если она напрашивается.

Зачем я повернулся тогда, когда Педро уговаривал меня играть на девушку из Португалии? Если бы я не увидел её тогда, то с лёгкостью отказался.

Прав дон Смит, нет чести в том, чтобы играть на женщин. Но это другой случай. Она пришла ко мне из мечты, и я не мог упустить шанс завладеть ею.

Смотрел на неё и не верил глазам. Она мне снилась долгое время. Из-за неё я не мог найти успокоение в объятиях самых опытных жриц любви. Я влюбился в женщину из сна.

И вот она из плоти и крови стоит в пропахшей потом и выпивкой гостиной, как королева. С гордо поднятой головой и дерзким взглядом, за которым таилась боль.

С того первого мгновения, когда наши глаза встретились, она поработила мою душу. Вот только я никогда не скажу ей об этом. Не дам власти надо мной. Кто любит — тот становится рабом своей любви. Клянусь, что со мной этого не произойдёт.

Сцепив под столом ладони в замок, я боролся с желанием разбить физиономию Верейро. Поставить девушку на кон, сделать разменной монетой в игре мог только законченный подонок.

Играть на неё, значит унижить. Я не могу растоптать её душу. Девушка из сна не заслуживает такого обращения, но и оставить её у разорившегося плантатора я не желаю.

Игра — самый лёгкий способ заполучить её, и я поддаюсь искушению.

Я хочу её. Хочу так, что почти ничего не соображаю. Перед глазами стоят не карты, а сцены одна горячее другой с Тори в главной роли.

Не знаю, каким чудом я выиграл, но возбуждение, охватившее меня с первого взгляда на неё, требовало разрядки. Я едва не овладел ей на скамейке в портике, как какой-то рабыней.

Но я не могу оскорбить её таким отношением. Виктория бы мне не простила свой первый раз на почти на виду у всех.

Мне же до боли хотелось прикоснуться к ней, ощутить нежность её кожи, податливость тела. Я жаждал пить её стоны как изысканное вино.

Надо спешить со свадьбой, до завтра я не смогу дотерпеть. Я же не железный.

Отправляю Тори готовиться к свадьбе, а сам остаюсь на скамейке во взвинченном состоянии. Я совсем сошёл с ума от желания обладать ею. Я могу взять её в любой момент, не спрашивая согласия. Она мой трофей. Но не могу причинить ей боль, скорее отрежу себя руку.

Эта девчонка стала моим наваждением ещё во снах, а теперь просочилась в реальность.

Свадьба стала моим персональным адом. Я хотел заткнуть рот каждому, кто выкрикивал скабрёзные шуточки. Я жаждал закрыть её лицо мантильей, чтобы ни один похотливый взгляд не касался её.

Я застолбил своё исключительное право на эту женщину. Поднимаю её на руки и несу в спальню. Ждать дольше не имеет смысла, меня разрывает от желания.

Её губы, шепчущие мне какой-то вздор насчёт жены и невесты, сводят меня с ума. Я не способен думать ни о чём другом, кроме как о том, что рисует мне моё безудержное воображение.

И вот когда я в двух шагах от обладания ею. Тори выдаёт мне несусветную глупость о еде.

Я не способен думать ни о чём другом. Сначала Тори, потом еда.

Мои поцелуи становятся всё откровеннее. Она же из последних сил держится за свою никому не нужную невинность. Девочка готова принять меня, но даже сама этого не понимает. Она дрожит и дерзит от испуга, отталкивает меня.

Не понимаю, куда делась её отзывчивость на мои ласки. Откуда взялась колкость и неприятие близости.

Может быть, она испугалась моей страсти? Или неприятен мой напор? Попробуем по-другому.

Сухо и деловито я принимаюсь раздеваться, приказав раздеться и ей.

Её руки дрожат, путаясь в шнуровке и юбках. Настолько девочка волнуется.

Устав ждать, я помогаю ей освободиться от сковывающей одежды. Привлекаю её к себе и жадно целую в губы. Мои руки отправляются в путешествие по её обнажённому телу, разжигая ответную страсть и аккуратно спускаясь в святая святых, чтобы не напугать. Она готова меня принять. Осторожно, чтобы не причинить ей боли я присваиваю её себе теперь и физически, делая наш брак законным.

Моя девочка плачет, пряча слёзы. Неужели я сделал ей настолько больно?

С полным осознанием своего фиаско лежу рядом с ней опустошённый и униженный её слезами. Хочу утешить, а может, оправдаться, объяснить, что первый раз он такой не самый лучший по ощущениям. Она смотрит на меня полными боли глазами и слова застревают в горле. И некого винить кроме себя.

В глубине души всё ещё теплится надежда исправить то, что я натворил. Вот только получится ли?

Мигель крепко спит, а я не нахожу себе места. Произошедшее выбило меня из колеи. Я нервно хожу по комнате. Сорочку давно уже сменила, а пятно на простыне не даёт мне покоя.

К тому же в комнате душно. Открыть окно боюсь, вдруг станет шумно, и он проснётся. Я не стремлюсь повторить позорную процедуру. Мне нужно как-то научиться управлять сознанием бывшей хозяйки тела.

Накидываю на себя халат, подаренный Мигелем. Не поскупился он на подарки жене. Ещё одна его хорошая черта — щедрость.

Такой халат называется баньян и совсем недавно завезён в Европу из Японии голландцами. Многоярусная, тяжёлая и очень неудобная одежда вызвала желание аристократов в свободной обстановке носить более лёгкие и комфортные вещи. И японское кимоно пришлось как нельзя кстати.

Баньян шился, как свободный Т-образный халат или даже в виде кимоно. Из тканей предпочитали хлопок, лён или шёлк.

Мой халат был из малинового шёлка, в комплект к нему шла мягкая шапочка, похожая на тюрбан.

Был ещё и альтернативный фасон баньяна, скроенный в виде приталенного, со втачными рукавами пальто, которое застёгивалось на пуговицы и петлицы.

Надев на ноги мягкие домашние тапочки в тон халату. Ещё один подарок мужа. Тихонько выскальзываю за дверь и спускаюсь в портик.

Всё же Мигель подарил мне все возможные в эту эпоху модные вещи. Откуда они у него я знать не хочу. Меня устраивает его желание порадовать меня.

Не скажу, что тапочки такое уж новомодное изобретение в Европе. Совсем нет. Тапочки без задников — шлёпанцы, широко распространённые на Востоке, в Европу завезли крестonosцы. Их стали шить из кожи с мехом внутри. Мне же Мигель подарил настоящие восточные шлёпки. Лёгкие и красивые, стоящие довольно дорого.

В конце семнадцатого века, в который меня закинуло, тапочки стали символом супружеской верности потому, что тапочки по большей части носили женщины, которые постоянно сидели дома и берегли домашний очаг. Так, что намёк мужа я поняла и оценила.

Ночью всё же прохладнее и я, наслаждаясь лёгким ветерком, ласкающим кожу, нежусь на скамье возле огромного куста рододендрона. Меня за ним практически не видно. Я расслабленно вытягиваю ноги и погружаюсь в дрему.

— Ты должен мне помочь, слышишь? Должен! — Раздаётся из-за куста грубый, требовательный голос.

— Прости, но нет, — слышу, как отвечает собеседнику дон Смит. — Всё было честно.

— Честно? Ты это называешь честно? — Мужчина возмущённо говорит вполголоса. — Да он оставил меня ни с чем. Я нищий.

— А я предупреждал тебя, Педро, — дон Смит сохраняет олимпийское спокойствие, не поддаваясь истеричности своего собеседника.

Кто же этот Педро, которого обокрали? Несчастный человек! Почему дон Смит не хочет помочь ему.

Непрошеной гостьей жалость к незнакомцу проскользнула в душу. Нельзя же так. Завтра

разузнаю кто он и попрошу Мигеля оставить его на фазенде. Наверняка найдётся и для него работа.

— Я не соображал тогда ничего, Джон, а он этим воспользовался, — настаивает Педро.

Любопытство подстегнуло меня забраться на скамью и попытаться рассмотреть через кусты, с кем это спорит дон Смит.

— Он не соглашался, а ты в ногах у него ползал, о какой несправедливости ты говоришь? — В голосе дона Смита плещется возмущение. — Ты отдавал себе отчёт, что творишь.

Мужчина, с которым говорит дон Смит, стоит ко мне спиной. Они одного роста с доном Смитом. Даже при свете луны мне сложно определить цвет волос. Он запускает пальцы в волосы, сжимая их. Он в паре шагов от припадка.

— Он шулер, клянусь тебе, Джон, — хватая за камзол Смита, мужчина начинает его трясти.

— Оставь меня в покое, Педро, — отдирает его руки от себя Смит. — Какого дьявола ты меня вытащил сюда? Чтобы я слушал подобную чушь?

— Я думал мы с тобой друзья, — манипулирует дружескими чувствами незнакомец.

— Я тоже так думал, — раздражённо отвечает дон Смит, наступая и тыча ему в грудь пальцем, — ты, что же во имя дружбы решил втянуть меня в свои авантюры?

Мужчина под напором отступает, делает шаг назад и не удержавшись падает в куст рододендрона.

Мелькает знакомое лицо, но я всё равно не узнаю его. Наверно видела в толпе во время свадьбы.

— Какие авантюры, Джон, — с жуткой отдышкой произносит мужчина, выбираясь из кустов. — Я просто прошу тебя помочь восстановить справедливость.

Дон Смит неприязненно морщится, но мужчина не замечает его реакции и продолжает бубнить:

— Я уже всё спланировал, мне помогут, тебе всего лишь нужно помочь с бумагами.

Меня раздирает любопытство, кто обидел маленького, толстенького человечка и что он придумал, чтобы справедливость восторжествовала?

Колени болят. Стоять на жёсткой лавке непривычно. Но я боюсь даже пошевелиться, чтобы не спугнуть их. Не знаю, зачем мне вся эта информация, но интуиция подсказывает, что нужно дослушать до конца.

— Что ты спланировал? — Интересуется дон Смит.

Мужчина оживляется и начинает быстро тараторить, чтобы его не остановили.

— Он уедет через неделю и больше не вернётся, а ты сожжёшь бумаги, по которым плантация отошла Мигелю.

Я от неожиданности дёргаюсь и чуть было не падаю спиной на каменный пол портика. Зацепившись в последний момент за спинку скамейки, перевожу дыхание.

— Кто там Джон? — Нервничает Педро.

— Да, кто там может быть? Птица, наверно, вспорхнула, — успокаивает его дон Смит.

Я приваливаюсь к спинке лавки спиной. Нет нужды подглядывать, если и так всё прекрасно слышно.

Теперь понятно, кто этот бедный мужчина. Дон Педро Вереира, собственной персоной. Оболганный и обманутый. Мерзкая тварь!

— Он не уедет так быстро, Педро, — произносит дон Смит.

— Уедет. Я точно знаю. Мне сказал об этом надёжный человек с «Санты Марии», — упирается Верейра.

— Это было до того, как Мигель женился, — тёплым голосом говорит поверенный. — Ты бы уехал от такой женщины так быстро?

Наступило молчание.

— Хотя ты бы уехал, — насмешливо произносит Смит. — В твоих жилах течёт не кровь, а вода. Проиграть Тори. Я тебе этого никогда не прощу.

— Да ты сам не прочь оказаться на месте Мигеля, — смеётся Педро.

— Ты больной ублюдок, — бьёт его кулаком в лицо поверенный. Никогда бы не подумала, что дон Смит способен на такой отчаянный поступок.

Верейро продолжает хохотать. Я не вижу, что там происходит. Меня больше волнует, куда собрался мой муж. Неужели бросит меня сразу после свадьбы?

Я настолько ошарашена известием, что Мигель уезжает, что драка, происходящая на лужайке перед домом, перестаёт волновать. Почему он мне ничего не сказал?

Нервно ломая пальцы, я не прислушиваюсь к тому, что происходит в саду до тех самых пор, пока до меня не долетают слова моего несостоявшегося мужа:

— Ты пожалеешь ещё, что не помог мне Джон, — угрожает Верейра. — Поплатишься за то, что избил меня. Вы все пожалеете.

Мне кажутся его угрозы пустым звуком. Педро Верейра не производит впечатления человека, который может отомстить.

Для меня важнее то, что Мигель уезжает. Дон Смит изрядно потрепанный, но не побеждённый проходит к чёрному входу. Куда отправился Верейра, меня не интересует.

Я крадусь в спальню. Сознание юной Виви снова активизировалось. А девушка, в теле которой я вселилась, была действительно не слишком умна. И с вот этой средневековой дурью, которой забита голова моего нынешнего тела, мне предстоит бороться.

Даже сейчас мне подсовывают посторонние мысли о том, что собирается уезжать муж, так это же хорошо.

Возможно, хорошо для Виви, но не для Тори. Я хочу ещё немного времени, чтобы помириться с Мигелем.

У него тёмная биография, но широкие жесты. Мне, как хорошей девочке на протяжении всей жизни, очень нравятся опасные мужчины.

В наше время по-настоящему опасных я не встречала, к счастью, а может, и нет.

Виви абсолютно не знает, что ей нужно. Для неё Педро Верейро был бы подходящим мужем, но не для меня. Такие мужчины меня раздражают.

И мне остаётся только поблагодарить несостоявшегося мужа, за гениальную идею проиграть меня молодому, привлекательному и щедрому мужчине.

Решительно направляюсь в нашу спальню. Дождусь, когда Мигель проснётся, и поговорю по душам.

Ступаю по ступеням так тихо, что ни одна досточка не скрипнула. Дверь в спальню отворилась также бесшумно.

Я юркнула под лёгкое, почти невесомое покрывало и затаилась.

— Где ты была? — спрашивает Мигель таким тоном, словно доброго утра желает.

— Выходила провериться, — отвечаю, поворачиваясь к нему лицом. — Посидела немного под ночным ветерком в портике.

Он очерчивает большим пальцем контур моего лица, словно прощупывает границы. Я затаив дыхание жду продолжение.

Малышка Виви, поднявшая голову в моём сознании, безжалостно задавлена мной. Её строгое католическое воспитание не позволяет таких вольностей с мужчиной. В монастыре, что ли, воспитывалась? Надо расспросить Милагреш.

— Проветрилась? — Легко касаясь щеки губами, шепчет он.

Кожа, где только были его губы, горит огнём. Я киваю, говорить внятно просто не в силах.

Боже, от такой невинной ласки такая гамма эмоций. А эта дрянь Виви, испортила мне первую ночь с ним.

Мигель отстраняется и смотрит на меня. Ждёт моих действий в ответ? Я заметалась е душезная, как себя вести. Опять, если бы молодость знала. Улыбнулась про себя, что я как раз таки могу.

Тянусь к нему и нежно целую в губы. Пока этого достаточно. Извиняться точно не буду. Я милая, глупая девственница и пусть он просит прощения за свою грубость.

— Ты такая нежная, — шепчет Мигель, подминая меня под себя. — Не хочу выпускать тебя из постели.

Я нежно улыбаюсь, провожу легонько пальцами по лицу:

— Так не отпускай, — отвечаю я и целую его в ключицу. — У нас уйма времени.

Послушаю, что он ответит. Если и правда собирается уезжать, то должен же сказать.

Мои лёгкие поцелуи спускаются ниже по груди и замирают на жёстком прессе Мигеля, чтобы вновь полететь к его губам.

Его глаза затуманиваются, и я мысленно хвалю себя за выбранную стратегию. Мигель мой нежный поцелуй превращает в страстный, жаркий, ненасытный.

Он касается губами моих губ. Поднимает меня под попку и усаживает себе на бёдра. Я цепляюсь за него ногами и руками, чтобы не упасть. От его прикосновений кожа горит огнём даже сквозь ткань. Второй рукой удерживая меня за затылок яростно целует.

Слегка запрокидывает мою голову назад, покрывая шею жадными поцелуями от уха по шее и до ключицы, возвращаясь, он прикусывает мочку уха. У меня по телу разливается тепло, скручиваясь внизу живота в тугий тянущий узел.

В голове не остаётся ни одной мысли. Я провожу рукой по его голове, запутываясь в волнистых жёстких от морской соли волосах.

Мигель бережно укладывает меня на постель, покрывая поцелуями лицо, шею, ключицы, спускаясь к груди.

Нетерпеливо разрывает пополам ночную рубашку. От его горячего взгляда кожа покрывается мурашками.

Проводит пальцем по ложбинке между грудей, и я выгибаюсь от удовольствия. Горячие поцелуи плавают кожу. Рука Мигеля ласкает грудь, нежно гладит живот, спускаясь к ягодицам. Он впечатывает меня в своё тело, давая почувствовать своё возбуждение.

Я нетерпеливо изгибаюсь навстречу его требовательным рукам и яростным губам. Стоны срываются с губ, вызывая ещё большее желание в Мигеле.

Толкаю его на кровать и оказываюсь сверху, покрывая поцелуями его тело. Не сдерживая стоны, Мигель тянется ко мне и подминает под себя. Его руки, губы, кажется, везде. А моё тело горит в огне.

Кажется, что возбуждение уже достигло своей кульминации, но Мигель умело разжигает пламя желания до всепоглощающего пожара.

Мои руки и губы жарко ласкают его в ответ. Одно движение, и мы сливаемся безумном танце наслаждения в единое целое.

Я подаюсь навстречу своему мужчине, ещё и ещё, впиваюсь ногтями в его плечи. Моё тело изгибается в судороге, а в голове взрывается миллиард разноцветных звёздочек.

Не остаётся ничего и меня тоже нет, я улетаю на вершину страсти, и только его голос связывает меня с реальностью.

— Какая ты сладкая, моя девочка, — шепчет он мне на ухо.

Закрутившаяся до отказа спираль желания начинает медленно раскручиваться назад.

Наше первое утро оказывается намного лучше брачной ночи.

Утро уже вступило в свои права. Мы с ним обнявшись наблюдаем, как небо окрашивается в нежно-розовый цвет. Наши обнажённые тела освещают первые лучи солнца, но я не испытываю смущения.

Мне нравится, каким взглядом смотрит на меня муж. Удовлетворённый Мигель перекачивается набок, опираясь на локоть, поддерживает голову. Он играет моими локонами, любуюсь, как они блестят на солнце.

Я обессиленная стараниями мужа, довольно развалившись занимаю половину кровати. Мне нравится вот так просто лежать и ни о чём не думать. Никуда не спешить.

— Мне надо будет уехать, — как бы между прочим сообщает он.

Вот и признание. Только не истерить, Тори. Прояви понимание, мужчины это любят.

— Куда? — Перекачиваюсь я набок, устремляя взгляд на мужа. — Надолго? Когда вернёшься?

Мигель улыбается. Нежно целует в губы.

— По делам, моя пташка, — снисходительно заявляет он, а я подавляю в себе желание возмутиться.

Зачем портить такое прекрасное утро? Постепенно он поймёт, что со мной можно делиться информацией. Сейчас же его недоверие вполне объяснимо.

— Я не спрашиваю, по каким делам? Просто хочу узнать, куда ты уезжаешь? — И лукаво улыбнувшись, игриво добавляю, — хочу попросить привезти мне подарок.

Такое объяснение вполне устраивает Мигеля. Подобное распределение ролей вполне в духе эпохи и отлично объясняет моё любопытство.

— Просто скажи какой подарок хочешь, и я привезу всё, что пожелаешь, — рисуя на моём плече узоры, говорит муж.

— Я хочу, чтобы ты привёз мне несколько мешков кофе, — прошу я его, наблюдая, как глаза мужа становятся размером с блюдце. Явно не такого заказа он ожидал. — Только сырых. Я хочу посадить их у нас на плантации.

— Ты сумела удивить меня дважды за утро, — восхищённо произносит Мигель. — Скажи, зачем тебе нужен кофе?

— Сейчас в Европе мода на кофе и шоколад. Здесь же, в основном выращивают сахарный тростник, — объясняю ему я.

— Чем тебе сахарный тростник не угодил? — С любопытством спрашивает Мигель.

— Я интересовалась у дона Смита, когда направлялась сюда, что выращивают на плантациях мужа. Он сказал, что только сахарный тростник и у него, теперь уже у тебя, есть два сахароперерабатывающих завода.

Мигель рассеянно кивает, задумавшись о чём-то своём. Создаётся впечатление, что он меня не слушает.

— Я читала, — эта фраза выводит его из задумчивости, и глаза мужа становятся ещё больше. — Да, читала, что в этом удивительного?

Я немного злюсь. Почему его так поразило, что я что-то читала? Меня несказанно это раздражает.

— Обычно девушки твоего круга читают сентиментальные романы, — отвечает удивлённый Мигель. — Насколько я понимаю, это ты вряд ли вычитала в «Острове отрады»

или «Сказках фей»*.

— По-твоему, меня, кроме сентиментальных романов, не может ничего интересовать? — Напрасно обижаюсь я.

В то время очень малый процент женщин интересовался чем-то помимо моды, красоты, любовных походов. Даже сентиментальные романы и то не все читали.

— Я слишком мало знаю тебя, чтобы делать подобные выводы, — уклончиво отвечает Мигель.

— Ты, случайно, не в семье дипломатов вырос? — Решаю я, немного поддеть его за обтекаемость ответа.

— Ну, вообще-то, да, — смеётся Мигель. — Вся моя семья на протяжении веков состояла на дипломатической службе.

Не удивительно, учитывая, что он испанский гранд. Это означает, что родня Мигель принадлежала к высшей знати средневековой Испании. А с шестнадцатого столетия, гранд становится почётным статусом представителей высшего испанского дворянства. В Португалии и Бразилии использовался титул Grandeza. Гранды владеют наиболее важными историческими земельными титулами в Испании и в её колониях.

— В Европу кофе привозят из Турции. А ты мне так и не ответила, что интересного вычитала, что решила разводить кофе в Бразилии? — Удивляется Мигель и есть чему на самом-то деле.

— Смотри, кофе выращивают сейчас в основном в Африке и поставляют по всей Азии и в Европу, — начинаю я увлечённо рассказывать. Уж что, что, а историю кофейного производства я изучала. — Здесь же климат более мягкий и кофе здесь расти будет очень хорошо. К тому же нет естественных вредителей, меньше засушливых дней в году. Кофе вырастет с более мягким вкусом, чем африканский.

— Ты же понимаешь, дорогая, что это огромный риск, — убеждает меня Мигель.

— Кто не рискует, тот не выигрывает, — отмахиваюсь я. — Тебе ли этого не знать.

— Я говорю о том, что европейские святоши налагают запреты на употребление этого напитка, — Мигель приводит веские доводы, но не знает того, что знаю я, — под предлогом того, что кофе оказывает пагубное влияние ислама на души христиан.

— Да, они называют кофе «чёрной кровью турок», — смеюсь я. — Что же это за вера такая, на которую так легко оказать пагубное влияние.

Вдруг я осознаю, что слишком много лишнего болтаю. Я же не знаю, как у Мигеля обстоят дела с верой. Вдруг он ревностный католик.

Наверно у меня слишком испуганный вид, что Мигель считает свои долгом меня успокоить:

— Не переживай, Тори, ты далеко от ревностных католических священников.

Я выдыхаю. На самом деле с религией шутки плохи. А я всё ещё забываюсь, что нахожусь не в просвещённом двадцатом веке, а в семнадцатом. И инквизицию стали отменять только в восемнадцатом веке. Так, что, пожалуй, следует воздерживаться от шуток и бесед на тему религии.

— Мигель, эту страну обогатят сахар и кофе, — убеждаю его я. — Можно, конечно, заняться разведением какао-деревьев, тут ещё легче, так как не нужно вырубать леса под плантации. Лучше всего они растут между деревьев. Но я всё же думаю, что нужно заняться выращиванием кофе.

— Кто будет заниматься? — Немного устало спрашивает Мигель. — Я в разъездах. Свой

бизнес бросать не намерен.

Я улыбаюсь. Ещё как бросишь, когда я скажу тебе, где можно заработать гораздо больше и безопаснее, чем торговля рабами.

Мигель же воспринимает мою улыбку по-своему. Он тянется ко мне, чтобы снова отдать свой супружеский долг.

— Кто бы знал, что я занимаюсь разговорами о делах с женщиной, — Мигель хрипло засмеялся, — вместо того, чтобы заниматься с ней любовью.

Я присоединяюсь к его смеху.

— Я никому не скажу, — обещаю я.

*«Остров отрады» и «Сказки фей» принадлежат перу французской писательницы Мари-Катрин д'Онуа, популярной в конце XVII века

— Дон Мигель, вас спрашивают, — отрывает нас от милых ласк голос рабыни из-за двери.

Мигель издаёт рык, поразительно похожий на медвежий и недовольно сползает с кровати. Натягивая брюки, он срывается на ни в чём не повинной девушке:

— Я же сказал нас не беспокоить, — гневно кричит муж. — Кого там черти принесли?

— Прибыли с корабля, — отвечает рабыня дрожащим от страха голосом, — велели срочно будить.

Мигель напрягается, но продолжает одеваться.

— Иди скажи, что сейчас буду, — уже более спокойно говорит он.

Надевает рубашку, накидывает сверху камзол, поворачивается ко мне лицом, но в глаза не смотрит

— Тори, я забыл, что сегодня прилив, и мы должны выйти в море, — словно извиняясь произносит он.

Я улыбаюсь, а на душе кошки скребут. Вот зачем уезжать так быстро? Неужели нельзя, чтобы корабль отправился в плаванье без него?

Мигель поднимает на меня глаза полные боли от расставания, и у меня сжимается сердце. Не сдержавшись, прошу:

— Мигель, может быть, в этот раз уйдут в плавание без тебя? — Голос дрожит от волнения. Не хочу его удерживать, подрезать крылья. Он привык сам распоряжаться своим временем и жизнью, но так хочется, чтобы у нас был нормальный медовый месяц.

Муж наклоняется ко мне, а я обвиваю его шею руками и целую со всей страстью впервые обожжённой любовью души.

— Тори, не искушай меня, — хриплым голосом говорит Мигель. — Это очень важное плаванье. Я должен присутствовать. Без меня им не справиться.

Что за загадочный человек. Без него не справиться, он же не колдун, вызывающий ветер.

— Попроси дона Смита остаться со мной до твоего приезда, — ловлю его руку, чтобы заставить посмотреть на меня. — Не забудь про кофе, смотри, ты обещал.

— Я оставлю Фернандо управляющим, впрочем, ты его уже знаешь. Захочешь поиграть в плантатора, играй, скажу ему, чтобы не мешал, — даёт последние наставления Мигель.

— Я провожу тебя, — срывается я. — А дона Смита всё же попроси задержаться на фазенде. Мне с ним будет спокойнее.

Мигель направляется к двери и бросает на ходу:

— Не спеши. Уже не успеешь одеться, а я не желаю, чтобы ты показывалась кому-либо на глаза в халате, ну, кроме меня, разумеется.

Разворачивается и в два шага преодолевает расстояние между нами, чтобы впиться в губы чувственным поцелуем. Он словно ставит на мне клеймо на прощание. А может, боится не вернуться? Не дай бог, конечно.

Впервые за всю свою жизнь, я решила ходить в нашу церковь, молится за то, чтобы он вернулся живым.

— Не выходи за мной, не надо провожать, — просит Мигель. — Мне будет сложно сохранить бесстрастность, а я не хочу казаться слабым перед своей командой.

На глаза наворачиваются слёзы. Нет-нет, плакать нельзя. Примета плохая. В народе

говорят, если плачешь, то не дождёшься. А я буду очень ждать.

— Мигель, я тебя буду очень ждать, долго-долго и верно-верно и ночами совсем не спать, лишь бы всё это не зря.

— Тори, я вернусь, клянусь тебе, — он берёт моё лицо в ладони. — Со мной ничего не случится. Даже если тебе скажут, что я погиб, не верь. Мне теперь есть к кому возвращаться.

От его слов мурашки расползлись по телу. Я верю, что он не бросит меня, но на душе тоскливо. Дурные предчувствия одолевают меня. Нельзя думать о плохом, а то беду накликаю.

— Обещаю, что это моё последнее плавание по опасным делам, — нежно целует в губы. — Я вернусь и найду себе занятие на берегу.

— Золото, — шепчу я сквозь слёзы.

— Что золото?

— В районе Ору-Прету бандейранты («охотники за индейцами») открыли большое месторождение золота в горах территории Минас-Жерайс, — говорю я ему, а слёзы катятся из глаз. Не хочу плакать, но так получается. Он осушает слёзы поцелуями.

— Мне надо идти. Я подумаю над твоим предложением, — произносит он. — Жди меня через два месяца.

— О боже, как долго! Я не выдержу так долго.

— Так ты дольше меня ждала, — улыбается он и подмигивает. Его суровое лицо становится мальчишеским и кажется, что всё обойдётся.

Вика, хватит нагнетать, говорит мне внутренний голос. Хороший мужик тебе достался, а ты ведёшь себя, как липучка. Постель ещё не повод для знакомства, так кажется, говорили мои студенты. А ты вцепилась в него мёртвой хваткой, будто мужиков никогда не видела.

Я приказываю внутреннему голосу заткнуться. Такого мужчины, как Мигель, у меня никогда не было. Кажется, он собрал в себе все заявки, которые я посылала во вселенную. У него просто нет недостатков.

— Займись чем-нибудь, и время пролетит незаметно. Прикажи засадить соседние территории какао, — подмигивает он мне. — А я вернусь и привезу тебе кофе. Будешь выращивать его, а пока готовь земли.

— Ты отдаёшь мне растерзание свои плантации, — улыбаюсь я сквозь слёзы.

— Наши плантации, Тори, — целует он меня. — Не усложняй мне отъезд. Я хочу помнить твои светящиеся от радости глаза, а не слёзы.

Поспешно вытираю ладошкой слёзы. Я так и не оделась. Встаю с кровати под солнечные лучи, проникающие в спальню. Соблазнительно выгибаюсь. Раньше такая поза действовала безотказно.

— Запомни меня такой, — посылаю ему соблазнительную улыбку. — И быстрее возвращайся.

Целую его и отталкиваю:

— Уходи, команда уже ждёт тебя. А меня дела плантации.

Мигель быстрым шагом покидает спальню ни разу не обернувшись. На кровати остался его камзол. Хорошая примета, значит, вернётся.

Весь прошлый день, когда уехал Мигель, я провела как в тумане. Ела, спала, спала и ела. Больше сплю, меньше плачу, меньше слёз, легче дорога Мигеля.

Кому скажи, что я, профессор, придерживаюсь каких-то дурацких примет. Но чего не сделаешь, лишь бы дорогой тебе человек вернулся живым.

Один день безделья пагубно влияет на меня. Я уже ничего делать не хочу, но надо.

Собираюсь, одеваюсь в самое лёгкое и недорогое платье, спускаюсь в столовую к завтраку.

— Дона Тори, — приветствует меня дон Смит, — рад вас видеть.

— Надеюсь, вы задержитесь у нас до приезда моего мужа?

Дон Смит отмечает, что я сказала «мой муж» и одобрительно улыбается.

— Да, дон Мигель просил меня об этом перед отъездом, — произносит поверенный, — сказал, что у вас будет для меня работа.

Вот значит, как Мигель удержал Смита на плантации. Что ж я найду ему работёнку. Сегодня же займусь инспектированием земельных угодий, которые выиграл Мигель. Надо же быть в курсе дел.

— А, где Фернандо? — спрашиваю я поверенного, намазывая масло на хлеб.

— Он с нами не столуется, — ставит меня в известность дон Смит. — Не положено управляющему сидеть за одним столом с хозяевами и их гостями.

— Мне он нужен, — сообщаю я, — хочу объехать плантации. Надеюсь, составите мне компанию?

— Зачем вам там я? — Немного недовольно спрашивает дон Смит. — Я уже стар, чтобы трястись в двуколке.

— Да, вы лентяй, дон Смит, — смеюсь я. — Если вдруг я обнаружу земли, которые мне нужны, то как вы зафиксируете право владения ими, если даже не видели, где они расположены?

— Как-нибудь справлюсь, уж поверьте мне, — улыбается дон Смит.

Пусть остаётся дома, лишь бы не уезжал. Фернандо входит в столовую в тот момент, когда дон Смит говорит последнюю фразу и, не разобравшись в ситуации, хмурится, сдвинув кустистые брови.

— Звали? — Недовольным басом произносит он.

— Да, я не стала бы отвлекать вас по пустякам, — щебечу я, чтобы вызвать его симпатию. Не люблю работать с людьми, которые косо на меня смотрят. Испытываю дискомфорт по этому поводу. — Мне бы хотелось посветить ближайшие дни знакомству с хозяйством.

Фернандо угрюмо смотрит на меня и молчит. Такое ощущение, что я говорю в пустоту. Зараза какая, неужели хочет вывести меня из себя.

Ну, ну, попытайся. Меня могут вывести на эмоции только люди, которые много значат для меня. Для остальных это спектакль одного актёра для получения нужного эффекта.

— Прикажите заложить двуколку и после завтрака выезжаем, — ставлю я в известность о своих планах управляющего. Я не собираюсь ждать от него одобрения или, не приведи господь, разрешения.

— На фазенде нет двуколки, — басит Фернандо, — могу распорядиться о паланкине.

Эта новость выбивает меня из колеи. Не была я готова ездить в таком виде транспорта. Я думала, что лёгкое и быстрое двухколёсное сооружение, которое называли двуколкой, появившееся в Париже в конце семнадцатого века, добралось и до Бразилии.

Но нет, здесь предпочитают использовать человеческую, а не животную силу для коротких путешествий. Паланкин, и его с элегантным комфортом за стеклянными окнами с появлением двуколок выходит из моды в Европе, но только не в Бразилии, где дешёвая рабочая сила в виде рабов заменяет лошадей.

— Запрягите тогда карету, на которой мы прибыли сюда, — я лихорадочно ищу способ, чтобы не ехать в паланкине.

— Это наёмный экипаж, донна, — непоколебим в своей неприязни Фернандо. — Он уехал, как только разгрузили багаж.

Я про себя чертыхаюсь. Вот как так относительно дешёвая, запряжённая одной лошастью, пусть и пугающе легко опрокидывающаяся двуколка, служит, на мой взгляд, оптимальным решением хозяйственных выездов на плантации. К тому же она делает поездку приятным занятием.

— Тогда оседлайте мне спокойную кобылу, — отдаю я распоряжение управляющему, — найдётся такая? Чтобы называли её Одуванчик, Лентяйка и тому подобными милыми прозвищами.

Фернандо хмыкает. Мне даже кажется, что одобрительно, и выходит. Да, и обязательно нужно купить двуколку, ставлю себе зарубку в памяти.

Не торопясь, я завтракаю, беседую с доном Смитом и когда Фернандо заходит за мной, мы отправляемся в путь.

Как не странное новомодное дамское седло, со второй верхней лукой было изобретено во Франции, примерно в тысячу пятьсот восьмидесятом году, во времена правления Екатерины Медичи.

Она была страстной поклонницей охоты и верховой езды. Поэтому для неё сделали седло, в котором дама могла перекинуть свою правую ногу через одну из верхних луков, а вторая поддерживала эту же ногу справа, что сделало дамскую езду более безопасной.

Мне ужасно сложно ехать в таком седле. Слава богу, что лошадь по имени Орхидея еле плелась. Фернандо надолго оставляет меня одну, вырываясь вперёд. Чем вызывает у меня искреннюю благодарность. Я могу спокойно осматривать окружающий ландшафт. Пока ещё мы не подъехали ни к одной плантации сахарного тростника.

Почему вдруг меня понесла лошадь, я так и не узнала. Крепко вцепившись в луку седла побелевшими от напряжения пальцами, я несусь во весь опор туда, куда глядят глаза моей смиренной лошадки.

Когда она наконец-то успокаивается и останавливается у берега маленькой речушки, я с облегчением сползаю с седла и устраиваюсь у ног лошади, не отпуская поводья.

Привязать я её не могу, ноги дрожат от напряжения и совсем меня не держат. Но и Орхидее нравится это место. Она спокойно пьёт воду. Я тоже ползу к водопою. От страха во рту сухо и противно.

Наклоняюсь к воде и ошеломлённо замираю от увиденного.

Не верю своим глазам. Камешки слегка розоватые, абсолютно не примечательные. Да, Виктория Павловна, гордись, сбылась ещё одна тайная мечта. Я нашла алмаз.

Собираю несколько самых крупных камней. В капитанстве Баия, алмазы должны быть розовые и открыть их тоже должны были в восемнадцатом веке. Розовые алмазы годны только для промышленного производства. Самые дорогие — это прозрачные, так называемой «чистой воды» и немного голубоватые. Остальные не ценятся столь высоко.

Видимо, прав был Егорушкин, что я не знаю, как было на самом деле, либо что совсем невероятно, попала совсем в другую Бразилию.

Надо узнать у дона Смита, моего источника информации, может, ещё и золото не открыли. Тогда есть надежда стать первыми и фантастически богатыми людьми.

Алмазы соберём и будем понемногу продавать, на них точно не стоит делать ставку.

Так, Вика, вспоминай, всё, что ты знаешь об алмазах. Пока меня найдут, уже придумаю бизнес-план.

Итак, Бразилия — одна из самых богатых стран на драгоценные и полудрагоценные камни. Сначала она разочаровала своих захватчиков, не открывая тайн, скрытых в толще земли.

Если мне не изменяет память, то первые алмазы обнаружили во время поисков золота. Кажется, в где-то тысяча семьсот двадцать пятом. В штате Минас-Жерайс, близ нынешнего города Диа-мантина, на берегах реки Рио Жекитиньонья.

Самое интересное, что даже сейчас в семнадцатом веке алмазы ценятся ниже рубинов или изумрудов. А в Средние века о них вообще не знали. Расцвет эры алмазов приходится как раз таки на изобретение ювелирами огранки бриллиант, из-за которой алмаз заиграл другими гранями, максимально подчёркивая их достоинства.

Я лежала на земле, держа в руках несколько крупных алмазов. Когда мы плыли в Бразилию, то дон Смит ничего не сказал о первой бразильской алмазной лихорадке, которая началась в тысячу семьсот четырнадцатом году. По моим источникам, конечно.

Если исходить из того, что я знаю, то сливки с алмазных рудников можно снимать до середины восемнадцатого века. То есть до тех пор, пока государство не станет монополистом.

Конечно, сейчас самое время закладывать основу для прибыльного производства, чтобы мы могли передать цветущую империю детям.

Стоп, Викуся, что-то ты размечталась. Уже и империю построила и детям, и внукам обеспечила безбедную жизнь.

Поднимаюсь и в волнении прохаживаюсь вдоль берега реки. Открытие настолько будоражащее моё воображение, что не смотрю даже на дрожание ног. Просто не могу сидеть на месте, мне нужно действовать.

Единственное, что я сейчас могу, это расписать в уме план действий, чтобы мозг не взорвался от возбуждения.

Лошадь послушно ходит за мной, я так и не выпустила поводья из рук. Привязываю за ветку первого подходящего дерева.

Лезу снова в воду, хочу найти большой алмаз. Те, что, я уже отыскала, слишком малы.

Ищу, а сама строю план действий.

Во-первых, до приезда Мигеля ни одна живая душа не должна узнать о моей находке.

Желательно не привлекая внимания купить этот участок и исследовать течение и русло реки, может где-то ещё есть залежи.

Узнать у дона Смита об алмазной лихорадке и строить свои планы исходя из этого.

Начать писать дневник для потомков, где описать самые сложные времена в мире и в Бразилии, дать советы, как им поступать. Вот это, на мой взгляд, самая лучшая идея.

Нахожу несколько крупных камней. Остаётся вопрос, как их спрятать так, чтобы никто не заметил?

Карманов на платье нет. Седельной сумки тоже.

Я решительно задираю верхние юбки и завязываю камни, равномерно их распределив, по четырём сторонам нижней рубашки. Уже не так подозрительно. Да и камней я беру немного.

А то, как пели в знаменитом советском мультфильме: «жадность, хуже, чем холера, жадность губит флибустьера».

Справившись с навалившимся на меня грузом алмазной лихорадки, я начинаю исследовать растительность вокруг. Ищу те растения, которые могут пригодиться для разведения и для лечения.

В глубине души надеюсь, что найду хотя бы маленькое деревце кофе. Загадываю — если найду кофе, то Мигель вернётся и все мои планы осуществятся.

С усиленным рвением начинаю разведку, когда слышу зовущие голоса:

— Хозяйка, донна Тори, — узнаю я голос Фернандо и ещё незнакомые голоса мужчин.

Возможно, что это рабы с плантаций сахарного тростника, которых управляющий привлёк к моим поискам.

Если так быстро меня нашли, значит, участок может быть даже и на нашей территории.

Кричу в ответ и, почему-то прыгаю, размахивая руками, как на необитаемом острове. Глупо, но что не сделаешь, чтобы тебя нашли.

— Дона Тори, — слышу я взволнованный голос Фернандо, — как же так? Кобылка-то смирная.

Мне становится так радостно, что он начал так быстро меня искать, что не хочется даже иронизировать насчёт характера животных.

— Не знаю, Фернандо, что случилось. Просто Орхидея ни с того, ни с сего понесла. Я еле-еле удержалась в седле.

— Вы молодец, храбрая женщина, — в его голосе слышится такое явное облегчение, что даже неудобно становится, что я создала столько неудобств.

Фернандо, убедившись, что у меня руки-ноги целы и голова снова не пострадала, отпускает рабов. А сам причитая, как старый день осматривает лошадь.

— Не удивительно, хозяйка, что Орхидея понесла, — взволнованно говорит он, — вот посмотрите вот сюда. Видите? Ранка. Похоже, что от стрелки сарбакана.

— От чего? — Удивлённо спрашиваю я.

— Сарбакан, обычная трубка индейцев для стрельбы стрелками с помощью выдуваемого через трубку воздуха, — объясняет управляющий, — Длиной она где-то полтора — три метра.

— Я не видела никаких индейцев, да и зачем я им нужна.

Фернандо многозначительно хмыкает, а я закатываю глаза, переводя взгляд от крупы лошади вверх, и натываюсь на то, что заставляет кровь бежать быстрее.

Глазам не верю. Я привязала лошадь к кофейному дереву и не заметила этого, так была увлечена находкой алмазов.

Мне обязательно нужно исследовать этот участок, вдруг это дерево не одно. Ещё раз убеждаюсь, что прав был Егорушкин, когда говорил, что я ничего не знаю о Бразилии. Пожалуйста, прошу Мигеля привезти мне кофе, а он уже здесь растёт.

Неужели им уже и торгуют? Ещё один пунктик спросить дона Смита. Может быть, лучше расспросить его вообще о том, чем торгует Бразилия с Европой.

Что-то мне кажется, что наша информация может не совпадать.

— Хозяйка, — дотрагивается до плеча Фернандо, и я вздрагиваю от неожиданности.

— Ты меня напугал.

— Прошу прощения, — вежливо говорит управляющий, — Хозяйка, я спрашиваю у вас, помните ли вы в каком месте понесла лошадь?

Помню ли я, где понесла Орхидея? Наверно помню.

— Не уверена, что скажу, но должна узнать это место, — отвечаю я.

Фернандо подходит так близко, что мне становится неудобно. Я отступаю на шаг.

— Хозяйка, прошу вас, — шепчет управляющий, — не говорите дону Мигелю, что я оставил вас одну на дороге.

Я ожидала от него всего чего угодно, но только не этой просьбы. Такой надменный тип и вдруг униженно просит не рассказывать хозяину о его промашке.

— Дон Мигель мне шею свернёт, — проникновенно говорит он, — поверьте, он крут на расправу. Я понимаю, что это моя ошибка. Но, клянусь вам, я не думал, что здесь может угрожать опасность.

Он не думал, так я тоже не думала, что лошадь понесёт.

— Не бойтесь, я не скажу мужу, что вы мне подобрали неподходящую лошадь, — успокаиваю его я.

— Вы не понимаете, дона Тори, дело не в лошади, а в том, что ей причинили боль и она понесла, — волнуясь говорит Фернандо, — если бы кобыла была с норомом, то вы могли погибнуть.

Да я и так могла погибнуть. Абсолютно не умею ездить верхом.

— Вот вам веская причина, Фернандо приобрести двуколку, — не преминула я вставить свою просьбу. — И как можно скорее.

— Нет уж, хозяйка, если собираетесь выезжать и дальше, то только в паланкине, — упрямо твердит своё управляющий. — Подберу вам надёжных рабов, которые и охраной в случае чего выступят.

— Нет, рабы меня носить не будут, — жёстко заявляю я.

— Лошади ненадёжны, — продолжает убеждать меня Фернандо, — посмотрите сами. Один укол и она уже несёт, не разбирая дороги. Какая гарантия, что и в двуколке она взбесится от боли.

Резон в его словах есть. Но только я не могу преодолеть в себе неприязнь к рабству. Тем более, к такому его проявлению.

— Двуколки ненадёжны, — продолжает Фернандо, — часто переворачиваются. Я не хочу, чтобы вы сломали себе шею.

— Хорошо, — вынужденно соглашаюсь я, — Твоя взяла. Но с одним условием.

Сейчас управляющий готов пообещать мне почти всё, и я воспользуюсь предоставленным шансом.

— Скажи мне, много ли таких деревьев ты видел? — Спрашиваю я, показывая на кофейное дерево.

Несмотря на то что я нашла алмазы и ещё можно постараться поискать другие драгоценные камни, идею о кофейной плантации я не оставляю.

В наше время Бразилия — основной поставщик двадцати процентов арабики и восьмидесяти процентов робусты на мировой рынок.

Малый процент выращивания арабики при её более высокой цене, если мне не изменяет память, а при ударе головой всё может быть, заключается в том, что этот сорт более капризен. Но зато его вкус более глубок и можно «играть» обжарками или помолом, добиваясь разных оттенков конечного напитка.

Робуста отвечает скорее за крепость напитка, чем за вкус. При разведении этот вид неприхотлив и стоит меньше, чем арабика.

Считается, что кофейные деревья надо выращивать на горных склонах. А здесь, как, впрочем, и по всей Бразилии только небольшие возвышенности.

Вот мне и интересно, сколько деревьев здесь.

— Немало вроде бы, — отвечает Фернандо. — А почему вас это так интересует?

— Мне нужно, чтобы ты подобрал мне десяток рабов посообразительнее, — не отвечаю на его вопрос я, а наоборот задаю фронт работы. — Можно даже детей от семи лет.

— Когда они вам нужны? — Интересуется управляющий. — Я ещё плохо знаю работников, поэтому нужно время.

У меня же всё зудит, как хочется организовать работу. Я придумала сорвать несколько веток кофе и показать их детворе, разослав по всей плантации.

Пускай ищут деревья. Я организую сбор урожая, сейчас как раз подходящее время.

Затем я начну выращивать саженцы кофейных деревьев, в то же время собирая урожай с тех деревьев, которые уже есть на фазенде.

Кофе выращенное на равнинах отличается более мягким вкусом. Это, и будет нашей изюминкой. Наш кофе не сравнится с азиатским, в нём нет яркой кислоты. Он будет вполне конкурентоспособным.

Бразилия обладает тремя ключевыми отличиями от других стран, которые производят кофе. С одной стороны, это объясняет распространённость бразильского кофе в мире, а с другой — накладывает серьёзные ограничения на производство спешелти кофе.

— Нам с вами надо бы объехать те земли, которые не принадлежат моему мужу, — взволнованно сообщаю я Фернандо, — и как можно скорее.

Мне не терпится посмотреть, на какой урожай я могу рассчитывать. Дело нельзя откладывать в долгий ящик. Сейчас июнь, а кофе нужно собирать в солнечное время года. Уборка урожая с середины весны до начала октября. Поэтому зёрна и деревья на плантациях не гниют.

— Нужно подготовить сушильни, — распоряжаюсь я. — Во дворе необходимо сколотить столы. Отдайте необходимые распоряжения плотникам. Я вам покажу, что мне нужно.

Я хочу, чтобы к сбору урожая у меня было всё готово. После сбора и первой очистки часть кофе сушат на открытом воздухе в течение двух недель. Их постоянно перемешивают,

чтобы зёрна румянились равномерно.

Первая очистка должна быть фильтрованной водой, сложный и дорогой метод очистки, поэтому такой кофе ценится ещё выше. Вряд ли, конечно, в семнадцатом веке понимают разницу, но всё же я хочу попробовать сделать именно такую очистку. Нужно подумать, чем заменить фильтрованную воду.

Родниковой, колодезной или отстоянной водой? Я не сильна в этом, но можно поэкспериментировать на небольших партиях кофе.

— А ещё мне нужны рабы для сбора урожая, — наконец-то довожу я до Фернандо свою мысль. — Только это не на сахарный тростник. Подойдут женщины и подростки. Несколько мужчин, чтобы таскать полные мешки.

Думаю, что мне нужно будет разделить работы. Одни собирают урожай, другие раскладывают его для сушки. Затем нужна обработка после сушки, хотя после солнечной сушки внешняя оболочка легко отстаёт от зерна, и процесс проходит без повреждений продукта, я предпочитаю посадить за эту работу женщин.

— Да и нужно заготовить холщовые мешки для хранения и транспортировки урожая.

Я так увлечена и возбуждена, теми перспективами, которые открываются, что у меня покалывают ладошки и сильно-сильно колотится сердце. Наконец-то я сама смогу сделать то, о чём всегда мечтала: стать у истоков кофейного бизнеса страны.

Фернандо чурбан этакий, не разделяет моего энтузиазма, думает бог знает о чём:

— Сначала давайте выясним, где в вашу лошадь стреляли, а главное, кто?

Я вынуждена согласиться с тем, что пора разобраться, почему Лютик, тьфу, Орхидея решила меня угробить. В заговор между ней и неведомым убийцей я не верю, так что придётся плестись обратно и искать это место.

А я бы хотела заняться поиском кофейных деревьев. Все мои мысли там.

— Дона Тори, вы следите за дорогой? — Выводит меня из задумчивости Фернандо.

— Да, конечно, — нагло лгу я и оглядываюсь по сторонам, — кажется чуть — чуть дальше это место. Да, точно. Вон там у большого дерева.

Фернандо опять летит вперёд, а я, спешившись, плетусь сзади. Разочарованно присаживаюсь в траву возле дороги.

Управляющий слишком уж профессионально взялся за дело. Уж не детектив ли он? Да, нет, бред какой-то.

— Хозяйка, можете подойти? — Слышу я его голос из зарослей.

Как же не хочется лезть туда. Вот зачем я ему понадобилась? Нельзя обойтись без меня?

Поднимаю свою усталую тушку и тащу её в заросли. Заросли чего? Я не сильна в ботанике. Знаю только полезные растения, а вот дикие даже не запоминала. Я даже кофе не с первого раза опознала.

Фернандо сидит на корточках и что-то разглядывает.

— Посмотрите, хозяйка, — показывает он. — Нас ждали.

— Откуда вы знаете? — Спрашиваю я.

— Так, я же вам показываю, что трава вокруг помята, словно лежали здесь несколько часов, не больше.

— Так больше и не получается, — включаюсь я в расследование. — Я решила, что поеду на плантации только этим утром, и сказала дону Смигу.

— Понятно, — говорит управляющий таким тоном, будто именно этого он и ждал.

— Ничего не понятно, — горячусь я. — Не смей подозревать дону Смита. Он... Он...

Фернандо смотрит на меня с интересом, а я под его взглядом теряюсь и сдуваюсь, как шарик.

— Просто он не мог и всё, — тихо добавляю я.

— Аргументируемый ответ, — улыбается управляющий. — Много объясняет.

У меня чешутся руки треснуть его изо всех сил чем-нибудь тяжёлым.

— Мигель считает дону Смита исключительно порядочным человеком, и я с ним согласна.

— Считать можно что угодно, — философски пожимает плечами Фернандо. — Вот только ощущения к делу не пришьёшь.

— А вы что же, детектив? — Спрашиваю я напрямую, чтобы не оставалось недоговорённостей.

— Кто такой детектив? — Удивлённо спрашивает Фернандо.

— Человек, который расследует преступления, — расшифровываю я, тоже удивлённая тем, что он не знает этого слова.

Я не очень хорошо помню историю следственного дела в мире. Но как-то присутствовала на лекции в Высшей школе МВД. Меня туда пригласил мой любовник, хотел произвести на меня впечатление не только в постели. Ему это удалось.

Он читал развитие следственных органов в России и затрагивал немного другие страны. Так вот, оказывается, что в Средневековье не было никаких сыщиков и полиции. Не пойман не вор, пословица именно оттуда. Были судьи, а вот розыска не было. Поймали с поличным — судили. Нет, значит, повезло.

Жители Испании в Средние века, кажется, с двенадцатого века, создавали отряды самообороны «братства» для защиты торговцев — эрмандады. Уже в пятнадцатом веке король Фердинанд II и королева Изабелла I объединили разрозненные братства в общую Святую Эрмандаду — по сути, первую в мире национальную гвардию, которая управлялась чиновником, назначаемым из столицы, и содержалась за счёт специального налога.

— А сыщик? Да, я был сыщиком, до встречи с Мигелем, но если он захочет, то сам расскажет обстоятельства нашей встречи, — говорит управляющий.

А вот сыщик, это сугубо русское слово. Как рассказывал мой приятель, на Руси в шестнадцатом веке был создан разбойный приказ, как раз для борьбы с бандами. Позже его переименовали в сыскной. Удивительно, что центральный приказ насчитывал всего пять человек. А на местах бандитов ловили наделённые чрезвычайными полномочиями губные (от слова «губить») старосты. С семнадцатого века губных старост стали называть сыщиками.

Получается, что Фернандо мог быть из России? Спросить его напрямик я не могла, но решила наблюдать за ним, вдруг что-то замечу.

— Вернёмся к нашим душегубам, — говорит Фернандо. — Видите, дона Тори, несколько оброненных стрелок сарбакана. Видимо, спешили, нервничали, поэтому и не стали подбирать.

Я наклоняюсь и в траве действительно лежат на разном расстоянии несколько деревянных остро заточенных маленьких стрел.

— Получается, что нападавших было несколько? Смотри, Фернандо, стрелки разбросаны не рядом, а на отдалении друг от друга, — делюсь с ним я своими наблюдениями.

— Всё, верно, дона Тори, — хвалит меня управляющий, — вы очень наблюдательны. Не скрою, мне приятна похвала Фернандо. Тем более что мы с ним в одной лодке.

— И ещё много кто знал, что мы с тобой собираемся уехать, — говорю я. — Служанки на кухне, конюхи, да даже случайно проходящий раб.

— Да, время на засаду было, особенно если понимаешь, как будешь убивать жертву, — поддержал меня Фернандо. — Не согласен только в одном, случайно проходящих рабов не может быть. У каждого своя работа в доме, на плантации. Поэтому тех, кто работает вне дома, можно смело исключить.

— Кто же так хорошо знает плантацию, что мог устроить засаду?

— Это гораздо проще, чем кажется, — отвечает Фернандо, — Дорога из усадьбы всегда одна, поэтому и место для засады выбирать не приходится. В любом случае мы бы проехали это место.

— Тогда нужно искать людей, которые хорошо знают рабов на фазенде, — задумчиво произношу я.

— В самую суть смотрите, хозяйка. Таких людей немного. Ваш несостоявшийся муж, которого я выставил из усадьбы ещё в день свадьбы и дон Смит, на правах старого друга, — говорит Фернандо, прямо смотря мне в глаза.

Такая простая истина выбивает меня из колеи. Я не готова к тому, что дон Смит

помогает Верейро. Просто в голове не укладывается. В памяти всплывает ночной разговор, подслушанный в ту ночь, когда, по словам управляющего, Педро не должно было быть на fazende. Остаётся решить, нужно ли рассказывать о нём Фернандо?

— Давайте-ка отправляться в усадьбу, — недовольный моим молчанием бурчит Фернандо.

А, что я могу ему сказать? Прямо указать на того, кто хотел моей смерти? Просто смешно. Мне-то откуда это знать?

Управляющий не производит впечатление тупого служаки. На и Мигель бы не оставил человека, который не умеет принимать самостоятельных решений.

— Фернандо, я не сильна в расследованиях, поэтому позвольте заняться тем, что меня действительно волнует, — говорю я ему, вскарабкиваясь на лошадь.

— Вас должна волновать собственная жизнь, хозяйка, — наставительно произносит управляющий.

— Меня и волнует, — честно признаюсь я. — Вот только немного другая сторона жизни. Трудовая.

Он вопросительно изгибает бровь с таким выражением лица, будто я сказала непристойность.

— Посуди сам, — я мерно покачиваюсь в такт шага лошади. Фернандо сжимает мои поводья, мне же остаётся только крепко держаться за луку седла. — Меня здесь никто не знает. Приехала издалека и сразу же вышла замуж за Мигеля. Вот при всех этих обстоятельствах ты до сих пор думаешь, что убить хотели меня?

— Представьте себе да, я так думаю. Хотя бы из мести Мигелю. Поверьте, уж у него врагов хватает.

— Не сомневаюсь, — бормочу я. — Дожить до его возраста, да ещё при такой профессии, и не иметь врагов, просто неприлично.

Управляющий хмыкает, но не комментирует моё высказывание.

— Тебе Мигель говорил, что я буду заниматься сельским хозяйством? — Спрашиваю его я.

Он кивает в ответ, а я сильнее сжимаю луку седла.

— Так вот, мне нужны люди для работы, я уже говорила об этом, — напираю я. Я подозреваю, что Фернандо счёл распоряжение Мигеля моей блажью.

— Мне нужно провести расследование, — спокойно говорит управляющий.

— Проводи, я мешать не буду, — поворачиваюсь, чтобы посмотреть на него, — Ты займёшься своей работой, а я своей.

Фернандо стискивает зубы и нервно дёргает поводья лошади.

— Дон Мигель поручил мне глаз с вас не сводить, — сквозь зубы цедит он. — А вы пытаетесь усложнить мне жизнь.

От такой наглости у меня аж дыхание перехватывает. Я открываю и закрываю рот, как выброшенная на песок рыба.

— Давай не будем перекладывать с больной головы на здоровую, — не остаюсь я в долгу. — В этом происшествии моей вины нет, и я не собираюсь подстраивать свою жизнь под расследование.

Мой голос дрожит от возмущения и даже единственное перо шляпки стало дыбом.

— Но, хозяйка, — пытается мне возразить Фернандо.

— Никаких «но», — останавливаю его я. — У меня много планов, нуждающихся в

немедленном воплощении. В конце концов, я сама могу пройтись по баракам рабов и выбрать нужных мне.

Пришёл черёд управляющему задыхаться от озвученных планов.

— Это невозможно, — наконец-то голос к нему возвращается голос. — Вы никуда не пойдёте без меня. Дон Мигель велел...

— Не спускать с меня глаз, — заканчиваю я за него фразу. И тут мне захотелось пошалить. — А как же ночью? Ночью ты тоже будешь заменять дона Мигеля?

Фернандо шарахается от меня, как от прокажённой. Вот только не учёл, что поводья моей лошади лежат в его руке. Так, что куда он, туда и я.

Что за человек такой? Мешает мне спокойно оценить сколько кофейных деревьев на плантации, послать людей собрать их плоды и подготовиться к посадке рассады.

А, что, если поискать маленькие кофейные деревья, пригодные для пересадки? Можно же будет уже в этом году засадить первую плантацию и пусть урожай появится не скоро, зато какое важное дело я сделаю.

Фернандо же вставляет мне палки в колёса. От возмущения я бью по луке седла кулаком.

— Хозяйка слишком вольно мыслит, — осуждающе произносит управляющий. — Не подобает жене дона Мигеля вести себя столь развязно.

У меня срывает предохранитель, и я уже не отдаю отчёта что несу.

— Послушайте милейший, не вам меня учить манерам, — ледяным тоном произношу я. Даже лука седла покрывается изморозью от столь холодного тона. Я выпрямлюсь в седле и с высока смотрю на Фернандо.

И это даже не Виви, она-то как раз забилась под лавку и не высовывается. Это я, Виктория Павловна, распекаю незадачливого студента.

— Вы выполняете свою работу, а я буду делать то, что пожелаю, — продолжаю я его распекать, — Извольте обеспечить мою безопасность, в тех объёмах в которых поручил это сделать мой муж.

Фернандо с неприязнью смотрит на меня. От его взгляда меня немного отпускает и голос мой теплеет:

— В конце концов я могу передвигаться по усадьбе в компании дона Смита. Надеюсь, что это хоть как-то снизит вашу нагрузку, Фернандо.

— Ни за что, — чеканит он. — Дон Смит первый подозреваемый. Я не могу позволить, чтобы вы были рядом с ним.

Вдалеке показывается наша усадьба. Нужно всё решить до того, как мы въедем во двор.

— Фернандо, поверьте я не хочу ронять ваш авторитет среди рабов, но и свой принижать не позволю, — спокойно произношу я. — Давайте всё-таки решим, как нам поступать до того, как мы доедем.

Он молчит, поглаживая подбородок большим и указательным пальцем.

— Давайте, я проведу расследование, — продолжает гнуть своё управляющий, — а потом вы займётесь своей деятельностью.

Волна негодования затопила меня с вместе с кокетливо сидящей на голове шляпкой. Только бы не сорваться. Медленно считаю до десяти и обратно.

— Нет, так дело не пойдёт, — жёстко произношу я. — Я не вышивкой собралась заниматься. В огородных делах каждый день дорог. Ищи выход, управляющий или я, клянусь тебе, пойду сама по баракам рабов.

Фернандо молчит. Обиделся или думает? Я тоже хороша, ставлю ультиматумы. Понимать надо, в какую эпоху попала. Я хоть и хозяйка, но женщина и управляющего физически ломает подчиняться мне.

Не хочу наживать в его лице врага, поэтому первая выбрасываю белый флаг:

— Может быть, давай, вместе пройдемся по баракам рабов? — Предлагаю я, делая шаг к примирению. — Будет вполне нормальный предлог, почему ты решил с ними поговорить. А попутно узнаем, может быть, кто-то из них что-то видел.

Фернандо так тяжело вздыхает, словно разгружает вагон цемента.

— Хозяйка, рабы с плантациями ещё не скоро вернутся в бараки, — терпеливо, словно маленькому ребёнку, говорит он. — Солнце ещё высоко. Они будут работать до заката.

От жалости сердце сжимается, а в груди появляется тянущая боль. Нужно же как облегчить им жизнь. Хотя бы здесь, на отдельно взятой плантации.

Бедные негры, как ещё далеко им до афроамериканцев, да и в Бразилии нет такого.

Я когда изучала рабство, то читала не только про Бразилию и наткнулась на прелюбопытнейший факт. Оказывается, что после отмены рабства в США, чтобы в стране не оставались негры, их вывозили обратно в Африку. Для того чтобы бывшие рабы охотнее покидали уже ставшую им родной страну, было организовано движение «Назад в Африку». Для проживания бывшим рабам Франция и Великобритания выделили территорию на западном побережье. Страну назвали Либерия, что значит свободная.

Но к величайшему разочарованию США, так много вложивших в этот проект из всех освобождённых рабов на родину предпочло вернуться всего десять тысяч человек.

Вот в этой самой свободной стране бывшие рабы стали аристократами и рабовладельцами. Правильно говорят, что нет более жестоких господ, чем те, кто был когда-то сам в кандалах.

— Может быть, тогда, — нужно же что-то придумать. Я не намерена откладывать на потом свои планы. — Давай познакомимся с домашними рабами, детьми и подростками, беременными. Есть же кто-то в усадьбе?

Управляющему вообще не нравится моя идея насчёт знакомства с рабами. Он дитя своего времени. А я об этом самом времени частенько забываю, увлечённая своими идеями.

— Хозяйка, сами подумайте, кто будет в разгар рабочего дня слоняться без дела, — обиженно говорит Фернандо. — У нас хорошие надсмотрщики.

Я вздыхаю.

— Сейчас в бараках остались только больные, — «добивает» меня управляющий.

Ума не приложу, что же делать? Мне не подойдут домашние слуги. Да и возненавидят меня рабы, если я отправлю их из дома на огороды.

— Фернандо, надо что-то придумать, — прошу его я. — Мне для начала нужны мальчишки и девчонки, чтобы могли бегать по всей территории и помечать нужные мне деревья. Как это можно устроить?

Мы мерно трусим к воротам, кажется, без камня за пазухой.

— Хозяйка, было бы гораздо проще, если бы вы рассказали мне свою задумку, — вроде бы разумно говорит управляющий.

Но я почему-то опасаюсь рассказывать ему о своих планах. Надо подумать, как так

рассказать, чтобы не зародить в его голове ненужных мыслей.

Проверить, что ли теорию, что запоминается в разговоре последняя фраза? Боязно. Не хочу, чтобы мои задумки раньше времени узнали конкуренты.

— Не знаю, с чего начать, — растекаюсь мыслями по паркету я.

— Вы мне не доверяете? — Напрямую спрашивает Фернандо.

— Да, не доверяю, — признаюсь я. — Я никому не доверяю, кроме Мигеля. Он меня спас. А вы... А вас я просто не знаю.

Физиономию управляющего перекашивает от обиды. Но я, в конце концов, не должна утирать здоровому, дееспособному мужику соплю.

Мне нужны рабы для кофейной плантации. Точно! Мне нужны. Мигель же сказал, что я могу покупать всё, что захочу. Вряд ли он имел в виду рабов, но всё же.

— Фернандо, — примирительно произношу я. Надоело уже постоянно идти на уступки. Устала, если честно, а я только недавно в этом мире. Что будет дальше, страшно представить. — Мне Мигель разрешил покупать, что захочу. Вы знаете об этом?

Он кивает, ещё не догадываясь, куда я клоню.

— Можно будет съездить в ближайший город за покупками, — отвечает он, не горя энтузиазмом.

Мало того что я заставляю его таскаться за мной во время шоппинга, что не делает счастливым ни одного мужчину. Так, я ещё и отвлекаю, в очередной раз его от расследования.

— А когда мы сможем поехать? — Пристаю я к бедному мужику с расспросами.

— Дона Тори, — стонет он от невыносимых душевных страданий, — помилуйте, договорились же вроде, что вы затаитесь до тех пор, пока не найдём того, кто покушался на вас.

Как же он меня бесит сейчас. А ещё больше раздражает, что я где-то в глубине души, где-то очень глубоко, понимаю, что есть доля здравого смысла в его словах.

— Судя по вашей логике, — сдерживая себя, стараюсь спокойно произнести я. — Я должна запереться в своей комнате и никуда носа не высовывать.

Только сейчас заметила, что я скачу в определениях. Называю Фернандо, то на «вы», то на «ты». Я, конечно, понимаю, что в переводе на португальский этого неслышно. Это мой русский перевод в голове, но мне, оказывается, так легче воспринимать свалившуюся на меня реальность.

Я ещё не дошла до того, чтобы думать на португальском. Я только говорю и каждый раз перевожу себе на русский.

— Фернандо, поправьте меня, если я ошибаюсь, — ледяным тоном произношу я. — Вы лишаете меня возможности заниматься хозяйством, делать покупки, прогуливаться.

Управляющий обтирает лицо платком. Вид у него усталый. Как же я ему надоела, хуже горькой редьки. Но деваться-то некуда, он приставлен ко мне в качестве персональной няньки. И для него гнев Мигеля намного хуже моего вечного нытья.

— Не совсем правильно, — устало произносит Фернандо. — Я обязан сохранить вас живой и здоровой до приезда Мигеля. А вы усложняете мне эту задачу. Даже сейчас, когда я всё объяснил вас, прости господи, опять куда-то несёт.

— Не куда-то, — объясняю я, — мы поедем покупать рабов лично для меня, раз уж так получается, что на плантации нет свободных.

У Фернандо в прямом смысле упала челюсть.

— Большой глупости я не слышал, — ошеломлённо говорит он. — Ваш муж торгует рабами, а вам приспичило их покупать?

Что сказать на эту вопиющую дерзость управляющего? Да, мне приспичило покупать рабов только потому, что это последний осенний месяц. И мне надо успеть пересадить деревья на одну из плантаций.

Времена года в Бразилии отличаются от европейских. К примеру, календарная осень наступает двадцать второго марта и длится по двадцать первое июня, за ней идёт зима с двадцать второго июня по двадцать первое сентября, затем весна с двадцать второго сентября по двадцать первое декабря и наконец лето с двадцать второго декабря по двадцать первое марта.

С мая по август в стране идут дожди. В той местности, где расположена наша плантация, осадков выпадает меньше, и этим нужно пользоваться. Если удастся осуществить свои намерения, то мне очень повезёт. Работы много, времени почти не остаётся.

Так, мне надо успеть найти не только молодые деревца кофе, а ещё и подходящее место для плантации. Я же всё это объясняла Фернандо.

— Я же тебе объясняла, что время дорого, — я стараюсь скрыть раздражение. — В сельскохозяйственных работах день год кормит.

— Вот именно поэтому я и не могу отдать вам рабов, — снова завёл свою шарманку управляющий.

Сахарный тростник убирают у нас на плантациях с апреля по ноябрь. Я со своими новшествами попадаю в самый разгар уборки и отчасти понимаю Фернандо.

Сахарный тростник — стабильный источник дохода. Кофе для него «тёмная лошадка», но и я не намерена отступать от своих планов.

— Послушай Фернандо, — терпеливо объясню я, когда мы въезжаем во двор усадьбы. — Кофе новое направление в работе плантаций. Нельзя зацикливаться на чём-то одном.

Управляющий закрывает лицо руками и его лошадь, увидев знакомый двор, останавливается, как вкопанная.

— Пройдём в кабинет и поговорим там. Мне нужна твоя помощь и содействие, — не стеснясь грубо льщу управляющему в лицо. — Без тебя я не справлюсь.

Надеюсь, что слово кабинет не вызвало у него ненужных вопросов. Кабинетом называли, как предмет мебели с ящиками или отделениями для хранения, так и помещения для занятий. В Германии таким словом называли ещё и Государственный совет.

Первые кабинеты, получившие официальный статус таких помещений, возникли в эпоху Возрождения в домах состоятельной итальянской знати и носили название «студиолло», что в буквальном переводе означает комната для занятий.

В России «кабинет», как уединённое и тихое помещение для творческой деятельности, работы с бумагами, обставленное специальной мебелью появилось только в тысячу семьсот пятом году.

— Хорошо, пойдёмте в кабинет, — соглашается на разговор Фернандо, не показывая, что слово ему не знакомо. Я с облегчением перевожу дух. — Я так понимаю, что пока я не соглашусь, вы не отступитесь.

Я киваю, а он демонстративно закатывает глаза.

— Фернандо, нельзя сосредотачиваться только на одной деятельности, — по пути в

кабинет, куда я иду вслед за управляющим, разглагольствую я. — Мы выращиваем только сахарный тростник и на двух заводах перерабатываем его в сахар. Это перспективно, я не спорю.

— Вы хотите добавить, что существует «но», — распахивая передо мной дверь комнаты, произносит управляющий.

— Да, и я сейчас тебе расскажу о своих планах, — говорю я, оглядывая большое светлое помещение с одним окном и тёмными бархатными тёмно-зелёными шторами.

Недалеко от окна находится письменный стол с двумя тумбами. В нижней части стола, прямо под прямоугольной столешницей ниша с ящиками для хранения бумаг, которые располагаются по сторонам. Вместо стула, небольшое удобное кресло.

Большой книжный шкаф со стеклянными дверцами в верхней части и слепыми створками в нижней. Меня удивило, что такой шкаф и стол находятся здесь. По идее они появились только в начале восемнадцатого века. И снова прав Егорушкин, жизнь отличается от учебников истории.

Я занимаю место за столом, а управляющему показываю на одно из кресел напротив.

— Это «но», Фернандо заключается в том, что рано или поздно наступает пресыщение, то есть продукта создают больше, чем его потребляют, — разъясняю ему я. — И тогда те фазенды, которые производят лишь один сахар, разорятся.

— Такого не может быть, — упрямится управляющий. — Вам-то откуда знать.

Да, объяснить, откуда я знаю экономику, будет сложно, да и не нужно.

— Я воспитывалась в монастыре, — выдаю я, — и много читала книг из монастырской библиотеки.

Удостаиваюсь уважительного взгляда управляющего.

— Поэтому я заручилась поддержкой Мигеля для того, чтобы выращивать на плантациях ещё что-то, кроме сахарного тростника, — уверенно произношу я, забыв добавить, что муж не счёл моё желание серьёзным.

Что ж придётся доказывать им всем, что я чего-то стою.

— Нам нужно много рабов, Фернандо, — говорю я, — будем ещё и овощи выращивать.

— Много это сколько? — Задаёт резонный вопрос управляющий.

Я знаю, что в современном мире на высокогорьях для выращивания кофе и ручной сборки используется труд около двух тысяч рабочих.

У меня ещё нет столько деревьев, думаю, что для начала ста рабов хватит.

— Я думаю, что двести человек мне хватит, — говорю я Фернандо. Если я его правильно поняла, то он постарается снизить количество рабов вдвое. — Только мне нужны умные рабы. Их нужно обучить, как правильно обрезать деревья, собирать ягоды кофе, как сушить, как добывать зёрна.

— Я могу дать только сто человек, — оправдывает мои ожидания управляющий.

— Пятьдесят мужчин, пятьдесят женщин и по пятьдесят подростков и детей, — выдвигаю встречное предложение я.

Дети мне очень нужны. Только они могут найти нужные мне деревья.

— Можешь выделить мне пятьдесят семей и забудем об этом, — продолжаю я.

— Хорошо, — нехотя соглашается управляющий, — но и вы должны мне помочь, найти того, кто пытался вас убить.

Что ж, придётся рассказать ему о подслушанном разговоре и драке. Иначе Фернандо не отстанет, а так его энергия будет направлена на поиски Педро Верейро.

— Я тебе расскажу очень важную информацию, которую узнала случайно, но тебе будет нужно заняться моим вопросом по рабочим безотлагательно, — ставлю ему условия.

Управляющий, скрипя зубами, соглашается, а я рассказываю всё, что слышала и видела ночью.

— Дон Мигель знает? — Спрашивает меня Фернандо.

Я качаю головой, когда мне об этом было рассказывать? Мы были заняты совсем другим. Не до разговоров было, право слово.

— Это плохо, Мигелю нужно знать, — задумчиво произносит он, не заметив, что назвал хозяина по имени.

Стало быть, они больше, чем подчинённый — начальник, они друзья. Недаром именно Фернандо Мигель поручил заботу обо мне и плантации. Так доверять можно только самым близким и проверенным друзьям.

— Так говорите, что дон Смит отказался выполнять требования своего старого приятеля?

Я киваю, это же, очевидно, из моего рассказа.

— А вы уверены, что вас невозможно было увидеть? — Докапывается до меня Фернандо.

— Не могу быть в этом уверена. Знаю только, что я сидела за кустом рододендрона, — я встаю и иду к окну. — Вот, пожалуйста, та самая лавочки и куст.

Фернандо встаёт за моей спиной. Ему прекрасно видно. Но он чем-то недоволен. Я вижу это по отражению в окне.

— Если не возражаете, дона Тори, давайте-ка проверим сегодня ночью, было вас видно или нет, — предлагает управляющий.

— Я-то не против, но если будет лунная ночь, такая же, как и тогда, — говорю я. — Фернандо давай подберём нужные мне семьи.

— Я вас понял, хозяйка, я сам выберу и покажу вам, — нетерпеливо произносит управляющий. У него на лице написано, что он хочет улизнуть от меня, чтобы проверить информацию.

— Ступай, Фернандо и пришли мне дона Смита, — прошу его я.

На первой части фразы он оказывается возле двери, а на второй возвращается.

— Это ещё зачем? — Потеряв субординацию, он угрожающе нависает надо мной. — Что вы хотите ему сказать?

— Ну, естественно, начну сплетничать о покушении и о том, что он главный подозреваемый, — неудачно шучу я потому, что Фернандо мигом становится слишком опасным и мне даже страшно находиться с ним в одной комнате.

— Да, шучу я, — отодвигаясь от него испуганно произношу я. Он реально устрашающ. Он и так-то не белый, и пушистый, а сейчас и до конфуза со страха можно дойти. — Неужели ты подумал, что я действительно так поступлю. Я же себе не враг.

Фернандо заметно расслабляется, но всё же уточняет:

— Зачем вам тогда дон Смит?

Я тяжело вздыхаю, до каких пор будет продолжаться эта тирания? Постоянные отчёты меня напрягают.

— Я хочу поговорить о тех землях, на которых ты меня нашёл, мне нужна вся земля по руслу и течению ручья, — бодро докладываю я, только что не отдав по-военному честь. Свою-то девичью я пристроила в надёжные, но слишком далёкие руки.

— Мне остаться? — С надеждой спрашивает управляющий.

Поддержка не помешает, особенно если ничего не знаешь о географии этого чудесного места. Я киваю. Фернандо усаживается в то же кресло, откуда так резво кинулся на выход и зовёт служанку.

— Пригласи к нам донна Смита, — приказывает он. — И поскорее.

— Зачем вам эти земли?

— Они, может быть, уже наши, я же не видела документов на фазенду, — пытаюсь увильнуть от ответа.

— Но всё же? — Настаивает Фернандо.

— Я не скажу, как бы ты не просил, — уверенно отвечаю я, — Буду ответ держать только перед мужем.

— Жаль, что вы мне не доверяете, хозяйка, — в голосе Фернандо слышится сожаление.

— Прости, но было бы верхом глупости доверять человеку, которого совсем не знаешь, — твёрдым голосом привожу я аргументы в свою пользу. — Ты бы первый сказал, что я дура.

— Не сказал бы...

— Так, подумал, — перебиваю я его. — Давай не возвращаться больше к этому разговору. Я уже тебе кажется говорила, что доверие нужно заслужить, и не только тебе у меня, но и мне у тебя.

Фернандо удовлетворённо хмыкает. Я открываю было рот, что спросить, почему у него такая реакция, как дверь распаивается и к нам входит дон Смит.

— Тори, девочка моя, я только прилёг отдохнуть, как меня выдернули из постели по приказу этого мужлана, — с порога начинает скандалить поверенный. — Мигель обещал мне покой и достойные условия проживания.

Я уже и забыла, какой склочный у него характер по отношению к тому, кто от него зависим или стоит ниже по социальной лестнице.

— Это я пригласила вас, дон Смит, управляющий как раз был против вашего внезапного вызова, уверял меня, что я могу всё и за ужином рассказать, — пытаюсь вывести я из-под удара Фернандо.

Но не тот человек Джон Смит, чтобы так просто отступить, он всё равно находит из-за чего докопаться.

— Вот видишь, девочка моя, нам мешают общаться, — грозно уставился на управляющего Смит.

Жестом останавливаю, поднимающегося с кресла Фернандо. Что-то доказывать склочнику только терять душевное равновесие.

— Дон Смит оставим Фернандо в покое, мне не терпится рассказать вам, что видела, — останавливаю я, грозившую перерасти в драку ссору.

— Так, что ты видела, девочка моя? — Лучится счастьем дон Смит.

— Потрясающий ручей в рощице, — восторженно рассказываю я, а поверенный не скрывает своего разочарования, — я подумала, что там можно сделать потрясающую

купальню и отдыхать в жаркие дни лета.

— Замечательно, Тори, — с кислой физиономией выдавливает из себя дон Смит. — А от меня-то ты что хочешь? Кроме восторгов, разумеется.

— Я бы хотела взглянуть на документы, по которым дон Верейро передал плантацию моему мужу.

Дон Смит становится белым как полотно.

Глазки человека, который мне как отец бегают. К такой просьбе дон Смит готов не был.

— Тори, девочка моя, — наконец-то берёт себя в руки поверенный, — зачем тебе нужны эти бумажки? Я тебе и так всё скажу, без них. Не забивай свою хорошенькую головку юридическими непристойностями.

Мне люто хочется приложить ему между глаз, ну хотя бы чернильницей. Какой махровый шовинизм, прикрытый заботой. От возмущения я даже не сразу соображаю, что он фактически скрывает бумаги.

Неужели Фернандо прав и дон Смит заодно с Верейро? Как же не хочется в это верить, но если бумаги он не покажет, то значит, отдал их.

— Мне нужны бумаги, — жёстко произношу я, не отрывая взгляда от его лица.

— У меня их нет, я отдал всё Мигелю, — набравшись храбрости дон Смит уже даже, как сказали бы мои студенты «наезжает» на меня. — Если бы он счёл нужным, то показал тебе их.

Я пребываю в растерянности, неужели действительно бумаги у Мигеля. Может, нужно было сначала поискать их и лишь потом спрашивать с дона Смита.

— Может, показал, а может, не успел, — очаровательно улыбаюсь я. — Молодожёнам, знаете ли, не до бумаг. Если вы понимаете, о чём я.

Фернандо хмыкает, только вот я не понимаю одобрительно или наоборот. Он такой моралист, что аж тошно становится прогрессивной женщине двадцать первого века.

— Всё дело в том, дорогой дон Смит, — ласково говорю я, дотрагиваясь до его ладони, — что мне очень понравился участок у ручья. Я хочу к возвращению мужа построить там купальню.

Я решаю разыграть дурочку, а иначе как ещё усыпить бдительность поверенного до того, как я найду или не найду бумаги. Когда уже вернётся Мигель! Ещё уехать не успел, а я уже скучаю. Сегодня ночью приснился такой неприличный сон, что, даже вспоминая его, я краснею. Не хватает мне его, очень не хватает.

— Понимаете, зачем нужны мне бумаги? Чтобы узнать наша это земля или нет. Кто же, кроме вас, мне может в этом помочь? — Наивно хлопая глазами, смотрю я на раздувающегося от важности поверенного.

Больше всего я боюсь, что с расспросами встрянет Фернандо и раздушит, создавшуюся между нами, атмосферу доверия. Друга держи близко, а врага ещё ближе и пока мы не разберёмся друг дон Смит или враг, отпускать его от себя нельзя ни при каких раскладах.

— Опишите-ка мне подробно эту местность, — победно взглянув на Фернандо, просит дон Смит, — я должен вспомнить.

Вот плут! Он должен вспомнить, да на хуа хуа, простите за ломаный английский. Земли бесхозные, захватывай сколько сможешь удержать, тебе ещё и спасибо скажут. Мне от него нужны оформленные бумаги на владение землёй, так на всякий случай.

Наш российский бюрократизм приучил меня на всякий чих иметь соответствующий сертификат, а на каждое действие бумажку.

Даже в Бразилии конца семнадцатого века, я не намерена отступать от своих привычек. Ибо только с бумажкой ты человек.

За меня детально описывает участок Фернандо. Я же только добавляю красок и эмоций

в его рассказ.

— Нет, такого участка у Верейро точно не было, но вы не переживайте дона Тори, я сегодня же оформлю все необходимые бумаги, а потом заверю их у генерал-губернатора, — уверенно говорит дон Смит.

— Тогда ещё одно дело. Вспомните равнинный участок, а лучше, если он будет горный, который располагается поблизости. Мне его тоже нужно будет оформить, — прошу я поверенного.

Не хочу сразу засаживать огромные участки. Нужно проверить свою теорию по экспорту кофе, попробовать пересадить саженцы кофейных деревьев, вырастить из зёрен саженцы и вот тогда, когда я всё это опробую, тогда и будем расширяться.

— Я знаю неподалёку один такой участок, совсем без деревьев, только трава растёт, — вставляет Фернандо.

— О, опиши его подробно дону Смигу, чтобы он составил документ, а я пойду отдохну, с вашего позволения, — не дав мужчинам высказать своё мнение по поводу моего отсутствия, как я исчезаю за дверью.

Перед ночной вылазкой мне просто необходимо поспать. Я что-то слишком устала и очень хочется кушать. По пути в спальню я сворачиваю на кухню, где застаю двух рабынь за приготовлением еды.

— Что осталось от завтрака? — спрашиваю я.

Бедные рабыни падают на колени и ползут ко мне. Я не ожидала, что такой невинный вопрос вызовет такую бурю эмоций.

— Не наказывайте, хозяйка, — умоляет меня та, что постарше. — Мы съели остатки.

С одной стороны, нужно наказать, чтобы не разбазаривали хозяйское добро. Больше, чем уверена, что они не сами съели, а украли для своих семей. С другой стороны, это всего лишь еда.

Пускай Фернандо решает этот вопрос, он же управляющий, а то я со своим либерализмом могу наворотить столько, что даже Мигель не разгребёт.

— Дайте мне поесть, а о своём поступке скажете управляющему, он решит, как с вами поступить, — спокойно говорю я, — дома я бы уволила поваров.

Рабыни заметались по кухне. Отрезали мне свежего хлеба, подали к нему отварного мяса и масла. Налили в кружку молока. Я с аппетитом поела и отправилась спать, ночь предстоит нам бурная, а завтра я хочу ещё и поработать.

На сытый желудок я быстро засыпаю и просыпаюсь уже ночью. В окно заглядывает жёлтый диск луны. Значит, пора выходить на охоту.

Я набрасываю на плечи тот же самый халат, надеваю тапочки и тихонько ступая выхожу из комнаты.

Усевшись на ту же самую лавочку, я ожидаю Фернандо.

— Да, вас действительно не видно, — пугает меня управляющий, появившись из ниоткуда, как чёрт из табакерки. — когда вы спокойно сидите, а теперь наблюдайте за мной, как в прошлый раз.

Я выглядываю из куста и вижу Фернандо. Он что-то показывает мне, но я абсолютно ничего не понимаю.

— Получается, что дон Смит не лжёт? — С надеждой спрашиваю я.

— Во всяком случае я вас не увидел, — Фернандо пожимает плечами и упрямо добавляет. — Но полностью исключать, что дон Смит знал, что вы здесь, я бы не стал.

— Ты просто недолюбливаешь его и пытаешься подогнать факты под удобную для тебя версию, — делаю я вывод, а Фернандо и не отпирается.

Утром дон Смит приносит бумаги, которые я отложила пока в ящик стола.

— Тори, прочти, всё ли я правильно записал? — Язвительно спрашивает поверенный.

— Я обязательно изучу документ, но чуть-чуть позже, — не разочаровываю я его, — и выскажу вам своё мнение относительно его. Я сейчас, прошу простить, у меня назначена встреча с управляющим.

Дождавшись пока дон Смит выйдет из кабинета, я запираю его на ключ. Опоздала я, конечно, с мерами безопасности, но лучше поздно, чем никогда.

Я не ошиблась в своих предположениях. Управляющий выделил мне двадцать пять семей с детьми. Сначала займу работников, раздам задания, обрисую круг задач, ну для себя и управляющего.

— На первое время, — поясняет он, — идёт сбор сахарного тростника, и я не могу оголить плантации.

Так и рассчитывала, что получу, дай бог, половину. Раскисать некогда, день — год кормит.

Я собираю рабов перед домом и разъясняю, кому и что предстоит сделать:

— Мужчины, выйдите вперёд, — прошу я, и передо мной становятся несколько человек.

Мне-то и не нужны накачанные на рубке тростника работники, но и таких чахлах я не ожидала увидеть. Идти ругаться с управляющим? А какой от этого толк, только настроение испорчу и будет тяжёлый осадок на душе. Надо использовать тех, кто есть в наличии.

— Кто из вас в состоянии копать землю на огороде? — Спрашиваю я. Молчание.

— Плотники среди вас есть?

Опять молчание. Может быть, они не понимают по-португальски?

— Хорошо, пойдём другим путём. Не хотите отвечать, не надо. Отправлю обратно на плантацию, а себе найду тех, кто понимает меня, — спокойно говорю я.

— Фернандо, — ору я так громко, что у самой уши закладывает. Не знала, что мои лёгкие способны на такие децибелы. — Эти мне не подходят.

Появляется управляющий, а у рабов вдруг развязывается язык. Так и я думала, что хотя бы один способен меня понять.

— Хозяйка, — на ломанном португальском говорит один из рабов. — Я понимаю. Вот этот, этот и этот слишком слабые, чтобы копать землю, остальные смогу.

Я горечью понимаю, что отношусь к тому типу белых, для которых негры на одно лицо. Хоть убейте меня, не отличу его от других двадцати пяти человек.

— Спасибо, Фернандо. Ты одним своим появлением способен разбудить в людях способность к языкам.

Управляющий ухмыляется, но не уходит.

— Раз ты меня понимаешь, ты и будешь старшим над остальными, — назначаю я говорливого негра надзирателем. — Чуть позже скажу и покажу, что нужно делать.

Таким образом, я отбираю старших среди женщин и детей. Дальше я захожу в тупик. Что приоритетнее сбор уже созревших кофейных зёрен или посадка новых деревьев?

Взвесив всё, прихожу к выводу, что сначала дам задание женщинам-сборщицам кофейных зёрен.

— Фернандо, остаётся, пожалуйста, — заметив, что управляющий собирается уходить,

прошу я. — Мне понадобится твоя помощь с организацией.

— Итак, у нас на плантациях растут вот такие деревья, — показываю я женщинам и детям ветку кофейного дерева с ягодами. — Вам нужно запомнить, как выглядят ягоды и листья.

Пустила ветку по рядам, чтобы они лучше запомнили.

— Вам нужно найти такое дерево и обобрать зёрна в корзину. Корзины будут доставлены сюда в усадьбу. Вам понятно?

Они в разнбой закивали.

— Ребятня, ваша работа бегать по плантации, находить такие деревья и повязывать на них цветную тряпицу. Сборщицы зёрен будут собирать уже нужные ягоды. Для первого раза я поеду с вами.

— Нет, хозяйка, это исключено, — беспокоится Фернандо. — Вы обещали.

— Я обещала тебе помочь, — шепчу я ему, — но не обещала сидеть безвылазно в усадьбе. Мне нужно организовать работу. Из тех, кого ты мне представил, я должна отобрать самых сообразительных, от них зависит успех моего мероприятия.

Отхожу от него, чтобы не слышать возражений.

— Пока дети ищут нужные нам деревья, женщины подготавливают корзины и рвут на ленты тряпье, — поворачиваюсь к управляющему и прошу его, — Фернандо выдайте женщинам корзины и тряпки, желательно яркие, чтобы сразу было видно среди деревьев.

— Так, где я их вам возьму? — Недоумевает он.

— Старые вещи, занавески, скатерти, салфетки, которые скопились на складе и не используются, — подсказываю ему я. — Мне нужно будет ещё полотно для сушки ягод. Надеюсь, что соберут много ягод, тогда и полотна потребуется больше.

— Господи, боже мой, да что ж вам не сидится-то спокойно, хозяйка, — доведённый мной до отчаяния стонет Фернандо. — Женится бы Мигель на нормальной девушке, сидела бы она у окна в доме, ждала бы хозяина, да читала нормальные книги.

— Фернандо, вы свои влажные мечты о нормальных женщинах держите при себе. Сильные мужчины любят интересных женщин, а не бессловесных кукол, — мило улыбаясь говорю я управляющему. — Будьте так любезны, впредь свои мысли насчёт хозяев держать при себе.

Он прикусил язык, понимая сам, что увлёкся и наговорил лишнего.

— Ещё нам нужны лопаты, каждому, кто будет заниматься пересадкой деревьев, — ставлю я в известность управляющего. — И для тех троих, которые самые хилые нужны молотки, гвозди, пилы и дерево. Они будут строить ограждения на поле, где будем сажать растения и потом мне нужны будут ящики для рассады.

— Это всё? — С надеждой спрашивает Фернандо.

— Как же я могла забыть, — хлопаю я себя по лбу. — Нам нужны подводы, чтобы возить саженцы деревьев и корзины с кофейными ягодами и как можно скорее. Я не намерена терять ни минуты. Подготовка должна быть закончена сегодня, пока я обучаю ребятню находить кофейные деревья.

Недалеко от усадьбы я вчера заметила небольшое кофейное дерево. Туда-то я и веду свои летучие отряды, состоящие из ребятни и женщин, которые будут собирать ягоды кофе.

Устраиваю им своеобразный ликбез. Я твёрдо уверена, что если человек понимает, что он делает, то и работа продвигается намного лучше.

— Наша задача найти кофейные деревья, — показывая я рукой на детишек, и затем поворачиваюсь к женщинам, — и собрать урожай.

Чувствую себя в родной стихии, наконец-то я могу рассказывать о том, что мне интересно, не боясь, что меня сочтут сумасшедшей.

— Смотрите деревца невысокие, примерно где-то от восьми до десяти метров высотой. Самая верхняя часть дерева с крупными листьями и кремовыми либо белыми цветами, или с ягодами.

Я замечаю, что сбоку, стараясь, что бы я его не заметила, подходит Фернандо. Он всё же хочет узнать, что я задумала или охраняет меня? В любом случае послушать ему будет полезно.

— Ваша задача, найти такие деревья и повязать на них ленточку, у кого будет больше правильно повязанных лент, тот победил и получит подарок, — решаю я сразу ещё и замотивировать их, введя элемент соревнований. — Все поняли, что надо искать?

Ребятня кивает вразнобой. На меня смотрят горящие жаждой деятельности глаза. Ещё бы, целый день носиться по плантации и получить за это ещё и приз.

— Кому интересно послушать, что я буду рассказывать дальше, можете остаться, остальные идут помогать женщинам в создании лент, — я говорю, а сама зорко наблюдаю за детьми.

С теми, кто останутся, я буду заниматься дальше. А остальные, увы, годятся только для сбора урожая. Осталось всего два мальчика и одна девочка. Надо подумать, что с ними делать дальше.

— Обратите внимание, что ягоды имеют разную окраску. Потому что, даже находясь рядом на одной ветке, созревают они в разное время, — говорю я, показывая на дерево. — А значит, что?

Я оглядываю собранный для разъяснительной беседы народ. Они, как и мои студенты, прячут глаза.

— Я думаю, что их собирать нужно в разное время, — наконец-то робко произносит молоденькая девушка лет шестнадцати.

— Правильно думаешь, — поощрительно улыбаюсь я. — Как тебя зовут?

— Изаура, хозяйка, — отвечает она мелодичным голоском.

— Будешь старшей по уборке урожая, — назначаю её я. — Твоя задача следить за всем, что происходит во время работ. При возникающей проблеме решать вопрос с управляющим. А также объяснять всем, кто сейчас не поймёт, как правильно собирать урожай.

Она кивает, но радости на лице я не вижу. Странно, может, я делаю, что-то неправильно? Надо посоветоваться с Фернандо.

— Не зрелая кофейная ягода зелёного цвета. При полном созревании она становится тёмно-красной, — показываю я на примере дерева, — Ещё есть более ценные виды ягод — жёлтые. Иногда кофейные плоды становятся оранжевого цвета. Это очень редкое явление,

которое происходит при перекрёстном опылении деревьев с красными и жёлтыми ягодами. Всё понятно?

В ответ мне раздаётся нестройные бубнящие голоса. Вот как понять поняли они или нет?

Вся моя затея только в фантазиях выглядела легко достижимой. А на практике всё зависит от этих людей. Смогут они правильно распознать кофейные деревья, замечательно. Вот только вряд ли.

— Изаура, ты-то хоть поняла? — В отчаянии я обращаюсь к самой сообразительной.

Она важно кивает. Ну, слава богу, хотя бы кому-то понятно. Я отпускаю всех работать, а сама подхожу к управляющему.

— Я слышал, что кофе сейчас популярно в Европе, — осторожно говорит он, а я утвердительно киваю. — Вы хотите продавать кофе.

— Наконец-то до тебя дошло, — беззлобно подтруниваю я над Фернандо.

— Вообще-то, не дошло, — признаётся он, — дон Смит хвастался, что пил кофе в Европе, когда за вами ездил. Вот я и догадался.

— Попросила бы тебя не делиться своими догадками ни с кем, — тихонько говорю ему я. — Особенно с доном Смитом. Я не хочу конкуренции.

— Я понимаю, только как вы намерены осуществить сбор кофе. На данном этапе понятно, — заинтересовано спрашивает он. — А дальше? Не будут же рабы бегать по всем плантациям?

— Разумеется, нет, у меня есть план и если ты мне поможешь, то в этом году я уже высажу первую плантацию кофе, а в следующем — вторую, а может, и третью.

— Помогу, конечно же, вы бы могли мне сразу сказать, — укоризненно произносит Фернандо. — Мы раньше приступили к реализации плана.

— Я тебе уже один раз сказала, что доверие нужно заслужить. Ты случайно узнал о моём замысле, и это будет твоя проверка, — повторяю я, то, что говорила уже неоднократно. — Не думай, что если мы в этом году посадим плантацию, то в следующем уже будем собирать урожай.

— Если бы вы мне рассказали о кофе чуть-чуть больше, — просит Фернандо.

— Родиной кофейного дерева считают тропики Эфиопии. Культура многолетняя, в благоприятных условиях живёт долго, тридцать пять — шестьдесят пять лет, иногда до сто. Плодоносит тоже долго, до глубокой старости. — я увлекаюсь так, что начинаю читать лекцию о кофе, — Если дерево выращивают на плантациях для получения урожая, то его обрезают до полутора — двух с половиной метров. Это облегчает уход и сбор ягод.

— Сколько же нам ещё предстоит сделать, — задумчиво произносит Фернандо. — Я уже отдал распоряжения, и рабы получили всё для работы.

Я благодарно киваю. Может быть, действительно не стоило таиться от него. Управляющий производит впечатление верного Мигелю человека и не станет ему вредить.

— Сбор и переработка сахарного тростника налажены и не требуют моего постоянного присутствия, — словно приняв какое-то решение, говорит Фернандо, — я помогу вам здесь на каждом этапе.

— Я буду тебе очень благодарна, так как работы нам предстоит очень много.

— Только, дон Тори, я мечтаю купить свою фазенду и выращивать там сахарный тростник, но, если позволите, то я обучусь у вас и тоже буду выращивать кофе, — спрашивает Фернандо, немного стесняясь того, что у него есть мечты.

— Конечно, Фернандо, тебе будет уже легче, учтёшь все мои ошибки, — успокаивающе произношу я. — Тем более что растёт кофе первые три-четыре года после высадки без цветения. Первый полноценный урожай мы получим только с пятилетнего дерева. Учитывай, что плоды зреют от восьми до одиннадцати месяцев. Урожай в этом климате можно собирать трижды.

— Как долго, — разочарованно говорит Фернандо.

— Быстро только кошки рождаются, — говорю ему я. — Учти, что самый большой урожай собирают только восемь лет, с восьмого по шестнадцатый год жизни.

Смотрю на загрустившего Фернандо, уж не думал ли он, что всё получится быстро. Хочешь сразу зарабатывать — покупай работающий бизнес.

— Есть ещё особенность, что плоды после первого цветения созревают не всегда. Чаще ягоды появляются со второго раза. Вот и прикидывай, сколько нужно времени, чтобы плантации заработали.

— Много, — грустно произносит Фернандо. — Но я готов работать, ради своего будущего.

— Завтра будем отбирать ягоды для семян, а затем нужно будет выкопать молодые кофейные деревца и пересадить их на отдельный участок.

— Сбор ягод только для посадки? — спрашивает меня управляющий.

— Нет, будем готовить первый урожай для продажи, а потом отправим в Европу вместе с сахаром, — говорю ему я. — У меня есть ещё одна идея, как продавать кофе.

На этот раз Фернандо радостно потирает руки в предвкушении новых барышей.

Моноotonно дни тянутся за днями, складываясь в недели. В ожидании мужа мне не приходится скучать. Мигель бы порадовался этому, живу именно так, как он хотел. Беспокоит, что от него нет весточки. Понимаю, что он находится на борту корабля и редкая птица долетит до середины океана, но как же тоскливо без Мигеля.

Дел с кофейной плантацией не становится меньше, а наоборот, с каждым днём всё они нарастают как снежный ком. Фернандо, который с самого начала ставил палки в колёса, сейчас работает за двоих, воодушевлённый открывшейся перед ним перспективой.

Его стараниями подготовлена и огорожена первая кофейная плантация. Не все растущие на площадке деревья выкорчёвывались. Осмотрев, участок, который он выбрал для выращивания кофейных деревьев, я показала какие деревья выкорчёвываем, а какие оставляем в качестве затенителей.

Я объясняю Фернандо, который намеревается оставить чистое поле под посадку деревьев:

— Смотри, мы оставляем финики, бананы для того, чтобы наш кофе не сгорел на солнце. Они выше, чем кофейные деревья и защитят их от прямых солнечных лучей. Дело в том, что кофейные деревья не растут под палящим солнцем, но при этом любят свет. Поэтому и нужны деревья — затенители. Постарайся, чтобы они росли в шахматном порядке, примерно на расстоянии пяти — десяти метров друг от друга. Если нужно, то пересаживайте.

Что мне нравится в управляющем, если он получил разъяснения, зачем так делать, то в лепёшку расшибётся, то сделает так, как нужно.

Отобрав больше сильных мужчин, он расчищает ещё две площадки по моему методу. Первую засаживаем найденными дикими молодыми кофейными деревцами.

Управляющий расщедрился и съездил, купил ещё рабов, специально для моих планов.

Мне доставляют собранные кофейные ягоды. Я сама распределяю их: одни отправляю на сушку, другие для семян, третьи на вторичную сортировку из-за большого количества брака. Учю разбираться в этих тонкостях Изауру, так как только она набьёт руку, будет заниматься этим вместо меня.

Отмечаем тех рабынь, которые постоянно приносят бракованный урожай. Некоторые приносят «сборную» солянку из ягод. Приходится разбираться, кто путает сборщица или тот, кто помечает деревья.

Всё это занимает уйму времени, присесть некогда. Отсеяли двух непонятливых рабынь и десять детишек.

Способных деток, которых я отметила, держу при себе. Они ходят за мной, как хвостики. А я получаю колоссальное удовольствие, рассказывая им всё, что знаю, отвечая на их вопросы.

— Зря вы это затеяли, хозяйка, — говорит Фернандо осуждающе и взгляд такой, как будто на убогую смотрит, — не доведёт до добра обучение рабов.

— Ты не прав Фернандо, рабы или не рабы, но они люди, — мне хочется донести до него мысль, что нельзя делить людей по социальному положению.

— Обязан предупредить, ваш муж работорговец, — поизносит управляющий, — когда Мигель вернётся, то ему не понравится, что вы занялись обучением рабов.

— Я хочу тебе сказать и повторю это Мигелю, чем человечнее относишься к работникам, тем лучше они работают, — с жаром говорю я. — Пойми ты, хорошее питание — это сила и выносливость рабов, хорошее и чистое жилище — это их здоровье. Всё не так однозначно, как ты думаешь.

Фернандо скептически смотрит на меня и качает головой. Не верит! Да и кто поверит в японские принципы построения бизнеса, когда каждый работник, член большой семьи. Начальник поздравляет каждого с днём рождения, приезжает на свадьбу сына или дочери. Такое отношение вызывает расположение к кампании.

Пожалуй, опробую на нём ещё и советское отношение к материнству и детству.

— Я предлагаю беременных женщин переводить на более лёгкие работы. Например, ухаживать за птицей или огородом, помогать на кухне. Да разве мало подсобной работы не на плантации, — я увлекаюсь и начинаю горячиться, говорить громче и жестикулировать. — Смотри, на контрасте с прежним отношением хозяев мы только выиграем.

Фернандо тяжело вздыхает и закатывает глаза.

— Вы такая фантазёрка, донна Тори, — осуждающе произносит он. — Допустим, про питание и жильё я согласен, но остальное...

Он опять тяжело вздыхает и присаживается на лавочку в патио, я усаживаюсь рядом.

— Я понимаю ваши христианские идеи, привитые в монастыре, но здесь они не работают, — спокойно говорит Фернандо.

О чёрт, а я и забыла, что воспитывалась в монастыре. Какое счастье, что я придумала себе такую легенду, а то даже лояльный ко мне управляющий уже косо смотрит.

— Негров привозят сюда работать, но когда хозяин начинает их жалеть, то это воспринимается, как слабость, — говорит Фернандо очевидные вроде для этой эпохи бы вещи, но я воспринимаю их, как свободных людей, вот в чём моя проблема. — Работать начинают плохо, некачественно, приходится ставить на место жестокими способами.

Да, не все идеи двадцать первого века применимы в конце семнадцатого. Мне бы уже не мешало запомнить, что негры не наёмный персонал, а рабы.

Люди, которых вырвали их своей привычной среды обитания в диких племенах Африки и привезли вкалывать за еду.

— Представьте, что вы позволили переводить беременных на более лёгкую работу, как думаете, что произойдёт? — спрашивает меня Фернандо.

Я пожимаю плечами. Откуда мне знать, что произойдёт? Может, дети будут в более лёгких условиях рождаться и более жизнеспособные.

— Конечно, не знаете, иначе не предложили бы такое, — отвечает он на собственный вопрос. Он не осуждает меня, а скорее наставляет, чтобы я не наделала ошибок. — У нас все рабыни забеременеют и этот конвейер не прекратится, потому что они после родов снова будут беременеть, чтобы работать на лёгкой работе.

Я не подумала, что мой либерализм приведёт к нескончаемому потоку беременностей. Поразмыслив, пришла к выводу, что Фернандо, как всегда, прав. Всё же он больше разбирается в том времени, где живёт, чем попаданка из другого времени.

— Питание наладим, жильё улучшим, даже доктора выпишем из Европы, — радуется меня управляющий. — Без доктора совсем плохо. Да и вам предстоит рожать скоро.

Что значит «предстоит рожать скоро»? Я же вроде как не беременна.

Утверждение Фернандо насчёт будущего ребёнка повергает меня в шок. Как ему только в голову могло прийти такое нелепое предположение?

Господи, Вика, ты замужем, ожидать беременности, это нормально для любого общества.

Вспомни, как вечно «доставали» молоденьких замужних преподавателей бестактными вопросами о детях. Здесь, это тоже в порядке вещей, в конце концов, по представлению общества вплоть до середины двадцатого века, женщина рождена, чтобы быть матерью столько раз, сколько позволит её организм.

Я всё-таки хочу получить от управляющего разъяснения. Вопросительно смотрю на Фернандо, мол давай расшифровывай свою мысль. Он делает вид, будто не понимает моего взгляда. Ну, что ж я растолкую, раз с первого раза непонятно.

— Откуда такие сведения? — Я заметно волнуюсь, всё же он так уверенно заявляет, что я жду ребёнка, когда я ещё не знаю об этом.

— Какие сведения? — невинно смотрит на меня Фернандо.

— Что я жду ребёнка, откуда ты знаешь об этом? — Напираю я на него и не намерена спускать ему огульных заявлений.

Фернандо смущается, как красна девица, и отводит глаза.

— Я всё ещё жду ответа, — напускаю в голос побольше строгости, пусть не думает, что на мои вопросы можно не отвечать.

— Донна, это не та тема, которую можно обсуждать с чужим мужчиной, — шепетильно заявляет этот блюститель морали.

— Да, неужели? — Всё больше ярясь, я наступаю на него, тыча пальчиком в грудь. — Тогда почему чужой мужчина суёт свой длинный нос в женские дела хозяйки?

— Успокойтесь донна Тори, — умоляюще произносит Фернандо, — я не хотел вас обидеть и тем более лезть в такое деликатное дело.

— Так почему же полез? — Не сдаюсь я.

— Слышал, как ваша служанка сплетничала с доном Смитом о том, что у вас давно не было *hold les fleurs*, — пряча глаза произносит управляющий.

Таким завуалированным термином с дословным переводом «держи цветы», обозначали критические дни в семнадцатом веке. В более раннем периоде просто говорили болезнь или недомогание.

Для меня обстановка прояснилась. Сплетню запустила Мила из-за того, что, как и многие, профан в этом деле. Жаль, что пострадал бедный Фернандо, но это ему урок, что не следует лезть в мои дела.

А вот зачем разнюхивает такие интимные подробности дон Смит, для меня загадка. Обратил ли внимание на такое любопытство Смита управляющий?

То, что у меня действительно давно не было женских дней, я объясняла себе довольно просто — стресс и изменение климата.

— Вот я и подумал, что неплохо бы пригласить на работу доктора, — уже чуть смелее продолжает Фернандо.

— Насчёт доктора ты правильно решил, — соглашаюсь я, но добавляю, — только хорошего, а не того, у кого практики нет из-за собственной некомпетентности.

Фернандо кивает облегчённо вздыхая.

— Можно взять выпускника университета, поискать талантливую, но бедную, — предлагаю я. — Напиши во все университеты и поищи такого. Оплатим ему переезд, проживание и жалование будем платить. Захочет привезти семью, тоже не отказывай. А ещё лучше давай вместе составим письмо.

Фернандо нервно ходит, мельтеша перед глазами. У меня начинает кружиться голова и даже немного подташнивать, но это от голода, я сегодня даже не завтракала.

Теперь в каждом отклонении организма я буду видеть признаки беременности. Вот только знать бы какие они бывают, у меня же никогда не было детей. От подруг только помню, что тошнота по утрам и, естественно, отсутствие критических дней. Что-то я начинаю волноваться.

Моя подруга Леночка, врач-педиатр, женщина эрудированная и глубоко интересовавшаяся темой деторождения как-то рассказывала, что у женщин прошлого не было чёткого цикла из-за постоянных родов, отсутствия нужных витаминов, да и почти постоянных родов.

— Фернандо, а ты обратил внимание, что дон Смит проявляет слишком много внимания к моей скромной персоне? — спрашиваю я, чтобы отвлечься от дурных мыслей.

Не то, чтобы я не была бы рада малышу, просто я не верю, что могло получиться с первого раза и хотелось бы, чтобы первым узнал Мигель, а не Фернандо.

— Обратил, — нервозно отвечает Фернандо, — и меня это сильно беспокоит. Почему он крутится возле вашей горничной? Я слишком часто вижу их вместе.

Неужели Мила понравилась и Фернандо? Что-то мне не верится. Управляющий не простая сошка, а птица высокого полёта, может быть даже ровня Мигелю. Вряд ли его заинтересовала необразованная служанка. Но дона Смита же заинтересовала или он тоже просто выуживает из неё нужные сведения.

— Это меня как раз таки и не удивляет. Дон Смит оказывал внимание Миле и во время пути сюда, так почему он должен изменить поведение сейчас, — убеждаю я управляющего, — Это выглядело бы подозрительно.

Фернандо в глубокой задумчивости чешет подбородок. Я замечаю за ним, что как только начинает нервничать, его шея краснеет и он непроизвольно чешет подбородок и горло. Сейчас он даже ослабил ворот рубашки, что при его святой вере в приличия, кажется богохульством.

— У меня вообще дон Смит вызывает определённые опасения, хотя вы его и защищаете, — наконец-то произносит управляющий. — Мне пока очень сложно собирать информацию, я человек новый, а дон Смит свой. Ему и прислуга, и надсмотрщики доверяют больше, и никто не хочет делиться тем, что знает. Кто-то распускает слухи, что ферма всё ещё принадлежит Педро Верейро.

Первым порывом было наказать нахальную служанку. Ишь, чего удумала обсуждать хозяйку с посторонним человеком.

Я даже подорвалась бежать в поисках Милы, но не вовремя заданный управляющим вопрос заставил меня притормозить:

— Вы куда собрались, хозяйка?

А действительно куда? Что я ей предъявлю? Не пойман, не вор. Я, её хозяйка и буду опираться не на факты, а на сплетни. Мила скажет, что ничего этого не было и будет права. Свидетелей нет, доказательств тоже.

— Хотела поговорить с Милой, — отвечаю я.

Я, конечно, на правах хозяйки могу её побить или наказать как-то иначе, но в любом случае меня будут считать самодуркой.

Здесь надо действовать хитрее. Интересно, а что по этому поводу думает Фернандо?

— Я не хочу, чтобы вы подумали, будто я учу вас, но может, не стоит в разгорячённых чувствах начинать разговор, — произносит управляющий, — сами можете лишнего наговорить.

Он лишь подтверждает мои выводы, всё же хорошо, что Фернандо рядом, хотя я предпочла просить совета у мужа.

У меня начинает накапливаться раздражение к Мигелю. Где-то в глубине души, где-то очень глубоко понимаю, что эта экспедиция была запланирована ещё до брака. Но почему нельзя было отложить, пропустить или отправить Фернандо вместо себя?

Чем больше мне помогает управляющий, тем больше злюсь я на Мигеля. Сколько ещё пройдёт времени до его возвращения? Меня так и убить могут.

Завтра посажу семена кофе и останется только ждать его возвращения. А я ненавижу ждать.

— Дона Тори, я вас обидел? — Выводит меня из задумчивости управляющий.

— Нет, что ты Фернандо, горестные думы одолели, — отвечаю я. — Ты мне так помогаешь. Что бы я без тебя делала?

По-доброму улыбаясь Фернандо разводит руками.

— О чём думаете? — Спрашивает он.

— О том, что Мигеля долго нет, — грустно говорю я, — уже месяц прошёл, а он всё не возвращается.

— Это очень мало, дона. Месяц для такого опасного путешествия слишком маленький срок, — утешает меня Фернандо.

— Да, я понимаю, — вымученно улыбаюсь я. — Только я что-то устала, понимаешь? Столько событий произошло, а я вместо того, чтобы остановиться, обдумать, отдохнуть, загружаю себя работой. Голова болит с каждым днём всё сильнее и постоянно хочется спать. У меня руки опускаются, Фернандо.

Я долго крепилась, но почему-то именно сейчас моё состояние вылезло наружу. словно этот разговор убрал до сих пор сдерживающие меня барьеры. Усталость обрушилась снежной лавиной и придавила меня.

— Ты, знаешь, такое ощущение, что предательство Милы стало последней каплей, — откровенничаю я с Фернандо. — До сих пор не понимаю, как она могла? Я же её не обижала

и даже особо не обременяла обязанностями. Всё за неё стала делать Сара.

— Вот вы сами, и ответили на свой вопрос, — Фернандо сочувствующее смотрит на меня. — Вы слишком добры со всеми, хозяйка, но даже у доброты должны быть пределы.

Господи, да что такого опять я сделала? Не такая уж я и добрая, просто до сих пор живу по привычным мне понятиям.

— Праздность у слуг и рабов порождает пороки, вот как у Милы. Была бы она загружена делами, то времени болтать со Смитом у неё не оставалось бы. А, так она, как хозяйка, на полном обеспечении живёт, палец о палец не удалит. Вот и возомнила о себе слишком много. Стала распускать язык, потом наберётся наглости и начнёт приказывать рабам, — возмущённо говорит управляющий. По горячности его речи я понимаю, что его тоже задела эта ситуация.

Горько признавать правоту Фернандо, но так всё и есть. Я по неопытности распустила не только Милу, но и домашних рабов, если бы не управляющий, то у меня бы к приезду Мигеля все слуги и рабы вышли из повиновения.

— Не расстраивайтесь, хозяйка, — продолжает Фернандо. — Вы ещё слишком молоды, и монашки вбили вам в голову несусветную чушь о равенстве всех людей.

Только не это! Лекции о превосходстве одних над другими я просто не выдержу.

— Спасибо тебе за поддержку, — произношу я, чтобы только не дать Фернандо разглагольствовать на любимую тему. — Я подумала, что Милу не буду наказывать.

— Это ещё почему? — Не скрывая своего возмущения, спрашивает управляющий.

— Нет, я поняла то, о чём ты говорил, только у меня появилась другая идея, — успокаиваю я разошедшегося не на шутку Фернандо. — Я буду загружать её работой понемногу, чтобы она ничего не заподозрила.

— Да, что она может заподозрить, дона Тори?

— Ты сам подумай, она не работала, а только вынюхивала и всё рассказывала дону Смиту. Вот только я до сих пор не могу поверить, что он мог меня обмануть. Мне горько от этой мысли. Я же считала его почти отцом. Он так поддерживал меня на протяжении всего пути сюда и после не оставил.

— Вы слишком хорошего мнения о людях, хозяйка, — иронично говорит Фернандо.

— Может быть, — с грустью говорю я. — Давай лучше проверим. Я скажу Миле, что собираюсь проехать верхом к новой плантации, без тебя только в сопровождении рабов.

— Вы хотите понять, передаст ли она это дону Смиту и будут ли вас там ждать убийцы? — Фернандо сразу уловил, что я хотела сказать, мне остаётся только кивнуть. — Вы такая умница, дона Тори. Только давайте вы не поедете на плантацию, а притворитесь больной.

— А вдруг заподозрят что-то, нет мне надо будет ехать, — не могу согласиться с управляющим.

— Я не могу вами рисковать, — упрямится Фернандо, — лучше тогда отменить проверку.

— Так меня не будет, в кого они будут стрелять?

— Хорошо, я согласен, что в ваших словах есть зерно истины, — сдаётся управляющий, — тогда вы поедете в другую сторону, а в кого они будут стрелять, я найду, за это не волнуйтесь.

Ни завтра, ни послезавтра у меня не получилось поехать на прогулку в качестве приманки, и по договорённости с Фернандо Милу я не трогала.

Меня сейчас занимает другой более важный процесс. Я опять ступаю за зыбкую почву экспериментов и дрожу от предвкушения. Это своеобразная научная работа, по которой я так скучаю.

На этот раз мои исследования лежат в области выбора лучшего способа посадки плантаций кофейными деревьями — зёрна и черенкование, вот два научно обоснованных метода засадки кофейных плантаций.

Но я же нетерпеливая вот и придумала пересадку молоденьких деревьев. В конце концов, у нас в России, саженцы — самый распространённый способ посадить сад, чтобы вскорости собирать урожай.

Уже насчитала пять методов, которые буду пробовать — пересаживание молодых деревьев, посадка семян (двумя способами) и черенкование.

Одна плантация уже почти готова: туда мы пересадили молодые деревца и продолжаем искать и пересаживать. Дело не быстрое, но надеюсь на высокий урожай в скором времени.

В этот раз я занимаюсь посадкой зёрен для рассады кофе. Тянуть с этим нельзя, потому что для размножения подходят только семена, собранные в год посева. Чем дольше зёрна хранятся, тем меньше их показатели всхожести.

Фернандо не возражает, он понимает, что посадка плантаций кофе, наша приоритетная задача.

— Дона Тори, прошу только об одном, без охраны не выходите за пределы усадьбы, — зная мою увлечённость работой, просит управляющий.

— Не переживай, из усадьбы я пока не планирую выходить, работаем во дворе и в доме, — успокаиваю его я. — Как только мне понадобится на плантацию или ещё куда, я предупрежу.

Рабыни под моим присмотром, освобождают кофейные зёрна от мякоти и кожуры. Отмывают зёрна от клейковины и раскладывают на просушку. Секрет состоит в том, что зёрна высушивают не до конца, всего лишь до шестнадцати-восемнадцати процентов.

Пока сушится зерно, под моим руководством рабы мужчины готовят почву, а женщины шьют тканевые мешки. Я решила проверить какой из грунтов и способов лучше для рассады.

Вот здесь мне приходится выезжать из усадьбы, но всё обошлось. То ли преступники затаились, то ли готовили что-то более серьёзное. Пусть об этом голова болит у Фернандо, я же выполняю всё, что он мне велит.

Не езжу одна, только в сопровождении охранников-рабов. От верховой езды тоже пришлось отказаться. Теперь я, как настоящая рабовладелица передвигаюсь в палантине, который таскают четверо выносливых рабов.

Со мной ещё и группа сопровождения из мужчин рабов постоянно. Им же предстоит таскать грунт и песок, вот я их и беру с собой. Фернандо только рад этому обстоятельству.

— Мне спокойнее, — говорит он улыбаясь. Вот только я не уверена, что он не находится где-то поблизости.

Для выращивания зёрен нужен рыхлый грунт, лучше всего листовая земля, вот мы и едем выбирать в каком месте собирать землю. Надо же показать рабам, откуда нужно брать

землю и как её нужно выкапывать, а откуда брать песок.

Песок нужен для добавления в грунт — это первый способ посадки кофейных зёрен.

Второй способ — обычная земля с навозом или кофейной кожурой. Я выбрала кофейную кожуру, благо, что у нас её много.

А навозом, разведённым в воде, будем поливать ростки, так делала моя бабушка в деревне. Я много чего вспомнила из своего детства в деревне. Память — удивительная штука, в нужную минуту подсовывает то, что казалось, давно забылось. У моей бабушки были лучшие урожаи в деревне, она всем помогала, подсказывала, но никому так и не удалось собрать такие же урожаи, как у неё.

Я выбираю лесок недалеко от дома, где довольно много перегнившей листвы. Показываю рабам, как нужно собирать верхний пласт почвы, включая листья тоже, чем повергаю их неокрепшие души в шок. Как же сама хозяйка орудует лопатой, что-то неслыханное по тем временам. Мне же нужен результат, а не сохранение имиджа белоручки.

Зато данный метод заставляет рабов работать усерднее. Они видят хорошее отношение, что я выбираю более лёгкие способы работы, не усложняя без необходимости их жизнь. А доброе отношение и кошке приятно, если перефразировать известное изречение.

Перво-наперво собранную в лесу почву я приказываю прокалить на огне. Мне не нужны неприятности в виде разных заболеваний растений. Работа не на один день, учитывая, что её ещё и привезти надо.

Рассады понадобится очень много, учитывая, что на одном гектаре высаживают минимум полторы тысячи деревьев, а так, если деревья невысокие, то и до десяти тысяч на гектар.

У меня пока четыре плантации по одному гектару. Немного, учитывая задуманный размах, но пока, для эксперимента хватит. Через год, когда я увижу какие кофейные деревья и на какой плантации лучше коренились и растут, тот способ и буду использовать в дальнейшем.

Песок собираем на берегу речушки, и тут же возникают некоторые только мне известные трудности. Проверка реки на наличие алмазов. Вот я и отправляюсь вместе с рабами, чтобы убедиться, что собирать в данном месте безопасно, алмазов нет.

Собранный песок также прокаливаем в жаровнях на огне. Смешиваем с грунтом.

На подготовку грунта для рассады у нас ушло одиннадцать дней, ещё три дня на подготовку грядок.

Для посадки я приказала подготовить грядки с бортиками. Они идеальны для рыхлого грунта, как у нас, к тому же хорошо защищают рассаду от сорняков, и почта держит тепло. В такие грядки засыпаем листовую почву попеременно с песком.

— Фернандо, как ты считаешь, тканевые мешки здесь наполнить грунтом и отвезти на подводах или лучше на плантации?

— Лучше было с самого начала грунт везти на плантацию, — бурчит Фернандо.

Мы стоим посреди куч грунта, складированного во дворе. Фернандо с тоской оглядывает всё это добро.

— Мы не смогли на плантации покалить почву, к тому же её надо было смешать с кофейной шелухой, — оправдываюсь я.

— Шелуху привезти было бы легче, чем землю, не находите, — не унимается он и уточняет — Когда вы собираетесь высаживать зёрна?

— Примерно дней через десять-пятнадцать. Семена уже просохли, и мы их намочили,

чтобы дали ростки, — рассказываю я. — Когда перевезём грунт на плантацию, то посадим черенки. Здесь нужно будет моё участие.

Мы стоим, обсуждая хозяйственные дела на виду у всего двора, щурясь от яркого солнца. Я не успеваю сообразить, как Фернандо ни с того, ни с сего заваливается на меня, придавливая тяжестью своего тела.

Фернандо своим весом выбил из меня весь воздух. Жутко болят спина и локти, которым досталось при падении. От нехватки воздуха кружится голова. Всё это происходит словно в замедленной съёмке.

В чувства меня приводит истошный женский крик:

— Убили!

И столько в этом крике отчаяния и боли, что сердце разрывается о жалости к той, кто кричит, а не к трупу.

Мне кажется, что это голос Милы, но в моём состоянии можно и ошибаться.

Так кого, собственно говоря, убили? Может быть, меня, ибо я погребена под тяжелейшим телом управляющего. Кто-нибудь стащите его с меня.

Стоп, Вика! Отчего вдруг здоровый мужик валится на тебя, не подавая признаков жизни. Неужели убили Фернандо? Господи, только не это.

Два здоровых негра с трудом поднимают его на ноги. К ним подбегают ещё двое, и вся эта великолепная четвёрка тащит управляющего в дом.

Мне бы тоже не помешала помощь. Сама я никак не могу подняться. Но Милы и след простыл. Девушки под руководством Изауры поднимают меня и тоже ведут в дом.

— Дона управляющего убили, — без тени сожаления произносит Изаура.

Вот что значит угнетатели, мало кого из рабов волнует наша смерть. Мне кажется, что если бы убили нас двоих, то никто и расстроился бы особо, а плантация бы перешла прежнему владельцу.

А может именно в этом причина? В том, что нас хотят убрать по одному, чтобы вернуть плантацию Педро Верейро.

Ох, Мигель, как же тебя не хватает. Оставил одного управляющего и уехал. Недооценил противника. Серьёзно недооценил.

Рабыни тащат меня в мою комнату, нет, мне туда не надо. Мне нужно к Фернандо.

— Ведите меня в комнату управляющего, — приказываю я.

— Но, хозяйка, вам нужно прилечь, — спорит со мной Изаура, а вся женская половина рабов кивает и поддакивает ей, уловив хороший повод для того, чтобы не работать, потащились вслед за нами.

— Ты мне указывать будешь, — «взрываюсь» я, нервы и так на пределе, а она ещё учит меня, как мне лучше. — Я сказал, а ведите к управляющему и позовите кто-нибудь Сару. Где её черти носят?

Комната Фернандо находится на первом этаже дома, в том же коридоре, что и кабинет. Я, кстати, и не подозревала, что он живёт именно тут. Думала, что у управляющего должен быть отдельный домик на территории усадьбы. Он всё-таки самый важный человек после хозяев.

С внутренним содроганием я переступаю порог его комнаты. Аскетическая обстановка поражает. В комнате с одним окном находятся только кровать, стол, жёсткий деревянный стул и грубо сколоченный шкаф. Не ожидала я подобного от Фернандо. Одевается он дорого, богато, а живёт, как спартанец.

Он лежит на кровати поверх покрывала в обуви и камзоле, никто так и не удосужился раздеть его.

— Осторожно снимите камзол дона Фернандо и его обувь, — приказываю я.

Шатаюсь, подхожу к нему и падаю на колени перед кроватью. Чёрт, ноги не держат!

Беру его руку, ищу пульс. Господи, пускай он будет живой, помоги ему и мне.

— Изаура, отправляйся к священнику и скажи, чтобы срочно отслужил мессу за здоровье дона Фернандо, — отсылаю я рабыню.

Оглядываю я комнату с праздно шатающимися рабами. Никакой дисциплины. Фернандо им спуску не давал и мне нужно быть построже.

— Остальным работать, вечером проверю, сколько сделано. Со мной остаются Сара и вы двое, — показываю я на тех, первых рабов, которые подбежали и помогли нам.

Нужен доктор, Фернандо не успел выписать его из Европы, но наверняка в ближайшем городе есть, нужно только кого-то послать за ним.

В наступившей тишине я наконец-то чувствую, как слабо бьётся жилка на запястье. Но, бьётся, чёрт побери! Спасибо, господи! От излишнего волнения собираю всё что надо и что не надо, мешая в одну кучу бога и чёрта.

— Нужен доктор, — говорю я и обвожу взглядом комнату.

Кстати, а где Мила? Она, кажется, была во дворе, а здесь, рядом с Фернандо я её не вижу.

Встаю, держась за кровать, показываю жестом, чтобы принесли стул и поставили возле кровати. Опускаюсь на него, опираясь на спинку. Как же всё болит, мне бы и самой не помешал врач.

— Сара, позови дону Смита и одного из надсмотрщиков, скажи, что срочно, — отдаю я соответствующие распоряжения. — Если по дороге встретится Мила, то гони её сюда.

Меня начинает бесить поведение Милы, в конце концов, она моя служанка и когда мне нужна её помощь, она исчезает. Ещё меня терзают смутные сомнения, куда она постоянно исчезает и шушукается с доном Смитом.

А вот и он, лёгок на помине, дон Смит не спеша входит в комнату, оглядывая её презрительным взглядом. Он, поклонник всяческого комфорта, не понимает образа жизни Фернандо.

Теперь понятно, почему они так не любят друг друга — просто они диаметрально противоположные личности. Дон Смит не заходит в комнату, предпочитая остаться возле дверей.

— Тори, деточка ты звала меня? — радушно спрашивает дон Смит, игнорируя бледного Фернандо.

— Да, дон Смит, скажите, как мне найти врача? — спрашиваю его я, стараясь, чтобы в голосе не проскальзывало нетерпение и беспокойство.

— Врачей мало, услуги их стоят дорого, — произносит он, — ближайший, насколько я помню в Байе.

— Благодарю вас, дон Смит, — киваю ему я, — не смею вас больше задерживать.

— Его зовут дон Игнасио Гарсия, его дом на главной площади Байи, — делится информацией поверенный, переступая порог комнаты.

— Хозяйка, — шепчет мне раб, — у нас есть лекарка, пока приедет врач, дон Фернандо может умереть. Прикажете позвать?

Я в полном ошеломлении от того, что он проникся нашей бедой, киваю и раба, как ветром сдувает.

— Хозяйка, — вместо приветствия произносит входящий в двери надсмотрщик, не

знаю, как его зовут, — звали? Я Антонио.

— Антонио, мне нужно, чтобы ты взял на конюшне самого быстрого жеребца и помчался в Байю. Найдёшь там доктора Игнасио Гарсию и привезёшь сюда. Соглашайся на любую цену, которую он запросит.

— А если он откажется ехать? Путь неблизкий. — Спрашивает меня Антонио.

— Сделай так, чтобы не просто согласился, а поспешил на плантацию, как на оглашение завещания богатого дядюшки, — наставляю его я. — Делай что хочешь, но чтобы доктор приехал.

Во время разговора Антонио смотрит не на меня, а на лежащего без движения Фернандо.

— Не хочу вас расстраивать хозяйка, но дон Фернандо не доживёт до приезда доктора, — заявляет надсмотрщик.

Он вызывает у меня раздражение своим заявлением, я, кажется, не просила высказывать своё мнение.

— Не твоя забота, — резко отвечаю я. — Скажешь, что хозяйка ушиблась, упав с лошади. Ясно тебе? И поменьше болтай.

Лекарем, которого привёл раб, оказалась сухонькая старушка с цепким взглядом выцветших глаз. В руках она несла корзинку, накрытую чистым цветным платком.

Её голова покрыта цветным тюрбаном, яркая синяя юбка и однотонная красная кофта с бусами и каким-то неведомыми ожерельями придавали ей колоритный вид.

— Это матушка Аледжо, — представляет её раб, — она лечит рабов.

Это я уже поняла по цвету её кожи. Вот только она не простая рабыня. Руки не натружены, видимо, её даже бывший хозяин и надсмотрщики опасаются.

Я холодею при взгляде на неё, сразу вспоминаются мастера вуду. А если она тоже занимается вуду, что тогда делать? Мне бы не хотелось, чтобы она лечила Фернандо с помощью африканских ритуалов.

— Матушка Аледжо, приветствую вас, — с такими людьми лучше быть вежливой, даже если это твоя рабыня, — мой управляющий и друг плохо себя чувствует, посмотрите, что с ним?

Старуха кивает в знак того, что слышала и поняла меня. Она достаёт из корзинки толстую свечу на подставке, так зажигая её, что я не понимаю, как возникает огонь.

Медленно, что-то шепча себе под нос на незнакомом языке, она обходит кровать Фернандо по кругу. Раб отодвигает по её знаку кровать от стены. Я, забившись в углу молча наблюдаю за ритуалом, решая для себя дилемму помочь ему с помощью вуду, а то, что это именно эта религия, я уже не сомневаюсь, или ждать доктора, увеличивая риск смерти.

— Он умрёт, — говорит она на плохом португальском, — барон Суббота придёт за ним завтра.

«Не успеет», единственная моя мысль в голове. Не успеет Антонио привезти врача. Я не готова остаться без Фернандо.

Вторым приходит осознание, что барон Суббота — это вуду. Может быть, я неправильно понимаю её искорёженный португальский и то, что не понимаю, подгоняю под известные мне названия.

— Его можно спасти? — борясь с собственными предрассудками, произношу я. Мне сейчас важнее выяснить, если у Фернандо шанс выкарабкаться, чем уточнять вероисповедание знахарки.

Очевидно, что до приезда врача, без её помощи он может не дожить. Почему-то я безоговорочно верю женщине, которую вижу второй раз в жизни.

— Можно, — отвечает она, — ритуал сложный, нужна помощь кровных родных.

Какие родные у Фернандо я и не знаю, где они живы ли, я не знаю. К своему стыду, никогда не интересовалась его семьёй.

— Может быть, я смогу помочь вместо семьи, — с надеждой спрашиваю я.

Старуха качает головой, размахивая руками, словно мельница.

— Тебе нельзя помогать, — тыкнув в меня пальцем, произнесла она, — ребёночка носишь. Беременным нельзя заниматься магией.

Я в шоке уставилась на неё. Не знаю, что больше потрясает, её возможность отвоевать от смерти Фернандо или то, что она сообщает мне о том, что я жду ребёнка.

— А это магия? — осторожно спрашиваю я, не зная, как реагировать.

В своём мире я была атеисткой, не верящей ни в бога, ни в чёрта. Но то, что я попала

сюда, в Бразилию конца семнадцатого века, доказывает, что что-то неподвластное логическому объяснению всё же существует. Называйте, как хотите, высшие силы, Господь бог, вселенная, ничего от имени не поменяется.

Но тёмная сторона для меня страшна своей неизвестностью, если бы я хотя бы что-то знала о вуду, то мне легче было бы принять решение.

— Ваша религия вуду? — спрашиваю я, замерев от страха.

— Что такое вуду? — спрашивает меня старуха.

— Э, это религия такая, — пытаюсь объяснить как-то доступнее для её понимания, — в которой верят, что существуют духи, которые влияют на мир вокруг и людей.

— Да, мы верим в это, — соглашается матушка Аледжо, — мы поклоняемся духам Ориша.

Точно, осеняет меня. Вуду, это же общее наименование таких культов, которое подразделяется на гаитянское вуду в Новом Свете, винти в Суринаме, новоорлеанское вуду и сантерия на Кубе и в Доминикане. В Бразилии сложился свой особый культ вуду, называемый кандомбле.

Получается, что и здесь сдвиг в историческом диапазоне, который я знаю. По времени этой религии ещё не должно существовать. Этот культ появился в штате Байя в первой половине девятнадцатого века.

Если предположить, что всё же шаманов культа привозили вместе с рабами, то вполне естественно, что он появился с первыми африканцами на бразильской земле. А, как мощный культ, сформировалась только через два века. Единственное, что не меняется в моей голове, так это то, что кандомбле, это тоже магия и колдовство.

Значит, я всё-таки ошиблась, и старуха назвала какое-то другое имя, а не барона Субботы, так как он всё-таки характерен для гаитянского вуду.

Мне очень хочется поговорить с ней, чтобы разобраться в бразильской ветке культа, но время не ждёт и нужно вытаскивать Фернандо.

Я читала, что с того света возвращаются другие люди и что на самом деле колдуны вуду не могут вернуть человека к жизни, и чтобы обмануть безутешных родственников вселяют туда потусторонних духов.

Я делюсь своими опасениями со старухой, а в ответ получаю смех, больше похожий на карканье вороны.

— Управляющий ещё не мёртв, возвращать нечего, его душа пока находится в его теле, — говорит она, резко обрывая хохот.

Вот уж не думала, что смех может так пугать. Страх холодит мои конечности, я осторожно присаживаюсь на стул. Когда же, наконец, закончатся мои испытания?

— Даже с возвращением мужа, твои испытания не закончатся, — говорит она мне и заговорщицки подмигивает. — Не смотри на меня так, девушка из другого времени. Ты пришла, чтобы изменить этот мир.

Я думала, что до этого испытывала страх, но как же я ошибалась. Настоящий, животный ужас лишаящий способности двигаться и думать поглотил меня сейчас. Как загипнотизированная смотрю я на веселящуюся старуху и, кроме, неё никого не вижу. Мир перестал существовать, я нахожусь в какой-то вязкой путине и перестаю дышать.

— Она очнётся, — прихожу я в себя от похлопываний по лицу, — белые женщины такие слабые.

Тихий голос старухи разрывает мозг. Я в панике рефлекторно сжимаюсь, закрывая голову и подтягивая ноги к животу.

— Я знаю, что ты уже очнулась, — толкает меня пальцем в плечо матушка Аледжо, — так и будешь валяться или всё-таки начнём спасать белого мужчину.

Она нависает надо мной хищной птицей и моё сердечно испуганно трепещет.

— Так, мне нельзя же, вы сами сказали, — удивляюсь, как беспомощно звучит мой голос и с каким трудом даются слова.

Неужели это я так могу говорить? Неуверенно, дрожа от страха. Куда делась уверенная в себе женщина двадцать первого века? Неужели колдовство настолько сильно, что заставило и меня панически бояться ведьму.

— Тебе нельзя, но приказать-то, ты должна, — она помогает встать мне на ноги, а меня шатает из стороны в сторону. — Мне нужен чёрный петух, чёрный баран, чёрная свинья. Всё остальное у меня есть. Ещё нужны четверо неболтливых рабов, чтобы его отнести к ближайшей роще.

Она показывает пальцем на Фернандо. Я могу только кивать, что я и делаю, голос куда-то пропал. Я сделаю всё, что она просит, не задавая лишних вопросов.

Матушка Аледжо сильна и это не физическая сила, к которой так любят прибегать испокон веков, и даже не сила духа. Это нечто большее, как будто она повелевает временем и пространством и в её власти оставить жить либо позволить умереть.

— Пойди скажи, что нужно приготовить, — говорю я, немного приходя в себя. — Скажи, что мой приказ.

Раб выскакивает за дверь, оставляя её открытой, старуха же её закрывает.

— Что ты хотела спросить? — прокаркала она, усаживаясь прямо на пол напротив меня.

Мне бы самой подняться, вот только сил почти нет и мне так хорошо сидеть, прислонившись спиной к стене.

— Почему я оказалась здесь? — задаю я самый волнующий меня вопрос.

— Не знаю почему, — говорит она на своей смеси португальского и неизвестного мне диалекта, размахивая руками, как ветряная мельница, — ты должна была оказаться здесь. Тебя позвал мужчина, и ты пришла на его зов. Ты ему нужна, чтобы выполнить своё предназначение.

Неужели это всё-таки проделки Мигеля? Хотя такой ответственный поступок не назовёшь проделкой.

— Откуда вы знаете, что я из другого мира? — с опаской спрашиваю я.

Господи, как страшно-то! Если она знает, что меня призвали в этот мир, то её возможности... как бы это сказать, не могу подобрать нужного слова. Безграничны, пожалуй, подойдёт.

И это такая абсолютнейшая власть, которой не обладают даже короли и президенты.

— Матушка Аледжо много чего знает, — говорит о себе в третьем лице старуха. —

Белым этого не понять.

Я борюсь с рациональной частью мозга, который утверждает, что такого просто не может быть. Никто не знает прошлого и будущего. Другая же часть того самого мозга вопит, что нужно расспросить её обо всём, что волнует. Две любопытных половинки во мне учёного и женщины, каждая по-своему, но всё же примирившись решают расспросить колдунью.

Она словно чувствует, что сейчас происходит со мной:

— Ты можешь спросить всё, что тебя волнует.

— Этот мужчина, которому я должна помочь Мигель?

Она задумывается на мгновение, словно сверяя свои ощущения с барометром вселенной, и кивает.

— Вы же сказали, что я призвана изменить мир, — уточняю я, правильно ли я её поняла.

— Ты способна на многое, — говорит она, — но только через мужчину.

Из груди вырывается разочарованный вздох. Мир невозможно изменить в ключевых вопросах.

— Всё, что ты делаешь или задумала сделать тебе во благо, — утешает она меня, — но помни, что ты слабая женщина. Твой муж из тех мужчин, которые могут перевернуть мир за одну твою улыбку.

Мне приятно слышать от неё такие слова. Я терзалась по поводу наших отношений с Мигелем, точнее, их отсутствия.

— Мигель вернётся? — спрашиваю я её, прежде чем успеваю подумать, что она уже ответила на этот вопрос и исправляюсь. — Скоро он вернётся?

— Вернётся, когда этот мужчина начнёт выздоравливать, — уверенно говорит матушка Аледжо, и я ей верю. — Вас ждут сложные времена.

Опять! Когда кто-нибудь скажет, а дальше у тебя не жизнь, а сказка. Ни от кого не слышала, только все пугают.

— С ребёнком будет всё в порядке? Он родится? — беспокоюсь я о ребёнке, хотя не до конца верю, что беременна.

— Родится у тебя мальчик, здоровый, умный и красивый, — успокаивает меня она.

Ладно, сложные так сложные. Когда легко-то было? Главное, что Мигель вернётся и ребёнок родится здоровый, а остальное я переживу. Мы с Мигелем переживём.

— Хозяйка, — скребётся в дверь раб, не смея даже заглянуть. Вот насколько сильно сидит в них страх перед матушкой Аледжо, — всё готово.

— Заходи, Сэм, — отдаёт распоряжение рабыня, как хозяйка. — Поднимайте белого и несите в рощу. Туда же гоните скот.

Я встаю, чтобы проследовать за ней, но колдунья меня останавливает:

— Иди приляг, я пришлю с Сарой питьё, и ты поспишь.

— Но я не хочу спать, мне ещё столько предстоит сделать, — начинаю я.

— Вот именно поэтому тебе и нужно поспать, — говорит она строгим тоном. — Твой мужчина останется у меня, я присмотрю за ним до выздоровления.

Дона Смита совершенно не интересовало самочувствие управляющего. Я его всё реже видела в усадьбе, где он пропадает, поверенный не сообщал, отделиваясь улыбками и обтекаемыми фразами.

Я же часто пропадала у матушки Аледжо. Она носилась со мной, как курица с яйцом. Она готовила мне питьё, которое снимало ненадолго тошноту, мучавшую меня уже на протяжении месяца.

Мы с ней много разговаривали сидя у постели управляющего, мне удалось её расспросить почти обо всём, что меня волновало.

— Матушка Аледжо, ты всё знаешь, скажи, кто хотел убить Фернандо, — спрашиваю её я.

— Это не твоё дело, пускай мужчины этим занимаются, — отвечает она, а я скептически поджимаю губы. — Не кривись, защищать свой дом, свою женщину, своих детей дело мужчин. Дело женщины дать мужчине то, что он захочет защищать. Не отнимай у своего мужчины этого права.

— Но, как же так, Фернандо ещё слишком слаб, чтобы заниматься расследованием, — настаиваю я.

Ведьме удалось вырвать Фернандо из объятий смерти, но на то, чтобы он пришёл в себя, потребовалось несколько дней. А уж для того, чтобы начал вставать и того больше, мы выхаживали его полтора месяца.

Я навещала его каждый день, и первое, что он сделал, когда открыл глаза— запретил мне выходить, даже с охраной. Гулять приказал в портике дома, по вечерам, когда видимость плохая.

Каждый мой визит начинался и заканчивался одинаково:

— Обещайте мне, что не высунете носа во двор, хотя бы до возвращения дона Мигеля, — умоляюще смотрел он на меня.

— Даю слово, — успокаиваю его я и твёрдо держу обещание, но даже не ради Фернандо, а ради своего малыша.

Какое счастье, что у меня будет ребёнок, только ради этого стоило попасть в этот мир. Каждое утро, я благодарю бога и Егорушкина за предоставленный второй шанс.

— Ты не должна лезть в это дело, — грубо произносит колдунья, — твой мужчина разберётся в этом.

— Почему ты называешь управляющего мужа, моим мужчиной? — интересуюсь я, понимая, что колдунья ничего не говорит просто так.

— А разве это не так? — лукаво улыбается матушка Аледжо.

— Нет, конечно, — возмущаюсь я. — Ещё не хватало, чтобы мой муж поверил такую сплетню.

— Твой муж не слушает сплетни, он обладает знанием, не ведомым даже мне, — говорит колдунья. — Он сам разберётся, кто чей мужчина, и кто кому помогал.

Я краснею от таких намёков, что я слишком забочусь о Фернандо. Вот только он оставался фанатично преданным Мигелю.

То, что на плантациях всё было спокойно и шло своим чередом, сахарный тростник собрали, переработали на заводе в сахар и отправили в Европу полностью заслуга

управляющего. Даже будучи смертельно раненным, он не забывает об интересах фазенды. У него царит жёсткая дисциплина.

За всей этой производственной вакханалией он следит со своей больничной койки. Стоило управляющему прийти в себя, как он потребовал от надсмотрщиков ежедневно приходить и отчитываться. Сначала роптали, а потом привыкли. За полтора месяца втянулись настолько, что стали, как малые дети бегать уточнять у него каждый чих.

Даже Изаура и мои работники подчиняются ему. Сказал управляющий, чтобы все работы проводили во дворе и меня не привлекали, так и происходит. А я даже возмущаться не хочу.

Токсикоз мучит не только по утрам. Самое страшное, что меня тошнит от запаха земли и ещё поэтому не могу заниматься своей плантацией. Удивительный ребёнок у меня, защищает мамочку ещё не родившись.

В тот трагический день, когда пытались убить Фернандо, я готовила на подворье грунт для посадки и замочила зёрна кофе, чтобы они проросли.

Проросшие семена высаживает в грунт уже Изаура в специально отведённом месте во дворе усадьбы. Работы настолько много, что мы едва видимся. Черенки кофе она с командой высаживает уже на плантации. Оттого что я не вижу, какие деревья она сажает и правильно ли меня, как червь дерево подтачивает беспокойство.

Сиюю возле открытого окна, дышу свежим воздухом и жду, когда придёт Изаура, чтобы рассказать, как прошла посадка черенков в этот день. Я записываю, когда и где они произвели высадку, жаль, что никто посчитать не может количество.

Сара теперь стала моей тенью. Кормит меня, готовит напитки по рецептам матушки Аледжо, следит за моим самочувствием. Я подозреваю, что сводку она передаёт управляющему и колдунье. А мне, порой даже спорить не хочется. Я стала быстро уставать, и всё время хотелось спать.

Да, беременность плохо повлияла на моё желание работать. Учитывая, что все только и делали, что брали на себя мои обязанности, я сосредоточилась на ребёнке.

Как только Фернандо узнал, что я жду малыша, он окружил меня такой заботой, какой не все мужья окружают жён. Может быть, поэтому матушка Аледжо считает его моим мужчиной, а не Мигеля.

А я вот тоскую без мужа и опасаясь его появления одновременно. Тоскую потому, что моё тело тянет в его объятия, а боюсь потому, что я его совсем не знаю. Сложно предугадать его реакцию на беременность жены. Мало ли что он может подумать.

Фернандо сказал, что ждать его домой нужно не раньше, чем через месяц, я же отношусь к этому, как к отложенной казни. Лучше бы сразу узнать его реакцию на ребёнка.

Для себя я давно решила, что никому не позволю лишить меня моего малыша. Он прежде всего мой, и только потом Мигеля. Пусть сначала заслужит называться папой.

Раздумывая, пью молоко с мёдом, непроизвольно поглаживая уже заметный животик. В последнее время я стала плаксивой и раздражительной.

— Как вы себя чувствуете, хозяйка? — спрашивает Сара, которая три раза в день отчитывается перед управляющим о моём самочувствии.

— Мне бы тоже хотелось узнать, как себя чувствует хозяйка, — раздаётся от двери мужской голос.

Я медленно, словно под гипнозом поворачиваюсь и встречаюсь со взглядом того, кого так долго ждала.

Мигель! Вернулся! Живой!

Срываюсь и бегу к нему, но на полпути останавливаюсь. Он не сделал мне навстречу ни шага. Жду его ответной реакции.

Правильно поняв моё замешательство, он в несколько шагов преодолевает оставшееся расстояние и сгребает меня в объятия.

Он касается губами моих губ. Поднимает меня под попку и усаживает себе на бёдра. Я цепляюсь за него ногами и руками, чтобы не упасть. Мигель одной рукой ласкает мою попку. От его прикосновений кожа горит огнём даже сквозь ткань. Второй рукой удерживая меня за затылок яростно целует.

— Как же я скучал по тебе, — возбуждённо шепчет он мне на ухо, — сколько раз представлял нашу встречу после долгой разлуки.

Он нежно целует меня в губы, и тело отзывается на него проснувшимся желанием.

— Пойдём, ты мне покажешь, что изменилось у нас в спальне, — ласково покусывая мочку уха, шепчет он.

— Там всё по-старому, — глупо отвечаю я, прекрасно понимая о чём он. Мигель закрывает мне рот поцелуем, с упоением исследуя его.

Не отрываясь от моих губ, он садит меня к себе на бёдра и несёт меня к нам в комнату. Он часто останавливается, слегка запрокидывая мою голову назад, и покрывает шею жадными поцелуями. От уха по шее и до ключицы, возвращаясь, он прикусывает мочку уха. У меня по телу разливается тепло, скручиваясь внизу живота в тугую тянущий узел.

— В море я вспоминал каждую чёрточку твоего лица, — хрипло произносит он между поцелуями. — Мечтал, как я буду ласкать тебя, любоваться обнажённым телом. О, Тори, реальность прекраснее любой моей самой смелой мечты.

В голове не остаётся ни одной мысли. Я провожу рукой по его голове, пальцы запутываются в его длинных волосах. Мигель, распахивая дверь в спальню ногой опускает меня на пол и закрывает дверь на замок.

Мигель берёт мою руку и по очереди целует кончики пальцев, а потом берёт их в рот медленно и с удовольствием посасывая их. Жаркая волна возбуждения охватывает меня. Я хватаю его за голову, чтобы притянуть и поцеловать. Мне необходимо завладеть его губами. Он чувствует моё желание, впиваясь в губы страстным поцелуем.

Он больше не сдерживается. Стягивая с меня платье, покрывает каждый кусочек моего тела жаркими поцелуями, от которых плавится кожа.

Как же мне он сейчас нужен. Хочу ощущать его кожу, чувствовать её вкус. Не в силах больше ждать, я стаскиваю с него камзол. Провожу рукой по мускулистому торсу, не скрывая восхищённого взгляда. Ему бы в кино спецназовцев играть. Легко касаясь пальцами кожи, спускаюсь к кубикам пресса. Расстёгиваю ремень.

Мигель останавливает меня, резко подхватывая меня под попку, садит к себе на бёдра и несёт к кровати. Всё ещё не прерывая поцелуй, кладёт меня на широкую постель. Я чувствую, как напряглись его руки.

Он покрывает поцелуями лицо, шею, ключицы, спускается к груди. Одежда только

мешает нам. Мигель ловким движением стягивает с себя брюки, снимает с меня сорочку и застывает. Взгляд устремлён на мой слегка округлившийся животик.

Его глаза темнеют, ноздри раздуваются, а челюсти сжимаются, сейчас он похож на разъярённого пиками пикадоров быка на корриде. Чего от него ожидать? Восторга от того, что он станет отцом или беспочвенные подозрения? Возбуждение медленно угасает, как ночная звезда с появлением солнца.

Мигель осторожно кладёт руку на мой животик, прикрывая глаза, замирает. Я боюсь даже дышать, не понимая, что он творит, но попавшая под очарование этого простого жеста.

— Сыновья, — расплывается он в довольной улыбке, — спасибо тебе за них.

— Что? — ошеломлённо спрашиваю я. — Откуда ты знаешь?

Мигель сейчас похож на человека, который случайно проболтался.

— Я не знаю, — отрещивается он от своих слов, — мне бы так хотелось. Не думал я, что, когда вернусь, ты уже будешь в положении.

— Ты бы ещё дольше плавал, и я бы встретила тебя с ребёнком на руках, — бурчу я больше для порядка.

— Тори, хватит пререкаться с мужем, так-то ты встречаешь меня после долгой дороги, — улыбаясь, произносит он. Видимо, новость о том, что он будет отцом, подняло ему настроение, — неужели у нас нет занятий поинтереснее.

Он разворачивает меня, прижимая спиной к своей груди. Кладёт руки на грудь, лаская ставшие такими чувствительными полушария моей груди. Его ладони скользят вниз, оставляя раскалённой кожу бёдер. Я, не в силах сдерживаться, трусь бёдрами о его восставшую плоть.

Я смотрю на него осоловевшими глазами. Во рту пересохло. Тело отяжелело от ласк, тепло внизу живота, свернувшееся в тугую и болезненный узел требует разрядки.

Внезапно одним ловким сильным движением, он поднимает меня, усаживая сверху на свои бёдра, слегка раскачивая меня. Задав нужный ритм, Мигель возвращается к исследованию моего тела, уделяя больше внимания моим слегка увеличившимся полушариям.

Наши чувства оголены, как электроды, чуть-чуть и будет короткое замыкание. Неудовлетворённое возбуждение требует немедленного выхода.

— Боже, я мечтал об этом, лёжа долгими ночами в каюте, — возбуждённо произносит он. Из его груди вырываются довольные стоны.

Я медленно, дразня его, провожу язычком по контуру его ушей, слегка прикусывая мочку. Не отрывая взгляда от его горящих желанием глаз, начинаю раскачиваться, ускоряя ритм этого древнего, как мир танца и уношусь вместе с ним в безумстве страсти на самую вершину наслаждения.

Я не сплю, нахожусь в том сладком состоянии дрёмы, когда ощущаю сильные руки Мигеля, прижимающие меня к груди, но в то же время витаю в мечтах, как в облаках.

Стук в дверь грубо возвращает меня к реальности. Мигель что-то сонно бубнит лишь, сильнее стискивая меня в объятиях.

— Дон Мигель, вас спрашивают, — будит мужа голос рабыни из-за двери.

Мигель издаёт рык, поразительно похожий на медвежий и недовольно открывает глаза.

Меня посещает дежавю. Точно так же несколько месяцев Мигель уходил в плавание.

— Что опять? — беспокоюсь спрашиваю я мужа.

— Нет, не опять, я же обещал, что никуда больше не уеду, — легонько, словно прикосновение крыла бабочки, он целует меня в губы.

Интересно, кто его так срочно требует? И значит, что-то важное, раз Мигель так быстро собирается.

— Так кто тебя зовёт? — обеспокоенно спрашиваю я.

— Фернандо ждёт в столовой, — ошарашивает меня муж. — Хочет рассказать, как он справлялся с фазендой.

Посмотрите, какой важный, а Фернандо дундук, так и хочется стукнуть его по голове. Ну, скажите, с какого перепуга нестись сломя голову едва начав передвигаться?

— Так, он же ещё очень слаб, нельзя ему столько ходить и сидеть, — обеспокоенно, как курица-наседка, квохчу я. — Его же почти два месяца выхаживали, а он хочет себя угробить.

Я соскакиваю с постели и начинаю натягивать на себя одежду.

— Помоги, — прошу я Мигеля, повернувшись к нему спиной и перекинув волосы себе на грудь, освобождая доступ к шнуровке платья. — Зашнуруй платье.

Муж терпеливо помогает мне одеться, но уже даже по тому, как он поправляет мне платье, я понимаю, что Мигель очень недоволен.

Запретит идти с ним? А мне необходимо услышать, что расскажет Фернандо. Наверняка у него уже есть версии, кто мог совершить нападения и больше, чем уверена, он считает, что это дон Смит. Этот славный безобидный толстячок, который так стремится быть мне полезным. Джон Смит заменил мне отца, и я решительно отказываюсь считать его преступником.

— А куда это ты так спешишь, что даже не ждёшь горничную, чтобы одеться нормально, — тщательно скрывая раздражение, которое всё же проскальзывает в голосе, спрашивает Мигель.

— Я хочу пойти с тобой, — разворачиваясь к нему лицом, улыбаюсь я.

— Это исключено, — жёстко говорит Мигель и моя улыбка медленно сползает с лица, словно надеясь, что он одумается. — Это мужской разговор, а тебе следует заняться своим огородом, я привёз тебе саженцы кофейного дерева.

Медленно дышу, чтобы не сорваться. Обычно я очень бурно реагирую на дискриминацию по половому признаку, но тут даже не знают, что это такое. Принцип их жизни: «мир женщины — это её муж, её семья, её дети и её дом».

— Мигель, я уже засадила кофейными деревьями три плантации, — с гордостью говорю я. — Мы собрали и обработали около ста мешков кофе для продажи в Европу.

В его глазах вспыхивает любопытство, но с истинно мужским превосходством Мигель

говорит:

— Это так интересно, расскажешь о своей игрушке потом.

Господи, дай мне сил, чтобы не сорваться и не закатить скандал. А так хочется!

— Это не игрушки, Мигель, это будущее Бразилии, — глубоко вдохнув, чтобы сохранить спокойствие говорю ему я. — Сахар, кофе и золото сделают богачом любого, кто раньше займётся разработкой этих направлений.

— Тори, потом поделишься со мной своими фантазиями, а сейчас мне пора. Фернандо заждался, а ему ты, сама говоришь, нельзя долго ждать.

Мигель захлопывает дверь перед моим носом.

— Напыщенный, самодовольный индюк, — наконец-то я могу выпустить пар, и в эмоциональном порыве я запускаю туфлей в стену.

Вот чьё тут выдержит терпение? Как бороться с этим мужским «превосходством»?

Так, нужно успокоиться и как бы это ни звучало, но пойти подслушивать. Засунуть свои интеллигентские привычки куда подальше и отправляться дышать свежим воздухом под окно кабинета мужа.

Собираю волосы в хвост, перетягивая его лентой. Надеваю лёгкие тапочки, подаренные Мигелем. В них так удобно незаметно передвигаться по дому.

Осторожно открываю дверь, чтобы она не скрипела, выскальзываю в коридор. В коридоре на полке не глядя беру первую попавшуюся книгу. До лавочки, расположенной возле кабинета мужа, я добираюсь без приключений и устраиваюсь, якобы читать.

— Это не первый такой случай, Мигель, — чтобы услышать слабый голос Фернандо, мне пришлось хорошенько напрячь слух. — Тори несколько раз пытались убить.

— Зачем я тебя оставил на фазенде? — голос мужа почему-то слишком холоден. Фернандо не заслуживает такого тона. — Чтобы ты соблазнил мою женщину?

Я закрываю рот руками, чтобы не заорать: что за вздор ты несёшь?

— Если ты такой ревнивый и недоверчивый надо было брать её с собой, — спокойно говорит Фернандо. — Если бы не моё ранение, я бы ударил тебя Мигель. Как ты вообще мог подумать такое про свою жену?

Вижу, как муж подходит к окну, я перебегаю на другую сторону, вжимаясь в стену дома, чтобы он меня не заметил.

— Про жену я как раз ничего плохого не думаю, — отвечает ему Мигель. — Я знаю, что она чиста передо мной и скоро подарит мне сыновей.

Слышу, как облегчённо вздыхает Фернандо и у меня отлегает от сердца. Слава богу, что меня ни в чём не подозревает.

— Ты знаешь мои способности, и тебя я не могу назвать другом, — продолжает Мигель. — Ты же имеешь наглость любить мою жену. Завтра же покинешь фазенду.

Я поражённо замираю. Как же я сама не заметила? А ещё говорят, что женщины чувствуют, когда мужчина влюблён. Я же проморгала особое отношение управляющего, списав его на заботу о жене друга и хозяина.

— Почему завтра? Давай уже сегодня, на ночь глядя, чтобы окончательно добить меня.

Я рванулась было, чтобы высказать Мигелю всё, что думаю о его эгоистичном поступке, замираю.

Появиться в ту минуту, это значит дать понять, что я слышала признание Фернандо. Я не готова. Это значит, что ему нужно что-то ответить, а я не знаю что.

Его признание производит для меня эффект разорвавшейся бомбы. Причём я нахожусь в эпицентре взрыва.

Никогда не рассматривала Фернандо, как мужчину. Он для меня друг, старший брат, но никак не любимый. Вот что имела в виду старая ведьма, когда повторяла, что он «мой мужчина».

Защищать его сейчас, признать, что Фернандо для меня, значит, больше, чем просто управляющий.

Господи, как же всё стало запутано с приездом Мигеля! Он мастер создавать проблемы себе и окружающим. Права была и в этом колдунья, что трудности у нас только начинаются.

Жить с ревнивцем очень сложно, развестись мы уже не сможем. Мигель, мало того что католик, так ещё и испанский гранд, а они не признают разводы.

— Уйдёшь завтра утром, — разъярённо шипит мой муж. — Тори и так слишком о тебе переживает. В её положении вредно нервничать.

Слышу, как хмыкает Фернандо. Я хорошо знаю, что он имеет ввиду, не первый день знакомы.

— А если я просто исчезну, то она не будет беспокоиться, по-твоему? — Спрашивает управляющий или уже бывший управляющий.

Он никогда не кричит, не выходит из себя, ледяная, непрошибаемая маска спокойствия. Вот и сейчас ни по голосу, ни я уверена по лицу, непонятно о чём думает Фернандо.

— Забудет, я об этом позабочусь, — многозначительно произносит Мигель.

Мне не нравится, что муж не считается с моим мнением. Неужели он думает, что я настолько безразлична к людям, что даже не вспомню о том, кто мне столько помогал.

— Ты её не знаешь...

— Зато ты слишком хорошо успел узнать, — ревниво обрывает его Мигель.

Фернандо не реагирует на провокацию моего мужа, зато очень сильно реагирую я до боли в груди, до трясучки. Как можно, не разобравшись вышвырнуть того, кто верен тебе до последнего вздоха?

Да, Фернандо даже взглядом не показывал мне, что относится ко мне как-то по-иному, чем к жене друга, хозяйке плантации.

— Мигель, не сходи с ума, — слишком спокойно произносит управляющий, а у меня мелькает мысль, что может муж ошибся насчёт любви, — я никогда ни словом, ни делом не давал понять, что что-то чувствую к ней, кроме уважения. Твоя жена ни из тех женщин, которые благосклонно будут выслушивать признания от других мужчин.

— В этом ты прав, Тори не такая, — уверенно произносит Мигель.

— Тогда в чём дело? Ты настолько не уверен в себе, что решил от меня избавиться? — флегматично, словно ему всё равно спрашивает Фернандо.

Этими вопросами он выкопал себе могилу, образно говоря, конечно. Не думаю, что Мигель решится на убийство друга, но вот избавится теперь от него точно.

— Дело в том, что о вас судачат даже рабы, — говорит Мигель страшные вещи.

Мало воздуха, резко становится трудно дышать. Сердце сдавливает стальным обручем. Я сжимаюсь в комок под окном и дрожу всем телом. И хотя считаю себя атеисткой, начинаю молиться. Не о своём благополучии, а о том, чтобы Фернандо остался жив и желательно здоров.

Мигель не из тех мужчин, которые делятся тем, что принадлежит им по праву. Он не позволит никому делать из него посмешище, так что Фернандо ещё повезло, что Мигель предложил ему просто уехать. То, что он остался, грозит ещё большими неприятностями.

— Ты приехал сегодня днём и сразу заперся в спальне с женой, но уже знаешь, о чём сплетничают слуги и рабы, — спокойно рассуждает управляющий. — Вернулся ты тоже раньше, чем должен был.

Многое я бы отдала, чтобы посмотреть на лица мужчин во время всего этого разговора. Мне интересно, как реагирует Мигель. Фернандо я уже успела изучить и по его лицу вряд ли что прочтёшь интересное.

— К чему ты клонишь? — недоверчиво спрашивает Мигель.

— Посуди сам. Ты уезжаешь на следующий день после свадьбы, оставляя молодую жену совсем одну. Через несколько дней её попытались убить, но, видимо, она очень нужна здесь, на земле, что господь не прибрал её тогда, — рассказывает Фернандо и я слышу, как Мигель мечется по кабинету.

— Я запер её в усадьбе, приставив охранников, — продолжает Фернандо, — но и тут её пытались несколько раз отравить.

Вот об этом я не знала. Почему он мне ничего не сказал, что меня планомерно травили? Потому и не сказал, что любит и оберегает даже тогда, когда ты об этом не знаешь. Слёзы наворачиваются на глаза. Как жаль, что он не мой муж, впервые за всё это время пожалела я.

Нет, Тори, даже думать не смей, это всё гормоны разыгрались.

— И в последний раз пытались убить во дворе, тогда я уже ничего не смог сделать, кроме как закрыть её собой. Об этом тебе не сказали?

Не знаю, выглядит ли Мигель пристыжённым, но мне стыдно. Стыдно за себя, что не знала обо всём этом и за мужа, который поверил наветам не разобравшись.

— Об этом не сказали, — выдавливает из себя Мигель.

— Я уеду, завтра же, — говорит управляющий, — с Тори прощаться не буду. Теперь ты приехал, и её защита ложится на твои плечи.

Я не хочу, чтобы он уезжал. Что за несправедливость такая? Мигель — чёртов эгоист, останови его. Слышишь? Останови!

Но он меня не слышит и соглашается с дурацким решением управляющего:

— Это правильный поступок, Фернандо. Не крутись у меня под ногами.

Глава 43. Мигель

Фернандо смотрит на меня с равнодушным видом, но я-то понимаю, что он испытывает. Я сейчас чувствую то же самое.

Зачем? Ну зачем он признался?

Моя душа разрывается от противоречивых чувств. Многолетняя дружба схлестнулась в кровавой схватке с ревностью.

Ещё до того, как я вернулся в усадьбу получил анонимное письмо о том, что моя жена изменяет мне с управляющим и даже ждёт ребёнка от него.

Я не поверил. Фернандо скорее согласится отрубить себе руку, но никогда не предаст меня. Особенно так подло.

Вернувшись домой, я увидел, что Тори чиста, как снег в Альпах и дети, которых она носит мои.

Тот, кто хотел уничтожить мою жену и Фернандо заодно, не знал, что я со своим даром могу определить ложь.

Мне никто не лгал, но и отношение жены к Фернандо далеки от равнодушных. Она переживает, беспокоится за него и это разъедает мне душу, словно ржавчина.

Больно оттого, что он, а не я первым узнал о беременности. Он, а не я поддерживал, помогал и защищал её, пока я был в отъезде.

Чувства на сей раз не поддаются разуму. Не могу смотреть на своего старого друга, боюсь, что сорвусь.

Как же меня бесит эта тяга к ней, к женщине, которая волей случая стала моей женой. Женщина, которая не даёт мне покоя даже вдали от меня. Женщина, которая пробралась мне под кожу и растворилась, словно яд, в крови отравляя её.

Когда я увидел её после долгой разлуки, боролся с желанием подчинить себе. Заставить смотреть только на меня. Видеть только меня. Желать только меня. Выкинуть из головы Фернандо, словно его и не существовало.

Я желаю её до безумия. До дрожи в руках. Эти два месяца плавания были самыми долгими в моей жизни. Я никого не хотел только её. Сходя с ума от желания, я долгими ночами представлял, как буду любить её целыми сутками напролёт. Как будут темнеть от желания её глаза. С какой страстью она будет отдаваться мне раз за разом.

Мои мечты стали явью, отравленной ядом ревности. Лучший друг, которому я доверял, как самому себе посмел полюбить мою жену.

Самое ужасное, что я понимаю его чувства. Тори нельзя не любить. Она словно малярийный воздух болот, проникает в лёгкие, заставляя гореть, как в лихорадке. Она моя страсть, моя жизнь, моё искушение.

Сколько ещё сможет продержаться Фернандо, горя на костре ревности каждый день. Видя, как та, что стала смыслом твоей жизни, уходит с другим.

Каждую ночь, пить стоны своей любимой, которые она дарит не тебе. Смотреть, как её ласкает другой мужчина.

На сколько его хватит? Меня бы хватило не надолго.

Любовь и ревность самые тяжёлые испытания для дружбы. Я не хочу терять друга, как и не желаю, чтобы он любил мою жену. Чувствам не прикажешь, но мириться с подобным я не стану.

— Помнишь землю, которую я прикупил по случаю в районе Ору-Прету по совету адама, одного из бандейрантов, — спрашиваю я у Фернандо, — ту, которая в горах на территории Минас-Жерайс.

Фернандо кивает, а я продолжаю:

— Мне сказал один человек, что там обнаружили золото. Надо бы взять рабов, которых я привёз и отправиться на разработки. Поможешь мне там?

— А у меня есть выбор? — равнодушно произносит Фернандо. Только его глаза говорят о том, что в душе его бушует буря.

— Пойми, друг, — кладу ему руку на плечо, — мы не можем быть рядом, как раньше. Твоя любовь к моей жене развела нас в разные стороны.

— Так поезжай сам и займись добычей золота на *своем* участке, *друг* — иронично выделяя голосом важные для него слова, произносит Фернандо, сжимая кулаки с такой силой, что белеют костяшки пальцев. Только этим жестом он выдаёт, что его волнует отъезд.

— А ты останешься здесь, чтобы увиваться за моей женой? — отказывают мне остатки разума.

Как только представлю их вместе, так хочется убивать всех, кто попадётся под руку, ну, а Фернандо вообще придушить своими руками.

Ревность ядовитой змеёй жалит меня в сердце снова и снова.

— Нет, я уеду, как и обещал, — говорит внешне невозмутимый Фернандо. — Пора мне выходить из твоей тени и начать свою жизнь. Поеду в Ору-Прету и куплю себе там участок. Добуду золото и куплю плантацию.

— Для чего тебе это? — подозрительно спрашиваю я. — Ты никогда не хотел связывать себя имуществом.

Неужели его планы изменились из-за моей жены? Похоже, пока Фернандо рядом я не обрету покоя.

— Твоя жена заразила меня идеей кофейной плантации. Мы много разговаривали с ней о возможности разбогатеть, и она дала мне множество ценных советов, — словно испытывая моё терпение, рассказывает мой друг или теперь правильно говорит соперник? — Я всё записывал и теперь у меня есть цель, идея, осталось только получить возможности.

Ревность снова разгорается во мне, как лесной пожар, сжигая здравый смысл, дружбу, благородство. Я еле сдерживаюсь, чтобы не ударить Фернандо, тем самым поставив жирную точку в нашей дружбе.

Ярость душит меня. Рано или поздно ревность заставит меня выступить против друга. Как я до сих пор держусь, не знаю.

А он, видя мои душевные терзания, словно испытывая меня на прочность снова и снова рассказывает, как умна моя жена.

Ни разу он не отметил её красоту и манкость, он говорит только об уме и её способностях. А это опасный признак.

Когда влюбляешься в красоту, то её легко заменить на другую, но когда любишь женщину за ум, то выбраться из этой вязкой трясины невозможно.

Похоже, что не один я по самую макушку увяз в любви к Виктории, Фернандо тоже одержим ею, но по-своему.

Нет, нам не жить вместе, это точно. От друга надо избавляться любой ценой. Да, кажется, что он и сам не прочь избавиться от меня. У меня всё же есть весомое преимущество — я законный муж Тори, а он всего лишь управляющий моей плантации.

Что ж посмотрим, кто кого.

Глава 44. Фернандо

Мигель, как с цепи сорвался, кидается на меня, того и гляди сорвётся и устроит драку, как тогда на палубе корабля, когда мы познакомились. Тогда мы оба выбились из сил, но никто не взял вверх, зато сейчас Мигелю подфартило.

Моя беда, но не вина, что я люблю жену друга. Я чётко понимаю, что женщина друга табу. Я не рассчитываю на близость, но никто не запретит мне любить её.

Чёрт подери, да, чего он такой ревнивый-то, у меня с его женой даже намёка на флирт не было.

Держи себя в руках, Фернандо, ради Тори, да, ради себя, наконец.

Бедная брошенная девочка. Сколько же она пережила в своей жизни и сколько ещё придётся хлебнуть горя, один бог знает.

Когда я увидел её в первый раз, то даже не обратил внимания. Единственное чувство, которое я испытывал к ней тогда — презрение. Разве может порядочная девушка согласиться с тем, что её как наложницу восточного паши будут разыгрывать в карты. Я считал, что она не заслуживает ни моего внимания, ни уважения.

Да, ещё эта дурацкая привязанность к дону Смиту до сих пор выводит меня из себя.

Я помню ту минуту, когда с уважением посмотрел на неё. Это было, после того как я нашёл её на берегу ручья и вместо того, чтобы биться в истерике оттого, что лошадь понесла, она изучала растения.

Потрясение от её необычного для женщины поведения заставило меня взглянуть на неё с другой стороны.

Бог мой, лучше бы я её продолжал презирать.

Тогда бы я не видел, какая она необыкновенная. Красивая. Умная. Бесстрашная. Справедливая.

Через некоторое время у меня появилось любопытство, которое окончательно меня сгубило. Она так много знала и умела применять свои знания.

В ней определённо есть загадка. Монахи научили её разбивать плантации. Могу поставить своё готовое жалованье против дырявой шляпы Мигеля, что монахини здесь ни при чём. Какую-то тайну скрывает моя любимая Тори.

То, что она стала женой Мигеля просто счастливый случай. Он всегда был любимчиков у фортуны. Вот только понимает ли он, как же ему повезло обладать такой женщиной, как Тори.

Не могу не добавить ложку дёгтя в бочку мёда. Он должен знать, что пока он решал свои проблемы, его жену тут методично убивали.

— На твою жену пытались убить с самого твоего отъезда, — пытаюсь донести до него всю сложность ситуации. — А она ещё смогла засадить четыре плантации кофейных деревьев, собрать урожай и сбыть его в Европу.

Мой друг, наверно лучше сказать бывший. Странно, что наша дружба не выдержала проверку женщиной. Ревность, рифы о которые разбился крепкий фрегат мужской дружбы, проверенный годами, голодом и опасностями.

— Неужели ты думал, что я не знаю, кого беру в жёны? — кривая улыбка Мигеля больше похожа на волчий оскал. — Да, я любил её ещё до встречи. Она приходила ко мне во снах, и ты думаешь, что я просто так уступлю её тебе?

— Я не прошу тебя уступать, — тяжело вздыхаю я. — Не носи такое дерьмо. С какой стати я бы стал тебя просить?

Неужели он думает, что если бы мне позволили моральные принципы то, я бы дожидался его возвращения. С чего бы?

— Если бы хотел увести её у тебя, то лучшего времени, чем твоё двухмесячное отсутствие и придумать нельзя, — горько усмехаюсь я.

Интересно, сделал бы он то же самое для меня, окажись на моём месте?

Безответная любовь к жене друга всколыхнула до сели спящие желания. Поработав с ней бок о бок, я тоже захотел свою плантацию, желательнее рядом с ними. Как представляю, что смогу каждый день её видеть, так сердце прыгает в груди от радости.

А может, стоит согласиться на предложение Мигеля и уехать в Ору-Прету? С глаз долой из сердца вон. Излечусь от болезни по имени Тори, да ещё и состояние сколочу.

Надоело быть на вторых ролях, пора уже становиться хозяином своей жизни. Разве смогу я это сделать, когда всего лишь управляю его землями?

Не зря он мне сказал: «я её муж, а ты всего лишь управляющий».

Какая женщина захочет быть замужем за нищим управляющим. Каждой подавай богатого плантатора.

Но благодаря Тори я смогу разбогатеть, она вдохнула веру в себя. Окрылила надеждой. Вот только я пока лечу с одним крылом.

А может денег накопить и побороться за её любовь? Возможно, и Мигель где-то оступится. Характер у него непростой, взрывной, сначала стреляет, а потом задаёт вопросы.

Хороший стимул для движения вперёд. Нужно же во что-то верить, почему не в эту мечту? Главное — гнать от себя мысли о её и своей верности, а когда сравняюсь с Мигелем в богатстве, тогда и посмотрим.

— Я уеду, завтра же, — решительно говорю я, — с Тори прощаться не буду. Теперь ты приехал, и её защита ложится на твои плечи.

— Это правильный поступок, Фернандо. Не крутись у меня под ногами, — произносит бывший друг.

— Правильно, Мигель, — подтверждаю я его слова. — Пора мне выходить из твоей тени и начать жить свою жизнь. Поеду в Ору-Прету и застолблю себе там участок. Добуду золото и куплю плантацию.

— Думаешь, что всё так просто? — настороженно спрашивает Мигель. — Приехал и сразу накопил золота на миллионы?

— Для меня да, — пожимаю плечами. — Меня ничто не сдерживает. Ни жена, ни имущество. А очень хотелось бы сейчас такие сдерживающие факторы. Мне бы подальше от тебя, Мигель.

Ещё раз убеждаюсь, что нам не жить вместе. От этой любви нужно избавляться любой ценой. Вырвать её с корнем, с кровью, да хоть вместе с сердцем и душой.

— Прощай Мигель, — говорю я поднимаясь. Мне больше незачем здесь оставаться. — Не доверяй Смиуту, он у меня был первым подозреваемым. Всё, что мог, я сделал. Теперь жизнь любимой женщины в твоих руках.

— Фернандо, — окрикиваю его я, когда он, тяжело ступая проходит мимо меня. — Подожди немного.

Он поворачивается ко мне, и я встречаюсь с полными боли глазами. Сердце сжимается, обливаясь кровью от жалости. Вот только Фернандо не нужна моя жалость. А то, что ему нужно, я дать не могу.

Проделки судьбы, влюбилась в того, кому интересна только в постели, а тому, кому нужна я сама, увы, не люблю.

Фраза «давай останемся друзьями», сейчас только приобретает для меня свой истинный кошмарный смысл. Как можно остаться друзьями с тем, для кого ты вся жизнь? Знать, что твои отношения причиняют ему адскую боль и продолжать встречаться. Ни за что! Фернандо достоин лучшей участи: встретить, наконец, ту, что сможет полюбить.

А если ему для счастья нужны деньги (между нами, кому они не нужны), то я дам ему возможность разбогатеть.

Пришло его время. Пора работать на себя. Он, как никто, достоин счастья.

— Я хочу тебе сказать, что нам пора осваивать золотодобычу и поиск драгоценных камней, — скороговоркой говорю я, боясь, что он меня перебьёт.

Фернандо же молча слушает, опираясь на палку. Он ещё не оправился от ранения, и передвижения даются ему тяжело. Сердце опять щемит от ненужной жалости. Только бы она не отразилась на лице.

Такого сильного мужчины, как Фернандо, жалость только унижает. Как же мне хочется подойти и обнять его, прижавшись к груди сказать, что всё у нас будет хорошо.

Мы два одиночества, которые встретились не вовремя, потянулись к друг другу, но ничего не вышло из нашего взаимного притяжения.

Я замужем, он связан узами дружбы, наши обязательства перед одним и тем же человеком тяжелее рабских кандалов.

— Может, присядем? — спрашиваю я, и чтобы не обижать его добавляю, — Я не очень хорошо себя чувствую и говорить стоя не могу.

— Простите, хозяйка, но я не могу, — резко обрывает он меня, — мне пора идти.

— Не можешь, что? — ласково спрашиваю я, — Просто не можешь задержаться и послушать?

Я вижу, как он колеблется. Обещание, данное Мигелю, мешает ему. Но он держит слово. Не он разговаривает со мной, а я с ним.

Долгое общение с сотрудником правоохранительных органов, дало мне умение неукоснительно соблюдать лишь то, что просят. А люди часто неверно формулируют запреты и желания.

— Поверь мне, что информация, которую я тебе скажу, очень важна. Кричать о золоте и алмазах на весь двор, я не буду, — говорю я. — Если ты такой упрямый я позову Мигеля, и будем разговаривать при нём, а ты возвращайся в кабинет.

Фернандо ещё колеблется. Оказывается, я могу чувствовать его, как себя. Ему неприятно возвращаться к Мигелю. Между прежними друзьями пробежала чёрная кошка по имени Тори.

— Не хочешь, не заходи в кабинет, — уговариваю его я. — Присядь здесь на лавочке, я

распахну окно в кабинете и надеюсь, что тебе всё будет хорошо слышно.

Я чуть было не проболталась, что подслушивала. Но сужающимся глазам Фернандо, я догадываюсь, что он понимает, почему я так говорю.

— Выбери, как тебе будет удобнее. Я предложила три варианта на выбор.

— Я предлагаю четвёртый, — резко отвечает он. — Я уйду и этого разговора не было.

— Твоё право и твой выбор, — соглашаюсь я, — только знай, что в Ору-Прету полно золота и если застолбишь там участки, то сказочно разбогатеешь. Скоро туда начнут стекаться авантюристы всех мастей со всего света. Начнётся первая в мире «золотая лихорадка». А ты сейчас можешь захватить огромные участки для разработки.

Его лицо ничего не выражает. Как же сложно разговаривать с такими людьми, когда лицо — непроницаемая маска.

— Благодарю, донна Тори, за предсказание, — отвечает он. — Не знал, что вы тоже хотите от меня избавиться.

— Ты же сам не хочешь со мной разговаривать и проходишь мимо, — разыгрываю я для него удивление, словно и не подслушивала под окном.

— Я сегодня уезжаю, — говорит он, не глядя мне в глаза, — еду как раз туда, куда ты меня отправляешь, в Ору-Прету. По заданию твоего мужа.

— Какой же ты дурак, Фернандо или все мужики — идиоты и ты не один такой, — мой голос дрожит от непрощенных слёз. — Я жена другого и этот другой твой друг. Мы ничего не можем с этим поделать.

— Не можем или не хотим? — тихо задаёт он роковой вопрос.

— Мигелю повезло больше, он встретил меня первым, я его жена, ношу его ребёнка, о каких переменах ты говоришь? — отчаяние накрывает меня с головой.

Он же взрослый мужик должен понимать элементарные вещи. Не всё в жизни складывается так, как мы того хотим.

— Я не могу сказать, что люблю Мигеля, у нас слишком мало времени было для этого, но меня к нему тянет так, как никогда не тянуло к тебе.

Что ж, я не хочу говорить, что люблю Мигеля, чтобы Фернандо не посчитал меня легкомысленной. Тем более что эта любовь основана на физическом влечении. Фернандо и вполтину не так красив, как Мигель, зато он надёжен, как скала.

— Избавь меня, пожалуйста, от всего этого, — вдруг срывается Фернандо. — Ты ещё расскажи, как тебе с ним хорошо в постели.

— Если тебе это поможет, — иронизирую я, сама того не замечая, как привязываю его к себе ещё больше своим желанием помочь.

Недаром говорят, что благими намерениями устлана дорога в ад.

— Какая трогательная сцена, — демонстративно хлопает в ладоши Мигель, невесть как появившийся в самый неподходящий момент. — И ты ещё будешь говорить, что твои чувства платонические и моя жена ничего к тебе не испытывает?

Если бы взгляды могли убивать, то я уже лежала бы бездыханная. Мигель уничтожающе смотрит на меня. Вот только я не собираюсь сдаваться без боя. Думал, что подловил нас и я расплачусь и начну просить прощения? Не тут-то было. Я ещё тебя заставлю извиняться за свинское поведение.

— Ты давно подслушиваешь? — насколько могу спокойно спрашиваю я.

— Достаточно давно, чтобы сделать свои выводы, — разъярённо шипит он.

Соберись, Виктория, ты сможешь. Я в себя верю! Русские женщины коня на скаку останавливали, а тут всего лишь взбешённый испанец. Правда, он мой муж и обвиняет меня в измене, но это уже несущественные детали.

— То есть из всего, что ты услышал, смог сделать только настолько идиотский вывод? — спрашиваю я.

— А ты бы какой сделала? — рычит на меня муж.

Хватает меня за руку и притягивает к себе Мигель. Не знаю, что он хочет этим показать? Может просто демонстрация власти надо мной. Но не на ту напал. Как же меня уже «задолбали» эти собственники с обострённым чувством справедливости и мужской дружбы.

— Ты не еврей, чтобы отвечать вопросом на вопрос, — огрызаюсь я. — Ты упрекаешь Фернандо в том, что я равнодушна к нему. Так, ты прав.

Это стоило сказать, хотя бы ради удовольствия полюбоваться на их физиономии. Ошеломлённое Фернандо и озлобленное Мигеля. Кажется, муженёк готов разорвать нас голыми руками, но пока не решил, с кого начать.

— Кто закрыл меня от выстрела? — задаю самый важный вопрос. — Кто помогал мне с плантацией? Кто поддерживал меня, когда я опускала руки? Кто первым узнал, что я жду от тебя ребёнка и оберегал меня?

У Мигеля хватает совести смутиться.

— Я был в море, ты же знаешь, — уже намного тише произносит муж. — Я не мог остаться.

— Ты не мог остаться, зато оставил Фернандо, и он заменил тебя, — говорю я рискованные фразы. — И только благодаря его порядочности он не заменил тебя в нашей постели.

— Что? — опять взвизгивает Мигель, а Фернандо осуждающе качает головой. — Ах, ты вертихвостка!

— Фернандо — мой герой, а должен был быть ты, — безжалостно продолжаю я. — Я жду тебя, как глупая Пенелопа и что взамен? Ты приезжаешь, тащишь меня в спальню, а потом заявляешь, что я не в состоянии понять, о чём ты будешь говорить с управляющим.

Меня понесло. Оседлав боевого пони, я храбро кидаюсь в бой, защищая справедливость.

— Где ты был, когда меня пытались убить? Зарабатывал очередные тысячи золотых, продавая людей, в то время как меня защищал твой друг. Ой, прости, кажется, уже бывший друг, — повышаю голос я, долбя ему пальцем в грудь. — У тебя нет права обвинять нас. Ты заварил кашу и сбежал в море. А Фернандо расхлёбывал её.

— Успокойся, — снисходительно произносит Мигель, — я Фернандо хорошо заплатил за то, что он управлял моим поместьем.

— И за то, чтобы он выполнял роль телохранителя тоже? За то, чтобы он рисковал своей жизнью ради твоей жены, тоже заплатил?

— Да, заплатил? — рывкает он на меня.

— Чем? — ору я в ответ на него. — Тем, что вышвырнул его? Раненного и обессиленного?

— Его никто не вышвыривал, — рычит Мигель, — он сам решил уйти.

Только я открываю рот, чтобы завопить, что сама слышала, как он заставил Фернандо уйти, как захлопываю его. Чуть не проболталась. Надеюсь, что в гневе Мигель не так внимателен и не заметит мою чрезвычайную осведомлённость.

— Хорошо, раз вы такие паиньки оба, то прошу в кабинет, — делаю я приглашающий жест, — и постарайтесь не подраться.

— Что мы втроём будем делать в кабинете? — задаёт тупой вопрос Фернандо.

У меня чешется язык съязвить, что может он предлагает пройти в спальню, где сообразить старый добрый тройничок. Но благоразумие берёт вверх. Я и так слишком много наговорила для юной женщины, получившей воспитание в монастыре.

— Я поделюсь своим видением, — резко отвечаю я. — Можно хотя бы раз просто молча выполнить то, о чём я прошу.

Мигель, глядя на Фернандо, пожимает плечами, а тот заявляет:

— Беременность влияет на перемену настроения.

Твою ж на лево, акушер-гинеколог нашёлся тут. Может, останется и роды примет, раз такой всезнайка.

Просто удивительно, как быстро они сплотились против внешнего врага, то есть меня. Так и хочется поиронизировать на этот счёт. Что я их развела, и я же их снова подружила. Но промолчу. Не буду оскорблять мужское достоинство язвительными речами.

— Мои изменения можете обсудить за рюмочкой текилы, а сейчас господа, пройдите в помещение, я устала стоять и препираться с вами, — произношу я. — Как верно подметил, дон Фернандо, я беременна и у меня свои причуды.

Мигель довольно улыбается. Интересно, что его так развеселило.

— Так, что ты имеешь нам сказать? — парадирует одесский или еврейский говор Мигель, усаживаясь в кресло за столом. Нам с Мигелем достаются кресла возле окна.

— Дон Фернандо закройте окно, пожалуйста, — прошу его я, — и понаблюдайте, чтобы с той стороны никто не подслушивал.

— Как ты, дорогая, наш разговор с Фернандо, — мило улыбается Мигель.

— Да, как я, дорогой, — не смущаясь парирую я, — если я что-то хочу узнать, то докапываюсь до правды любыми средствами.

— Мы это уже заметили, Тори, — говорит мой муж, — так посвяти нас, что такого секретного ты хочешь сказать, что даже заставила нас угорать в духоте?

Я заставила его угорать в духоте бедняжечку. У меня начинает нарастать раздражение к этим двоим. Плюнуть бы и ничего не говорить, пускай сами долбаются и лелеют своё мужское превосходство. Гады ползучие!

И самое обидное, что это ещё лучшие из мужчин.

«Ты способна на многое, но только через мужчину», вспоминаю я слова колдуньи. Как же меня это бесит, Мигеля вообще не хочу видеть. Устроил тут самосуд, неандерталец хренов. Ревность у него, видите ли. Пока он шлялся по морям-океанам, у меня ревности не было.

«Помни, что ты слабая женщина. Твой муж из тех мужчин, которые могут перевернуть мир за одну твою улыбку», звучит у меня в голове голос матушки Аледжо.

Ладно, фиг с ними буду работать с тем, что есть и радоваться, что первоначальные позиции оказались не так уж и плохи.

— Я попросила закрыть окно потому, что не хочу, чтобы нас кто-то услышал, — говорю я. — То, что я скажу, не должно выйти за пределы этой комнаты.

— Ну, говори уже, разводишь таинственность, — раздражённо бормочет муж.

— Я нашла у нас на плантации алмазы, — будничным голосом произношу я.

Сонливость и раздражённость у мужчин словно рукой снимает. Глаза возбуждённо загораются.

— Ты уверена, что это алмазы? — подавшись вперёд, жадно спрашивает Фернандо.

— Конечно, уверена, — отвечаю я, — как и в том, что в ручье Трипуи в Ору-Прето вы сможете обнаружить золотые самородки. Два с половиной века эта местность будет давать золото. Очень рекомендую скупить, на которых протекает ручей.

— Откуда ты знаешь? — больно хватает меня за руку Фернандо.

Я медленно перевожу тяжёлый взгляд с моей руки ему в глаза. Устыдившись своего порыва, он отпускает руку.

— Есть разные уровни предсказаний, — придумываю на ходу я. — Большинство может предсказывать только судьбу человека. Я же не умею смотреть столь мелко. Я могу предсказывать судьбу стран и целого мира.

Они переглядываются, и Мигель кивает.

— Именно поэтому Фернандо необходимо ехать туда и скупить как можно больше земли. Со временем на этом месте вырастет город, а вы станете самыми богатыми людьми Бразилии, — говорю им то, что сейчас в моём мире знают многие, а здесь никто.

— Хорошо, я поеду, — нехотя произносит Фернандо, хотя полчаса назад уже попрощался с фазендой. А ещё говорят, что женщины непредсказуемы и меняют решения, как платья пять раз на дню.

— Что её тебе открыли в твоих видениях? — пряча улыбку спрашивает Мигель.

Почему он так странно реагирует на мою информацию? Надо откровенно поговорить с ним, но без Фернандо.

— Хороший бизнес на века, кроме золота и драгоценных камней — плантации сахарного тростника и кофейных деревьев, — делюсь с ним своими знаниями, всё равно нужно развивать эти два направления. — Если сейчас мы займёмся тем, что сосредоточимся на этих трёх направлениях, то даже наши правнуки будут богатейшими людьми мира.

— Ты к этому стремишься, Тори? — задаёт неожиданный вопрос Фернандо. — Ты хочешь стать самой богатой?

Этот аргумент я привожу для Мигеля, для него же важнее всего прибыль. Мне интересно просто развивать бизнес. Созидать и да получать от этого прибыль. Я кайфую от того, что могу раньше всех наладить торговлю кофе с Европой, открыть золотые рудники и добычу алмазов, усовершенствовать систему работы на плантациях, изменить хотя бы немного отношение к рабам. Но всё это приносит и будет приносить баснословную прибыль.

Но вот как это объяснить Фернандо? Что деньги мне приносит то, чем заниматься доставляет удовольствие.

— Большие деньги — большие проблемы, но они неотделимы от того, чем мы занимаемся, — подбирая слова, пытаюсь донести до них свою мысль. — Я считаю, что глупо не воспользоваться теми возможностями, которые преподносит нам судьба на блюдечке с голубой каёмочкой.

— А как же алмазы на нашей плантации? — спрашивает Мигель.

— Их нужно по-тихому собрать и пока не продавать, — отвечаю я и Мигель, соглашаясь со мной, кивает.

— Почему? — удивляется Фернандо.

Всё же Фернандо немного глупее моего мужа. Мигель сразу понял почему.

— Это же просто, Фернандо, — отвечает ему Мигель, — если мы продадим сейчас хоть один алмаз, начнутся вопросы, где мы его нашли. Сложить два и два элементарно, вот и набегут к нам на плантацию старатели всех мастей. Остановить в людях жажду наживы фактически невозможно, а я не желаю отстреливать их на своей земле.

— Если так хочется заполучить драгоценные камни, то я скажу, где нужно их добывать, — говорю я Фернандо, — но только поверьте мне золото не переведётся ещё два века, а вот залежи камней быстро истощатся.

Он смотрит на меня так, словно я специально зажимаю для него информацию, для Мигеля придерживаю. Отчасти он прав потому, что отдавать залежи драгоценных камней, которые пользуются и будут пользоваться спросом глупо. Подумаю о чём-нибудь попроще.

— Если ты настаиваешь, я постараюсь настроиться на эту информацию и расскажу тебе, где можешь копать, — и не удержавшись, пусть и только я пойму эту шутку, добавляю, — а где не копать.

Фернандо расплывается в довольной улыбке, а Мигель, напротив, хмурится. Да, серьёзный разговор с мужем назрел, как чирей на попке, пора вскрывать, пока сам не прорвался.

— Но за это, ты должен тоже мне помочь в одном деле, — говорю я и пристально смотрю на Фернандо.

— Что ещё за дело? — тут же взвивается мой ревнивый муж. Глаза его горят бешеным огнём. Мне ли не знать причины его возникновения? Я часто видела такой огонь в спальне.

Да, если бы я даже не знала, что он испанец, то по ревливой натуре несложно догадаться. Его пальцы непроизвольно тянутся к поясу, где у него должны быть кинжал, шпага или пистолет.

— Ничего сверх естественного, — успокаиваю его я, ещё не хватало кровопролития, — за то, что я вам помогаю, вы купите участки и на моё имя.

— Это ещё зачем? — допрашивает меня Мигель. — Ты решила уйти от меня?

Как с ним же сложно. Не успел вернуться, а уже создал столько проблем.

— Я ещё не решила уходить от тебя или нет, всё будет зависеть от твоего поведения, Мигель, — на полном серьёзе я говорю ему я. — Если продолжишь ревновать, то я точно сбегу.

— Я не ревную, я злюсь, — возмущается муж. — Ты замужем и не имеешь права обращать внимание на других мужчин.

Вот собственник, правильно предсказала мне матушка Аледжо, хлебну я с ним ещё. Не люблю ревнивцев, но равнодушных не люблю ещё больше.

— Мигель, мне воспитали так, что я никогда не опущусь до измены. Не представляю даже, что меня будут целовать чужие губы, ласкать чужие руки, — произношу я с брезгливым выражением лица. — У меня это вызывает чувство омерзения. А ты своими подозрениями вываливаешь меня в грязи.

У Мигеля хватает совести выглядеть пристыжённым.

— Фернандо мой друг, который много сделал для меня, — продолжаю я успокаивать мужа. — Я хочу отплатить ему добром.

— Тогда зачем покупать участки на твоё имя? — не унимается Мигель, а Фернандо кивает, поддерживая его. Редкое единодушие.

— Во-первых, я хочу оставить их в наследство дочерям или внучкам, — делюсь с ними я своими планами. — Чтобы каждая девочка нашей семьи получала в наследство дом и небольшое состояние, чтобы безбедно прожить без мужа и поддержки семьи.

— Это же полный бред, Тори, — усмехается Мигель. — Жена должна приносить мужу приданое, а не оставлять его себе на содержание.

— Они и принесут своим мужьям приданое, которое обязаны дать им отцы, — отрезаю я. — То, что я оставлю женщинам нашей семьи, никогда не попадёт в руки мужчин. Ни отец, ни братья, ни тем более муж не прикоснутся к деньгам женщин.

Я уже придумала, как это сделать. Положу в банк деньги и найму стряпчего, который будет зорко следить, чтобы финансы не пошли на «неотложные» нужды мужской половины семьи.

Состояние будет в нескольких домах, рудниках и определённой сумме денег. Осталось всё это заработать и найти верного человека из стряпчих, может, ещё какой-то хитрый ход есть. Нужно с доном Смитом посоветоваться. Что-то я его уже второй день не видела.

— Но почему, Тори? Что за глупая блажь? — непонимающе разводит он руками, поворачиваясь к другу ища у него поддержки.

— Послушай, Мигель, у донны Тори всегда очень разумные идеи и мне очень интересно,

как она думает осуществить свой план, — встревает в наш разговор, заинтересованный Фернандо.

А меня просто накрывает из-за этого снисходительного тона, из-за мужского пренебрежения. Вот именно поэтому я и хочу сделать своих ещё нерожденных девочек максимально независимыми. Как только мужа узнают, что жена имеет возможность не терпеть их самодурство, так быстро поджимают хвост. И в семье тишь, гладь, да божья благодать. А от отморожков, которым море по колено надо бежать даже в одном нижнем белье.

— Это не блажь, а разумная предусмотрительность, — парирую я его наглые вопросы, упираясь пальчиком ему в грудь. — В мире, где женщины ничего не значат, где их приданое проигрывается на скачках и в карты, спускается на любовниц, заставляя бедняжек жить в нищете я, как могу, буду защищать своих девочек. Да, что там приданое, их самих проигрывают в карты. Тебе ли этого не знать, Мигель?

Вопрос не в бровь, а в глаз. Я, сжав кулаки, наступаю на Мигеля с каждой фразой, повышая голос. Насмотрелась на то, как здесь относятся к женщинам. Своим потомкам я облегчу жизнь, насколько смогу. Мои девочки будут независимы настолько, насколько позволяют это сделать деньги.

Увидев его растерянное от моего напора лицо, немного сбавляю обороты.

— Это денежный фонд на самый крайний случай, — поясняю я. — Например, чтобы можно было сбежать от мужа-тирана, при необходимости даже в другую страну. Я посоветуюсь с доном Смитом, как всё лучше устроить. Пошли за ним слугу, пожалуйста.

Мигель выполняет мою просьбу, всё ещё находясь под воздействием моей пламенной речи и грандиозных планов.

— А ещё мне нужна моя доля затем, что я не хочу чувствовать себя на твоём иждивении. Хочу, чтобы ты знал, что я в любую минуту могу развернуться и уйти, — пристально глядя в глаза мужа, говорю я. — Тогда у тебя поубавится пыла устраивать сцены ревности.

— Я не сделаю этого, — шипит мне в лицо Мигель, нависая надо мной, пытаюсь подавить ростом и массой. — Ты моя жена и всё, что принадлежит тебе — моё.

Зрелище не для слабонервных. Я невольно закрываю руками живот, будто он хочет навредить ещё нерожденным малышам. Мне бы сейчас отдыхать, а не бороться за свою независимость и дружбу дорогих мне мужчин.

— Сделаешь, — набравшись храбрости, говорю ему в лицо. — Никуда ты не денешься. Только со мной ты можешь стать тем, кем давно мечтаешь.

Откуда приходят мне эти слова, бог весть, но взгляд Мигеля меняется. Он словно сдувается и заинтересованно смотрит на меня.

Не я брала эту паузу и не мне её нарушать. Я сжимаю губы, чтобы рой вопросов, роящихся в горле, не вырвался наружу. Он должен первый среагировать.

— Откуда такая уверенность? — обдумав как следует мою фразу спрашивает Мигель.

— В чём? — спрашиваю я. Ну, что ж раз тебе так хочется, поиграем в вопросы и ответы.

— В том, что именно ты та женщина, которую я ждал?

Мигель вопросительно смотрит на меня, а я борюсь с желанием послать его подальше. Возможно, даже с упоминанием одного очень известного корня растения. На хрен послать его хочу!!!

Но ничего не поделаешь, как писал классик «но раз тебе я отдана, то буду век тебе верна». Можно вспылить и даже послать, но реалии жизни не изменить. Мы женаты и придётся приспосабливаться. Находить в нём что-то хорошее, кроме постели. Только я найду, за что его можно полюбить, только настрою свою душу, как виолончель под его руку, как мерзкая ревность портит всё.

За время его отсутствия я наградила мужа теми качествами, которые мне нравятся в мужчине и полюбила его заочно. С его появлением в моей жизни поддерживать тлеющий огонёк влюблённости становится всё сложнее.

— Ты считаешь, что выяснять отношения при посторонних уместно? — любезно интересуюсь я у Мигеля. — Не лучше ли поговорить тет-а-тет, а Миша?

Лицо мужа меняется, и теперь-то он понимает, почему я именно та женщина, ниспосланная ему небесами. Интересно остановится или будет докапываться ещё?

Узнать ответ на этот вопрос у меня не получается, по весьма банальной причине — вернулся слуга с известиями о доне Смите.

— Хозяин его нигде нет, — склонив голову произносит он.

— Он уехал, Фернандо? — Мигель требует ответа с управляющего, который, по его мнению, должен знать всё, что творится на фазенде.

— Мне Смит ничего не говорил, — отвечает управляющий, — может быть, хозяйка знает. Она с ним дружит.

— Я не видела дона Смита несколько дней, — взволнованно произношу я, — но я была занята и думала, что просто не встречаюсь с ним. Мне он не говорил, что намерен уехать.

— А я всегда подозревал его, — удовлетворённо говорит Фернандо, — вот только дона Тори выгораживала.

У Мигеля на всё своё мнение. Он выслушал Фернандо, но выводы сделает сам. Такой уж он уродился. Никто не может повлиять на него.

— Скажи-ка мне, ты ничего странного не замечал последнее время? — спрашивает муж у слуги.

— Странное где? — уточняет он. — В доме или на плантации?

Мигель укоризненно смотрит на управляющего.

— А что и там, и там полно странностей? — увидев кивок слуги, добавляет, — мне неинтересно, что творится между рабами. Меня волнует тот, кто пытался убить управляющего и дон Смит.

— Дверь в комнату дона Смита была не закрыта, когда я постучал, она приоткрылась и я заглянул, — размеренно говорит слуга, а я подпрыгиваю от нетерпения. — В комнате разгром.

— Оставайтесь здесь, я схожу, посмотрю, — отдаёт распоряжение Мигель и забрав слугу, отправляется в комнату дона Смита.

— Загляни и в комнату Милы, они в последнее время были слишком близки, — кричу ему я вдогонку, а Мигель лишь кивает, дав понять, что слышал меня.

Разговаривать с Фернандо нет никакого желания, и я отхожу к окну, разглядывая сад.

— Тори... — начинает он, став позади меня так близко, что я слышу, как бьётся его сердце.

Не хочу ничего слышать.

— Не стоит ничего говорить, Фернандо. Мы с тобой были просто друзьями, помогали друг другу, — я говорю жестокие слова, но очень хочу, чтобы он нашёл своё счастье. — Прощу тебя, уезжай. Начни новую жизнь. Разбогатеи и женись.

— Я не хочу жениться... — с болью произносит он.

— Любить замужнюю женщину тяжкий крест. Зачем тебе это? Ты молод, привлекателен, небогат, но деньги имеются. Вокруг много женщин, которые почтут за счастье разделить с тобой жизнь. Я не хочу, чтобы ты мне что-то отвечал. Уезжай искать золото, пускай Мигель разбирается с тем, что происходит на его земле. Поверь, так будет лучше. Для всех.

Я вижу его отражение в окне. Grimаса боли искажает его лицо. Фернандо относится к тому типу мужчин, которые становятся превосходными мужьями. Вот только женщины таким степенным, надёжным и основательным предпочитают безумно красивых и опасных мужчин.

— Это моё последнее слово, — жёстче, чем следовало произношу я. — Уходи и живи своей жизнью. Без нас.

Вижу, как его руки замирают в опасной близости от моих плеч. Так и, не решившись обнять, он бессильно опускает руки и выходит из комнаты.

Даже здесь какая колоссальная разница. Фернандо будет молча страдать, Мигель же возьмёт своё и добьётся, наплевав на препятствия. Может быть, я не права и Фернандо сдерживает только дружба. Вот только для настоящей любви нет препятствий.

Я как собака на сене, гоню, но не отпускаю.

— Милы нет, в комнате убрано, если не считать пыли, а вот у Джона, всё перевернуто, будто что-то искали, — произносит Мигель. В глазах горит возбуждение. Он в своей стихии. — А где Фернандо?

— Ушёл сразу за тобой, — спокойно отвечаю я.

— Я разослал слуг на поиски Джона и Верейро, — говорит Мигель. — Я чувствую, что без твоего несостоявшегося муженька дело не обошлось.

Я пожимаю плечами. Мне-то что за дело до его разборок с теми, кто ему проигрался. Даже удачливость имеет свойство заканчиваться, не следует ей злоупотреблять.

— Рабы говорят, что он не уехал, а всё время крутился здесь, — Мигель меряет шагами кабинет. Мне передаются отголоски его чувств от смятения до вины за то, что оставил меня здесь, недооценив опасность. — Не думал я, что этот слизняк Верейро решит вернуть себе плантацию.

— Так, часто бывает, — отвечаю я, — сильные не пренебрегают слабыми, считая их неспособными сопротивляться. Но крыса, загнанная в угол, может быть страшнее льва. Вот и Верейро, оставшись у разбитого корыта, решил вернуть своё любой ценой. Нет больших и маленьких врагов, Мигель, есть просто враги.

— Я знаю, что Смит не виноват, — жёстко говорит муж.

— Мигель, я попросила у него бумаги на плантацию, а он сказал, что у него их нет, посоветовал поискать самой. Я искала, но не нашла, — говорю я. — Да и с Милой он последнее время часто общался.

— У него и не могло быть бумаг, я забрал их с собой и поместил в банк, — как само собой разумеющееся говорит Мигель, — все важные бумаги я держу в банке.

Очень разумные действия, я даже посмотрела на него с уважением. Может, и получится у нас совместная жизнь, если прикрутить ревность до разумных пределов.

— Он оформлял земли на кофейные плантации и вдоль русла реки, вдруг эти бумаги искали? — спрашиваю я, а сама кидаюсь к столу мужа.

— Ты хранила бумаги в доме? — настороженно спрашивает Мигель.

— Да, здесь, я заперла их в твоём столе, — я дёргаю за ручку запертого ящика, и он отъезжает. Бумаг там нет.

Поднимаю глаза на мужа. Сердце от страха колотится, как ненормальное. Хочу сказать, что они лежали здесь, в запертом ящике, но спазм перехватывает горло, и я издаю полухрип — полустон.

— Тори, о чём ты думала, когда оставляла здесь бумаги? — спрашивает Мигель недовольным тоном.

Я показываю на горло, что хотела бы ответить, но не могу. Не нравится мне такая реакция моего тела на стресс.

— Вопрос риторический, — отвечает он сам себе. — Ясное дело, что ты вообще не думала.

Что значит я не думала? Ящик стола заперт на ключ. Я нахожусь в собственном доме, кого мне опасаться? У меня нет мании преследования.

— Замок в ящике стола можно взломать ногтем, что, видимо, и проделали, — говорит Мигель. — Понимаешь почему я храню все важные документы в банке. В крайнем случае в тайнике.

Я задыхаюсь от негодования и такой почти святой правильности мужа. Весь он такой белый и пушистый, если не считать работорговли и игры в карты.

— Пошёл ты, Мигель, — едва слышно шепчу я и бреду к выходу из кабинета.

Уйду, плевать куда, в конце концов, я себя тоже не на помойке нашла, чтобы со мной обращаться подобным образом.

Да, исчезли документы, а я при чём? Он объяснил мне элементарные правила? Нет, сбежал на второй день брака, чтобы явиться и упрекать меня.

Я так зла сейчас, что руки чешутся заехать ему по физиономии. Но вместо этого слёзы капают из глаз. Отворачиваюсь и бреду к выходу. Может быть, я действительно ошиблась в доне Смите. Ещё немного и я позорно разревусь прямо в кабинете мужа.

— Постой, — Мигель удерживает меня за руку, разворачивает лицом к себе. — Ну, что ты?

Он прижимает моё лицо к своему плечу, гладит волосы, что-то утешающе бормочет.

Его ласковый голос и объятия разрушают последний бастион моей сдержанности. Во зачем он так? Сначала доведёт до слёз, а потом утешает.

— Ты из-за бумаг так расстроилась? — смотрит он на меня снисходительным взглядом.

— Не только из-за бумаг, — всхлипывая говорю я. И так гормоны шалют и всё время тянет то спать, то смеяться, то плакать, ещё и он добавляет переживаний. — Хотя и из-за них тоже. Ты хотя бы представляешь, какую работу мы проделали?

Затронув тему работы, я начинаю заводиться.

— Да, мы пахали, как проклятые, чтобы собрать урожай с деревьев, разбросанных по всей плантации. Затем, чтобы отобрать семена для посадки, прорастить их и высадить на отобранные мной участки.

— Не волнуйся, — успокаивает меня муж, — ты умница, что всё придумала, но делали-то всё рабы.

Вот тут у меня, как у быка на корриде, при виде красного плаща тореро, заливает кровью глаза.

— Да, неужели? — мои слова источают яд. — Кто нашёл эти деревья? Кто обучил рабов

отличать их от других насаждений плантации? Кто учил их собирать ягоды кофе? Обработать? Проращивать? Правильно срезать черенки и укоренять их? Откуда бы всё это знали рабы?

Мигель, сдерживая улыбку, кивает в такт моим вопросам.

— Меня больше интересует, откуда всё это знаешь ты? — удивлённо произносит Мигель, внимательно следя за моей реакцией.

— Я думаю, что ты сам знаешь ответ на свой вопрос, — отвечаю я, не сводя с него взгляда. — Так мы в гляделки можем играть долго, да Егорушкин?

Ни один мускул не дрогнул на лице мужа при упоминании фамилии студента, который загнал меня сюда.

— Что за странная фамилия? — спрашивает Мигель.

— Послушай, так получилось, что нас свела судьба, давай говорить откровенно, — устало говорю я, присаживаясь на ближайшее кресло. — Ты же не просто работорговец и игрок, ты ещё и колдун.

Вот тут глаза Мигеля загораются недобрым огнём. Он наклоняется ко мне и устрашающе спрашивает:

— Откуда ты это знаешь?

— Догадалась, — смело глядя в глаза, отвечаю я, — когда матушка Аледжо лечила Фернандо, мы с ней много разговаривали. Так вот, она сказала, что мы созданы друг для друга, но, чтобы понять это, нам придётся пройти немало испытаний.

Мигель молчит, словно и не с ним я разговариваю.

— И откуда вывод, что я колдун?

— Ты сказал, что не можешь не пойти в рейс, — продолжаю перечислять я, — любой мог бы отказаться, если он не член команды. Ты не член команды.

— И из этого ты сделала вывод, что я колдун?

— Ты был ошеломлён, когда увидел меня в первый раз, будто бы увидел призрака, — дожимаю его я.

— И отсюда вывод, что я колдун?

— Да, чёрт побери, на основе этого я и делаю такой вывод, — злюсь на него я. — А ещё ты очень похож на моего студента, который поспособствовал, чтобы я изнутри изучила историю Бразилии.

Мигель опять молчит, изучая меня. Я знаю, что права. Нутром чувствую, что моё появление в этом мире его рук дело.

— Тори, ты приходила мне во снах. Из-за тебя я не мог найти успокоение в объятиях самых опытных жриц любви. Я влюбился в женщину из сна.

Очень необычное признание. Я не ожидала, что именно так всё будет.

— Ты мой кошмар наяву, моё искушение и моё успокоение. Ты пробралась мне под кожу и растворилась, словно яд, в крови отравляя её.

— Всё это очень поэтично и льстит моему самолюбию, но что-то подсказывает мне, что ты уводишь разговор в сторону, — возвращаю я его на грешную землю.

— Это всё, что ты мне можешь ответить на признание в любви?

Глаза Мигеля опасно блестят, зная его характер, выкинуть он может всё что угодно. Но я не сдамся, прежде всего нужно узнать, он ли вызвал меня в этот мир.

— Пока ты мне не ответишь на вопрос, ты ли меня вытащил в этот мир, я тебе ничего не скажу ни о своих чувствах, ни о желаниях, — пробую достучаться до него.

— Да, чёрт побери! — кричит Мигель и я вздрагиваю. — Это я совершил обряд и призвал свою вторую половинку, где бы она ни была.

Охренеть! Занавес!

— Тори, я ревнивый собственник и с этим ничего не поделаешь, — разводит Мигель руками. — А ещё я действительно колдун. Так получилось. Но я, богом клянусь, не сразу понял, что мой призыв сработал.

— Ты меня просто огорошил, одно дело догадываться, а другое знать.

— Да, ладно тебе, Тори, так уж сложилось, что наши судьбы тесно переплелись сквозь время. Я дал тебе возможность начать новую жизнь, что тебя не устраивает?

Сложный вопрос, если всё рассматривать под таким углом, то да, всё отлично. А если...

Да, ладно, Тори, да при да если, всё отлично. Новая жизнь дала тебе то, чего не было в прошлой — мужа и ребёнка. Самое заветное желание — иметь семью — исполнилось. В общем, я благодарна Мигелю.

— Всё меня устраивает, особенно если ты будешь мне доверять и не ревновать понапрасну.

Уже три дня ищем дона Смита и Милу, а всё без толку. С Мигелем на эту тему бесполезно говорить, у нас с ним разные точки зрения.

Думаю, что они уже сбежали в город или в Европу. Но Мигель, своим чутьём уверен, что Смит где-то на территории плантации.

Стараюсь не вспоминать о доне Смите. Он самое большое моё разочарование. Я ему так доверяла, за отца считала, а он так со мной поступил. Предал моё доверие. В душу плюнул. Хорошие воспоминания перекрываются чёрным недоверием и обидой.

— Дон Мигель, нашли, — вбегает надсмотрщик Антонио, который, к слову, так и не смог привезти врача Фернандо.

Мы с мужем сидим в гостиной. Он читает книгу, а я как бы это ни было для меня удивительно, вышиваю. Проснулась память моего тела на рукоделие, и я не стала её глушить, с упоением готовя приданое своим малышам.

— Кого нашли? — я подаюсь вперёд от любопытства.

— Всех и нашли, — отвечает Антонио, — дона Смита, служанку госпожи и бывшего хозяина.

Нашли! У меня сердце колотится сильнее. Как я посмотрю в глаза, тому, кого считала почти отцом, что скажу? Беспомощно смотрю на Мигеля.

— Не волнуйся, Тори, я рядом, — тут же подлетает ко мне муж, обнимая за плечи. Он неправильно понимает, чем вызван мой страх, — никто тебя даже пальцем не тронет.

После нашего объяснения и отъезда Фернандо, муж как будто навёрстывает время, которое провёл вдали от меня. Сам не участвует в поисках, предоставив всё работникам.

У нас словно медовый месяц, которого не было. Он выслушал мои идеи насчёт кофейной плантации и рудников. Подсказал, где я совершила ошибки в планах или сбыте кофе в Европу. А уж какие горячие у нас ночи, раскалённый песок Сахары и то холоднее.

Я не узнаю того ревнивого тирана, который вернулся ко мне. Он медленно, но верно завоёвывает моё доверие и любовь. Изменения в поведении Мигеля меня радуют. Надеюсь, что так будет не только когда мы наедине на плантации.

— Где они? — спокойно спрашивает Мигель, — Тащи их сюда, ещё не хватало повторения случая с Фернандо.

Антонио заводит избитого дона Смита, на распухших губах запечённая кровь, правый глаз заплыл, лицо в кровоподтёках. А чистенькая, ухоженная Мила, красуется в одном из моих платьев.

— А где Верейро? — недоумевающе разглядывая парочку спрашивает Мигель.

Надсмотрщик прячет глаза, с силой сжимая шляпу в руках, оттягивая неизбежный ответ.

— Чего мнёшься, как девка на выданье, — требует у него немедленного отчёта муж, — говори, что там произошло.

— Мы нашли эту троицу в хижине в лесу на границе наших владений, — начинает издали рассказ Антонио. — Дон Смит лежал связанный с кляпом во рту. Эта девица миловалась с доном Верейро.

Субординация, впитанная с молоком матери. Есть хозяйева и рабы, а он посередине, как котлета в бургере. Хоть и бывший, но хозяин.

— Когда дон Педро увидел нас, выскочил в окно. Мы погнались за ним, но там же

болото. В общем, это... — он затеребил шляпу, которую держит в руках. — Он утонул в болоте.

Мигель подходит к нему, поднимает голову и впивается взглядом, словно хочет проникнуть в душу и узнать правду. Хотя почему хочет, может, уже и проник и сейчас читает его мысли. Никто не знает, что Мигель — колдун, но это и к лучшему.

Антонио работал при Верейро и вполне мог сохранить ему верность и именно этим обстоятельством вызвано недоверие к его словам.

— Допустим, что я тебе поверил на слово, — говорит Мигель таким тоном, словно это последнее, что он готов сделать, — а если, вдруг твой бывший хозяин, воскреснет, как Иисус. Ты готов поставить в заклад свою голову, что я больше никогда не увижу Верейро живым?

Всего лишь на миг в глазах Антонио мелькает сомнение, но нет, он берёт ответственность на себя:

— Готов! Я своими глазами видел, как его засосала топь. Если я тоже увижу его живым, то значит, перед смертью я узрел настоящее воскресение из мёртвых.

Я успокаиваюсь. Мёртв и слава богу. Мигель не то чтобы поверил, но, видимо, решил проверить по своим каналам. Не знаю, у кого он будет спрашивать у бога или у дьявола, но ответ получит.

— А с этими ребятами что приключилось? — заглядывая по очереди в глаза Миле и дону Смигу спрашивает Мигель у Антонио.

Словно к нам они не имеют никакого отношения, так мимо проходили.

— Милагреш, чего тебе не хватало? — задаёт вопрос Мигель, заглядывая ей в глаза. Прямо отец родной, так мило он разговаривает. Заботится о моей бывшей служанке. Вот только муж не знает жалости к предателям и участь Милы не завидна.

— Педро обещал жениться и сделать меня хозяйкой плантации, — гордо отвечает Мила, с высока поглядывая на меня.

Мне остаётся только пожалеть её. Разумом бог обидел, разве на таких обижаются?

— А то, что для этого нужно будет убить твою хозяйку, тебя не смущало? — Мигель резко меняется из доброго батюшки в злого следователя, с милого ласкового тона переходит на крик.

Мила, не ожидавшая такого поворота, начинает рыдать, но на Мигеля её слёзы не действуют. Она уже ему неинтересна. А я боюсь задавать вопросы своей бывшей служанке, чтобы не расстраиваться. В моём положении волноваться вредно.

— Дон Смит, что с вами случилось? — ласково спрашиваю я, терзаясь муками совести. Не выдерживаю, срываюсь с места, усаживая его рядом с собой.

Он пытается, что-то сказать, но пока не выходит. Распухшие губы не повинуются своему хозяину. Я посылаю рабыню за чистой водой, чтобы смыть кровь и матушкой Аледжо, чтобы помочь Смигу.

— После вашей свадьбы ко мне подошёл Педро и предложил выкрасть бумаги на фазенду. Я отказался и рассказал всё Мигелю, — говорит дон Смит, морщась от боли.

— Я слышала ваш разговор с Верейро ночью и тоже рассказала Мигелю, — ободряю я его.

— Мигель оставил вместо себя Фернандо, который мне не доверял. Как-то прогуливаясь по лесочку, я заметил, как Мила озирается, скрылась с другой стороны. Я проследил за ней и увидел, что она встречается с Педро. Как я понял, они состояли в очень близких отношениях.

— Мила, это ты рассказывала Верейро о моих планах и перемещениях?

— Да и что? Я помогала своему будущему мужу, — вызывающе глядя на меня, выкрикивает служанка.

Ну и змею пригрела я на своей груди. Знала бы, оставила её в Португалии. Нет, не я её брала с собой в дорогу. Продала бы Себастьяну Перейра.

Разговаривать с ней бесполезно. Она уже в мечтах хозяйка плантации, а я лишь досадное недоразумение на её пути, которое нужно устранить.

— Бумаги по плантации я спрятал в банке, Мила, — говорит Мигель, — зря ты обыскивала комнату дона Смита. И его вы похитили зря. Зачем он вам вообще был нужен?

— Педро хотел, чтобы Смит составил другие бумаги, по которым плантация отходила бы ему. Подпись твою заставлял подделывать.

— Мигель, так может Мила и украла мои документы? — с надеждой спрашиваю я мужа.

— Нет, их взял я и перепрятал, им эти бумаги тоже не достались, — произносит дон Смит, теряя сознание.

Не дон Смит, а герой. Правильно, что я доверяла ему. И так стыдно, что усомнилась в последнее время.

Мы передаём его на попечение матушки Аледжо. Похоже, колдунья стала нашим лечащим врачом. Фернандо так и не успел выписать доктора из Европы.

— Что же нам делать с тобой Мила? — Мигель в задумчивости чешет затылок. — Может отдать тебя на потеху рабам?

У меня глаза расширяются от ужаса. А Мила падает в ноги Мигелю, обливаясь слезами. Нет, я не верю, что он способен на такое зверство.

— Хотя нет. Какой бы гадиной ты ни была, но слишком шикарно им развлекаться с белой женщиной, — продолжает Мигель, словно не замечая напряжённой тишины, повисшей в гостиной. — Антонио, похорони её там же, где попрощался с жизнью её любовник.

— Хозяин, разрешите мне её себе оставить, — просит надсмотрщик.

Я облегчённо перевожу дух, может, разрешит Мигель и Мила останется жива.

— Нет, я не прощаю предателей и не оставляю живых врагов за спиной, — жёстко отвечает муж. — Именно поэтому я до сих пор жив и хочу, чтобы мои жена и дети жили в безопасности.

Антонио склонил голову, в глазах блеснуло недовольство.

— Адам, ты убьёшь девчонку, — отдаёт распоряжение Мигель, переводя взгляд с одного на другого, — и не вздумайте меня обмануть, я всё равно узнаю и тогда не сносить вам головы. Собственноручно пристрелю.

Адам, схватив под локоть отчаянно визжащую и отбивающуюся Милу потащил её к выходу. Антонио отправляется за ним.

Мне становится не по себе. Я избегаю даже взглядом встречаться с мужем. Не знаю, как реагировать на такую вопиющую жестокость.

— Тори, я тебя люблю и никому не дам в обиду, — чувствует Мигель моё состояние, — наша жизнь только начинается. Давай не будем осложнять её живыми врагами и обидами. Мила тебе никто. Помогала убить тебя, а ты сейчас обижаешься на меня.

— Да, ты прав, прости. Начнём жизнь с чистого листа.

Восемь месяцев спустя

— Тужься, я тебе говорю, — покрикивает на меня матушка Аледжо.

— Да тужусь, я тужусь, — огрызаюсь я в ответ.

Я рожаю с утра, а близнецы всё никак не могут появиться на свет. Я устала, мне жарко не только от напряжения, но и от изнуряющей жары. Моим детям суждено родиться в самый жаркий месяц года.

Бледный, как мел Мигель изредка заглядывает в дверь, чтобы удостовериться, что мы в порядке. У него перед носом Сара захлопывает дверь, вызывая у меня слабую улыбку.

— Давай, моя хорошая, последнее усилие, детишкам не терпится появиться на свет. Они уже заждались встречи с тобой, — упрашивает меня колдунья и мастерски надавливает на живот, ускоряя появление младенцев.

Громкий крик разорвал тишину плантации, когда матушка Аледжо шлёпнула сына по попке. Вслед за ним, не заставляя себя долго ждать, появляется...девочка.

Мигель ошибся в своём предсказании, у него родились не два сына, а сын и дочь.

— Хозяин, можете входить, — распахивает двери Сара, помогавшая принимать наших детей. Матушка Аледжо успела привести меня в порядок и единственное, что указывает на то, что я рожала мокрые волосы и уставший вид.

— Покажите мне моих мальчиков, моих наследников, — сюсюкает Мигель и так необычно видеть его в таком состоянии, — Кто первым родился Андерес или Филлипо?

— У вас мальчик и девочка, дон Мигель, — обрушивает на него радостную новость колдунья. — Родились именно в такой последовательности.

— Значит, наследник, — блаженно улыбается Мигель, глядя на детей, но категорически отказывается взять их на руки. Он разглядывает голеньких детей с каким-то нездоровым любопытством.

— Нет, ни у кого нет, — бормочет он себе под нос, — как же так, быть этого не может.

— Проявится позже, — успокаивает его матушка Алледжо, — увидишь знак лет в семь. В этом возрасте просыпается дар.

Мигель в своём репертуаре. Дети не успели появиться на свет, а он уже ищет среди них своего преемника. Чёртов фанатик! Надеюсь, что ни у кого из них не проявится его магические способности.

Удовлетворившись ответом колдуньи, муж возвращается ко мне. Присев на краешек кровати, он заключает меня в объятия, покрывая лицо нежными поцелуями.

— Люблю тебя, Тори, — шепчет он мне на ушко, — спасибо тебе за детей. Только ты могла за один раз подарить мне и сына, и дочь. Моя единственная и неповторимая жена.

Как же приятно слышать такие слова. Хотя он не устаёт повторять о своей любви, доказывая её каждый день и каждую ночь.

— Я тоже тебя люблю, Мигель, — первый раз признаюсь ему в любви я.

Вспыхнувшее от счастья его лицо стало лучшей наградой за мои страдания сегодня.

— Это самый счастливый день в моей жизни, — целуя меня, говорит Мигель, — мы будем отмечать его каждый год.

— Конечно, это же день рождения наших детей, — взлохмачиваю я ему волосы,

счастливого улыбаясь.

Матушка Аледжо приносит мне ребёнка, уже чистенького и запеленатого. Она помогает приложить к груди сына, показывая, как правильно кормить и отходит заниматься дочерью.

Андрес, забавно морща носик, посапывая, сосёт молоко. Мигель не сводит с него умильного взгляда.

— Не только это. В этот день ты призналась мне в любви, и мы будем отмечать его только вдвоём, после праздника в честь дня рождения, — обещает он мне, а я лишь киваю в ответ.

Насытившегося и заснувшего прямо на груди сыночка забирает Сара, укладывая в детскую кроватку на двоих, разделённую перегородкой. Её сделал по моим эскизам столяр и украсил резьбой.

Место сына занимает Габриель, повторяя действия брата один в один. Мигель не сводит восхищённого взгляда с дочери:

— Какая же она красотка, Тори, на тебя похожа. Когда она вырастет, подберём ей достойную партию. А сына женим на дочери губернатора.

— Скажи ещё императора, — смеюсь с его планов я.

— Нет, император не нужен. Их век у нас недолог. — возражает Мигель. — Они будут у нас самыми счастливыми на свете.

И тут мне нечего возразить, потому что я разделяю его стремления и взгляды. Мы с ним одно целое.

Впереди нас ждёт целая жизнь, наполненная яркими событиями. Судьба подарила мне новый шанс, а я смогла использовать его, реализовав свою мечту о любящем муже и детях.

Больше книг на сайте - Knigoed.net